

ОГОНЁК

№ 32 АВГУСТ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Комсомолка Татьяна Муляр, участница художественной самодеятельности. Она работает на Кишиневской обувной фабрике имени Сергея Лазо. Фото Риммы Лихач.

Николай Черкасов:
«Я не согласен с Мариэттой Шагинян»

НАЧИНАЕМ ПЕЧАТАТЬ ПОВЕСТЬ М. БЕЛАХОВОЙ «ДОЧЬ»

ОКЕАН, КИТЫ, ЦУНАМИ

ЧЕМПИОН, ПОБЕДИВШИЙ БЕДУ



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 32 (1729)

7 АВГУСТА 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КИТ НА ЛИНЕ! МЕТКИМ ВЫСТРЕЛОМ ГАРПУНЕРА СРАЖЕН МОРСКОЙ ВЕЛИКАН.
См. в номере очерк «Там, где бушевали цунами»

Фото И. Тункеля.

День за днем

НА ПОДМОГУ К ЦЕЛИННИКАМ — убирать богатый урожай — спешит молодежь из многих городов. Эти девушки с Московского автозавода имени Лихачева поехали в Кустанайскую область.

Фото Е. Семенова (ТАСС).



ИЗУЧАТЬ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ВУЛКАНЫ КАМЧАТКИ отправилась экспедиция недавно созданной Камчатской геолого-геофизической обсерватории Академии наук СССР.

Фото Ю. Муравина.



МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ туристский лагерь в Сочи принял первых туристов из Польши и ГДР.

Фото И. Григорова (ТАСС).



В ГОРНОМ РАЙОНЕ ВЫСОКИЙ ТАУЭРН, близ Зальцбурга, сооружен первый австрийский молокопровод. Раньше молоко из горных селений носили в долину в бидонах по труднопроходимым тропам. Молокопровод изготовлен из швейцарского искусственного волокна.

Фото Карла Поспеша.

ПРЕДОЛИМПИЙСКИЙ БАСКЕТБОЛЬНЫЙ ТУРНИР сборных команд Болгарии, Чехословакии, Франции и СССР закончился в Москве.

Советские баскетболисты участвовали в турнире двумя коллективами: основным и молодежным. Молодежная сборная СССР победила сильную команду Чехословакии. Первое место в турнире завоевали болгарские баскетболисты.

На снимке: с болгарскими баскетболистами играет сборная молодежная команда СССР.

Фото А. Бочинина.

ВТОРОЙ РАЗ ПРИЕХАЛ НА ГАСТРОЛИ в Москву Новосибирский театр оперы и балета.



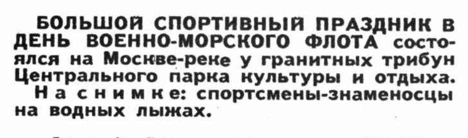
11 спектаклей покажет он москвичам. Среди них балеты советских композиторов «Каменный цветок» и «Тарас Бульба» и опера чешского композитора Л. Яначека «Ее падчерица». На снимке: Тарас Бульба — артист Г. Рыхлов.

Фото Д. Ухтомского.

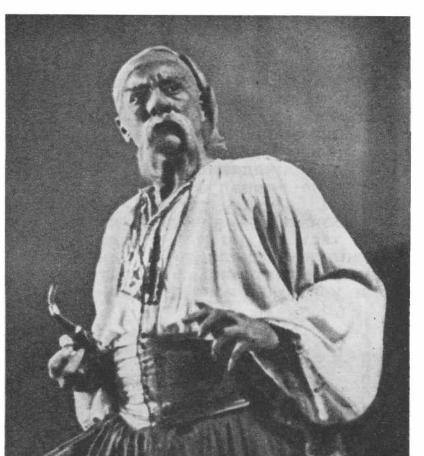
БОЛЬШОЙ СПОРТИВНЫЙ ПРАЗДНИК В ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА состоялся на Москве-реке у гранитных трибун Центрального парка культуры и отдыха.

На снимке: спортсмены-знаменосцы на водных лыжах.

Фото А. Сергеева-Васильева (ТАСС).

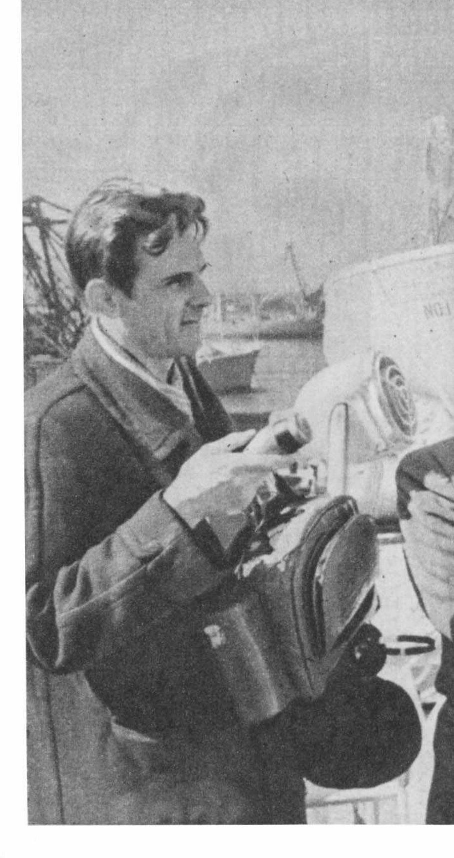












Теплоход «Иван Москвин», оцепленный полицией в Нью-Йоркском порту.

ТАК ВСТРЕЧАЮТ ГОСТЕЙ

Первый снимок, публикуемый здесь, сделан в Нью-Йорке, второй — в Ленинграде.

Вот что рассказывает о первом снимке капитан советского теплохода «Иван Москвин» Ф. Д. Степанов:

— Полицейские в форме и штатском окружили наше судно, едва оно ошвартовалось у причала. Американские журналисты хотели побеседовать со мною, но ни одного из них полиция не пустила на судно. Пришлось мне сойти на берег и на задворках какого-то склада проводить «пресс-конференцию». Когда после долгих хлопот команде «Ивана Мо-

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Руд. БЕРШАДСКИЙ

Климент Ефремович Ворошилов спешил из Москвы в Ленинград. Он был назначен командующим войсками Северо-Западного направления. Стояло памятное лето 1941 года.

Случилось так, что едва поезд командующего прибыл на станцию Большая Вишера, как внезапно налетевшая фашистская авиация подожгла здесь состав с нефтью — десятки цистерн (лишь в хвосте его шла какая-то одинокая пустая теплушка).

Пылающая нефть мгновенно объяла станцию. Дорога к Ленинграду оказалась перекрытой. В огненном море обугливались шпалы, сваривались стрелки, выгибались от жары рельсы. Состав стоял без паровоза: перед самой бомбежкой паровоз ушел на экипировку вперед. Теперь он вынужден был отстаиваться за выходными стрелками: пробиться через огонь было невозможно.

Как же все-таки доставить Климента Ефремовича в Ленинград?

Примчался из Маловишерского паровозного депо на Большую Вишеру инженер Галковский: придумать что-нибудь на месте. Посоветовался с машинистом Божеволем.

Божеволь сказал:

— Идите к Клименту Ефремовичу, предложите ему ехать со мной на паровозе, больше ничего не остается..

Климент Ефремович выслушал предложение железнодорожников, но не принял его.

— Мне надо прибыть в Ленинград не одному, а со всеми моими товарищами. Придумайте чтолибо еще.

Галковский — в обратный путь к Божеволю.

И, представьте себе, ведь придумали! Климент Ефремович диву дался, когда узнал, что именно.

А Божеволь надумал вот что. Пустая теплушка, прицепленная в хвост состава с нефтью, к счастью, не загорелась. Вот Божеволь и предложил отцепить ее, отогнать от горящего состава назад, в направлении к Ленинграду, тоже за выходные стрелки, поближе к его паровозу (неважно, что он стоял не на одном пути с ней, а на соседнем!), и здесь соединить теплушку с паровозом при помощи.. бревна и проволоки! Положить бревно одним концом на буфера паровоза, а другим — на буфера теплушки и крепко-накрепко прикрутить проволокой. Так и двигаться малым ходом: паровоз — на одном пути, а вагон — на соседнем, до следующей станции, где можно будет наконец воспользоваться стрелками и произвести нужный маневр. Никогда еще железнодорожный транспорт не знавал этакого метода сцепки!

Климент Ефремович и вся его группа, хотя и в тесноте, но разместившаяся в теплушке, были доставлены в Ленинград вовремя.

Эту историю я услышал из уст машиниста Петра Евдокимовича Божеволя, ныне уже пенсионера. Мы разговаривали на втором этаже административного корпуса Восьмого локомотивного депо Октябрьской железной дороги в Ленинграде. На двери зала, в котором мы сидели, висит табличка: «Музей открыт с 11 до 1 часа». И все в зале как положено музею: и застекленные витрины и постоянные дежурства сотрудников.

Однако что это за музей, упоминания о котором не встретишь даже в самом подробном справочнике культпросветучреждений Ленинграда?

Пожалуй, словосочетание «самодеятельный музей» звучит непривычно. Тем не менее это наиболее точно. Музей создан патриотами депо.

Обыденные и вроде бы совсем неинтересные вещи необычайно звучным голосом заговорили с музейных витрин!

Вот, к примеру, фото: дача в саду близ станции Ушаки. Это первый дом отдыха депо. Он возник в 1921 году, в гражданскую войну.

Райпрофсож поручил выделенному от депо машинисту Койро подыскать подходящий пустующий дом. Дело оказалось нетрудным. Много таких особняков пустовало в ту пору близ Петрограда. Значительно труднее было снабдить дом отдыха продовольствием. Кое-как удалось разжиться лишь 85 килограммами пшена. Но и то, выдавая их, на продбазе предупредили:

— Расходуйте экономно! Учтите: это вам на два месяца отпущено. Ясно?

В силу таких обстоятельств Райпрофсож, открывая первый дом отдыха, постановил:

«1. Дом отдыха будет работать раз в неделю, по воскресеньям. 2. Отдыхающие принимаются только по талонам Райпрофсожа. 3. Отдыхающие приезжают со своим хлебом, а горячий суп из пшена получают на обед на месте...»

Сейчас музей озабочен розысками талонов, которые Райпрофсож выдавал отдыхающим. Занятнейший был бы экспонат! Но кто хранит старые, ненужные бумажки? Лишь случайно они, может быть, завалялись у кого-нибудь...

А вот под стеклом витрины истрепанная на сгибах квитанция № 6885: о сдаче для отправки бастующим шведским рабочим и их детям носильных вещей, собранных коллективом депо по инициативе партийной ячейки. Это живая весть о 1920 годе.

Скупо и выразительно умеет говорить история!

Под потолком — знамя. Видно, оно даже никогда не было прибито к древку. Но почему оно пропорото не то осколками, не то пулеметной очередью?

Удивляться нечему. Хотя знамя и не выходило никогда за пределы депо, но оно вместе с ним перенесло блокаду! И вместе с ним, вместе с пришедшими тогда в депо домохозяйками и «ремесленниками» тоже стало бойцом. Очередная бомбежка настигла и его...

На стене под этим знаменем — мраморная мемориальная доска с фамилиями павших на своем посту во время артиллерийских обстрелов Ленинграда в 1941 году. Николаев, машинист, Нуржа, бригадир, Журак, слесарь... И еще, и еще... Они тоже не выходили из депо. Ни на час. Никуда. Их пост был здесь.

А рядом фотографии тех, кто под этим же артобстрелом, в голод и холод выполнял по две и по три нормы: слесарь-экипажник Данилов, токари Махилев, Евстигнеев, слесари Радько, Голущенко, Ушанчиков, Коротков... Лица, на которые страшно смотреть,— такие тени положил на них голод. Недаром в тот год, когда выделяли



Капитан американского лайнера «Бразилия» А. Пирс беседует с советскими журналистами в Ленинградском порту.

сквина» было разрешено сойти на берег, полицейские пытались обыскивать наших моряков.

Второй снимок сделан на днях мною в Ленинградском порту во время прихода туда американского лайнера «Бразилия». Капитан «Бразилии» Артур Пирс смог провести пресс-конференцию для советских журналистов на борту своего судна. Американские моряки — члены команды лайнера — гуляли по городу, фотографировались у исторических памятников Ленинграда, вечером танцевали и слушали концерт в нашем клубе.

А. БРОДСКИЙ

бригаду на паровоз, одновременно назначали и помощников ей. В их задачу входило, как записано в одном из официальных деповских документов, «помочь бригаде дойти до паровоза, принять его и подняться на паровоз». Одни, без помощи, люди чаще всего были не в состоянии тогда сделать это...

И еще фотография (смазанная, к сожалению, немного): переброска паровоза на Большую землю через Ладожское озеро в 1942 году. Тогда Ленинграду не требовалось столько паровозов, сколько их застряло в нем: им некуда было ходить в кольце блокады. А стране они нужны были до зарезу.

Впрочем, фотография не смазана: это так вышли всплески воды от разрывов авиабомб, которыми гитлеровцы засыпали паромы,— надо пристальней вглядеться. И все-таки все шесть паровозов были переброшены в целости...

Переходит от фотографии к фотографии и от витрины к витрине молодой слесарь, видно, впервые заглянувший сегодня в свой деповский музей. За один раз его, пожалуй, и не осмотришь весь! Тем более, что на одном из самых видных мест в музее лежит такой уникальный «экспонат», на знакомство с которым не жаль потратить и час, и два, и три.

Это единственный экземпляр истории депо, созданный группой ветеранов во главе с главным бухгалтером Евгением Андреевичем Зимбули.

Может быть, посетителю не очень внимательному иные экспонаты музея покажутся недостаточно выразительными. Ну что особенного, допустим, в макете паровоза или в диораме «Паровозное депо. 1851 год»! Картинка и картинка. Эка невидаль!

А ветеранам она о многом напомнит... Восьмое депо — старейшее в нашей стране. Существует оно больше ста лет, еще с тех пор, когда почтовые поезда от Петербурга до Москвы на всем пути следования сопровождали на конях жандармы, а машинисты и их помощники сверкали медью касок.

И стоит только вглядеться в любой из экспонатов этого уголка, как они вдруг начинают рассказывать «о времени и о себе» так ярко, так щедро и — не побоюсь этого слова — поэтично.

Та же диорама: «Паровозное депо. 1851 год». Рельсы из черных прутиков, паровозик, оклеенный синей бумагой, три трогательных деревца из распластанных веточек высушенного мха — все старательно и так по-детски разноцветно, подробно, даже ватный дымок из трубы паровоза не позабыт!

Кто автор? Надпись крупными буквами, выгравированная на металлической табличке, прикрепленной к диораме, говорит об этом скромно и с достоинством. «В подарок музею в честь 35-летия,— гласит она,— своей работы на Октябрьской магистрали — от начальника рефрижераторного поезда А. В. Казаринова. 1.X—1924—1.X—1959».

...При входе в здание, где помещается музей, стоят густые тополя. Это очень памятные деревья. Их посадили в 1920 году, на первом же субботнике, который был тут проведен. Тогда сразу же решили: баста, кончили работать из-под палки! Значит, и рабочему месту хватит быть каторжным двором, где сажа, копоть, дым да грязь.

И все больше уходят отсюда в прошлое и сажа и грязь. В кузнице, в котельном цехе теперь бьют фонтанчики, на окнах белые занавески.

А молодежь какая пошла! У нее среднее, а то и высшее образование. Находят время и учиться и работать. И воспринимает она как нечто само собою разумеющееся то, что к управлению электровозом можно становиться в белых перчатках и что рабочий день длится семь часов.

...Как быстро движется история! Пожалуй, скоро и наш день, сегодняшний, начнет вызывать такие же чувства у тех, кто завтра придет нам на смену. И оттого заключительный раздел в музее депо — это витрина, посвященная бригадам коммунистического труда. На ней обязательство и фото машиниста Постоногова, последователя Валентины Гагановой, обязательства и фото тепловозных бригад старших машинистов Коновалова и Гожева,— им первым в депо присвоили звание бригад коммунистического труда. Это и есть сегодняшний день, который уже шагнул в завтра.

«ИСКРЕННИЙ ПАРТИЗАН» РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

28 июля на 97-м году жизни скончалась Этель Лилиан Войнич — автор всемирно известного романа «Овод». Ниже печатаются новые материалы о связях Э. Л. Войнич с русским революционным движением.

В рукописном фонде виднейшего народника П. Л. Лаврова в Центральном государственном историческом архиве в Москве сохранилось письмо за подписью «Лилия Буль» (девичья фамилия Этель Лилиан Войнич):

«103 Saymour Place
Bryanston Square
London. W
22.4.1890

Многоуважаемый Петр Лаврович.

Александра Лонгиновна мне вчера показала письмо от Вас, которое меня немножко беспокоило на счет хирургических инструментов для жены Василия Караулова.

Ольга Николаевна обещалась искать для меня путешественника, который согласился бы их взять с собой до Петербурга, и говорила даже об одном господине, которому было бы особенно желательно их передать, так как он врач, и поэтому мог бы лучше других устроиться на границе. Ну, а вдруг она без всяких слов уехала, а я не знаю, ни кто этот врач, ни как мне справиться. А между тем, им там без инструментов очень трудно будет жить.

Будьте, пожалуйста, так добры, напишите мне, уехала ли тоже Зинаида Судакова? Если нет, так она наверно знает фамилию этого врача и когда он должен ехать. (Кажется, в Мае он хотел).

А если она тоже уехала, так нельзя ли найти какого-то другого человека,— хоть не врача,— который их только проводил бы через границу?

Конечно, если никто не находится, так придется их через контору отправить, но это такой риск, что, мне кажется, только в крайнем случае можно с этим примириться. Я тоже не знаю, сколько денег мне выслать на отправку: — об этом тоже Ольга Николаевна обещалась справиться.

Простите, пожалуйста, что я Вас так беспокою на счет этих несчастных инструментов. Я знаю, что Вы очень заняты: — но я совсем не могу успокоиться из-за моих бедных друзей. Положение их настолько тяжело и беспомощно, (тем более что кроме них совсем нет политических в их месте помещения), что я из-за них постоянно боюсь...

Что касается до Лесевича, я недавно получила письмо от одного знакомого в России, который пишет, что Лесевич у него просил мой адрес, говоря, что хочет меня спросить об одной английской газете. Это, конечно, наша газета, которая на днях выходит.

Так значит, он еще решается нам писать; — а по моему напрасно; — уж несколько раз писали, а письма не доходят; — за ним видно, очень следят.

С брошюрками Вашими я на днях свою работу кончу, и их пошлю Вам обратно с благодарностью.

Простите опять, что я так много Вашего времени занимаю,— и что, наверно, неправильно по-русски пишу. Если будет случай когда-нибудь переписаться с Василием не через почту: — то не забывайте меня, пожалуйста.

С истинным уважением
Лилия Буль.

Ольга Николаевна как-то говорила об одном человеке, который (кажется, летом) должен был ехать прямо в Балаганский Округ.

Адрес: Врачу Прасковье Васильевне Карауловой.
Село Усть-Уда. Балаган.-Окр.».

Читатели «Огонька», вероятно, помнят, что в 1887—1889 годах Э. Л. Войнич жила в Петербурге, в семье П. В. Карауловой, муж которой был сослан в Восточную Сибирь, и что один богатый англичанин приобрел набор хирургических инструментов для П. В. Карауловой, последовавшей за мужем.

Письмо показывает, сколько трудностей надо было преодолеть, чтобы доставить эти инструменты по назначению. Письмо также свидетельствует о близком знакомстве Войнич с Лавровым, который много лет жил эмигрантом в Париже. В 1889—1890 годах Лавров в Лондон не приезжал. Значит, Войнич ездила в Париж и там познакомилась с Лавровым?

Прежде всего посмотрим письма ближайшего друга Войнич, ее наставника и «опекуна», как она его называла,— С. М. Степняка-Кравчинского, к Лаврову.

В письме от 6 февраля 1890 года Степняк-Кравчинский подробно рассказывает Лаврову о целях и задачах только что организованного по его инициативе английского Общества друзей русской свободы, о предполагаемом издании органа этого общества и добавляет в конце:

«Если будете иметь какие сообщения, то лучше всего посылайте их прямо по-русски на мой адрес. Это избавит Вас от необходимости лишний раз переводить в Париже. Я либо сам переведу, либо передам одной английской барышне, прекрасно выучившейся по-русски и готовой делать для нас всякие подобные работы».

Несомненно, «английская барышня» — это Э. Л. Войнич.

Несколько слов об упомянутых в письме Войнич именах.

В. В. Лесевич (1837—1905) — философ-идеалист, с которым Войнич познакомилась в Петербурге. Он был знаком с Герценом, Лавровым,

сотрудничал в «Вестнике Народной Воли», был сослан в Сибирь и только в 1888 году вернулся в Петербург.

«Английская газета», которой интересовался Лесевич, — это, конечно, «Свободная Россия», орган Общества друзей русской свободы, выходившая на английском языке в Лондоне с августа 1890 года. Войнич деятельно работала в ее редакции.

Ольга Николаевна — О. Н. Попова (1849—1907) — состоятельная женщина, которая свои средства отдавала на строительство школ, на издание прогрессивной литературы. Люди старшего поколения, вероятно, помнят сочинения Белинского, Добролюбова, Шелгунова, Дарвина и многочисленные популярные книги для народа, выпущенные книгоиздательством О. Н. Поповой. Она издала и «Капитал» К. Маркса, выпускала первый орган легального марксизма в России — журнал «Новое слово», в котором печатались В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, В. И. Засулич.

Александра Лонгиновна Погосская (1847—1921) — сестра известных революционеров Александра и Ивана Линевых. Она дружила со Степняком и хорошо знала Войнич. В архиве Лаврова сохранилось семь писем А. Л. Погосской. Они все из Лондона. Одно из них без даты. Оно-то и самое нужное!

«Дорогой Петр Лаврович, подательница сего Miss Boole наша хорошая приятельница, которую мы все здесь любим и ценим. Она говорит по-русски и надеюсь Вы найдете удовольствие в ее обществе. Она Вам сама расскажет, как судьба столкнула ее с семьей Шлиссельбургского затворника и сделала ее искренним партизаном русской революционной партии...

Эта же замечательная девица перевела сказку Степняка «Мудрица Наумовна» на английский язык, и мы ей советуем найти человека, который бы мог написать preface[1], рассказал бы смысл и цель и историю этой литературы. Направьте ее на путь истинный, дорогой Петр Лаврович, у Вас верно есть кто-нибудь из старых ветеранов на виду...»

Это рекомендательное письмо многое разъясняет. Бесспорно, что Войнич ездила в Париж и там побывала у Лаврова. Какую замечательную характеристику дает ей Погосская, как тепло она пишет о своей «белокурой приятельнице», которую все друзья в Лондоне любят и ценят! Она называет Э. Л. Войнич «искренним партизаном русской революционной партии».

К сожалению, и это письмо Погосской не разъясняет нам вопрос, зачем Войнич ездила в Париж и когда.

Нам осталось познакомиться с последним письмом Погосской к Лаврову, датированным 15 марта 1890 года. Из письма следует, что Войнич незадолго перед тем вернулась из Парижа. А в письме от 6 февраля 1890 года Степняк ни слова не пишет, что «английская барышня» в Париже. Значит, можно считать, что Войнич выехала в Париж не ранее второй половины февраля и вернулась не позднее 15 марта 1890 года.

Это письмо Погосской помогает установить и цель поездки Войнич в Париж. «Наша парламентарша» — уважительно называет Погосская свою приятельницу. Эти слова свидетельствуют, что Войнич ездила в Париж с какими-то поручениями от русских эмигрантов в Лондоне.

Так старые документы воскрешают тесные связи автора «Овода» с русскими революционерами и передовыми общественными деятелями.

Но архивы сохранили и другие свидетельства близости Войнич к русским революционным деятелям. Среди многочисленных дел Департамента полиции сохранилось дело, начатое 15 апреля 1889 и конченное 8 января 1892 года.

В деле хранились секретные документы Департамента полиции: запросы, отношения, донесения различных жандармских управлений, протоколы допросов. Имя «мисс Буль» не раз мелькает на его страницах.

Итак, еще в Петербурге Войнич удостоилась пристального внимания царской полиции и была «известна по сношениям своим с личностями политически неблагонадежными!» И кто знает, как сложилась бы ее судьба, если бы она не уехала из России...

Интересно сообщение Погосской о том, что Войнич перевела пропагандистскую сказку Степняка-Кравчинского «Мудрица Наумовна», в которой автор пытался изложить основы учения Маркса и призывал бороться за социализм. Сказка проникнута пафосом героической смерти во имя счастья обездоленных и угнетенных. Когда мы перечитываем заключительные строки сказки, обращенные к борцу за счастье народа, мы видим в них зерно того произведения, которое называется романом «Овод»:

«Когда осудят тебя на смерть, привяжут тебя к столбу и под ногами твоими выроют могилу твою и убийцы твои направят на грудь твою дула ружей своих и взглянешь ты в лицо их, то истинно, истинно говорю тебе, — ты будешь счастливее их, ибо нет больше счастья, как погибнуть за братьев своих!

И убьют тебя!.. Замолкнет голос твой! Бессильно опустятся руки и выпадет из них знамя освобождения рода человеческого, которое держал ты! Но тень твоя поднимет его! Заговорят кровавые раны на груди твоей! И бодрость и отвага польются в ряды друзей твоих, и ужас и смятение — в среду врагов!»

Евгения ТАРАТУТА

[1] Предисловие.

ПЛАМЕНЕЮЩАЯ ДУША



Этот портрет Э. Л. Войнич выполнен художницей Палеха М. А. Першиной в дар автору «Овода».

Странное чувство переживали около пяти лет назад мы, семеро советских журналистов, в Нью-Йорке, на дне закопченной улицы-щели, возле подъезда огромного дома.

Нас ожидала удивительная встреча — встреча с писательницей Этель Лилиан Войнич. Просто не верилось, что сейчас вот лифт поднимет нас на какой-то очень высокий этаж, откроется дверь, и перед нами предстанет автор, чья книга еще в прошлом веке трогала сердца русской революционной молодежи.

Кое-как мы втиснулись в крохотную комнатку, выполняющую одновременно роль столовой, гостиной, кабинета. Открылась дверь, и медленно, бесшумно вышла высокая, очень прямая женщина с серебряными волосами и обвела нас взглядом живых светлых глаз, сказав по-русски:

— Здравствуйте... друзья...

Так началась беседа, которую я никогда не забуду.

Семьдесят лет назад юная англичанка приехала в Россию с романтическим желанием послужить освобождению народа от гнета царизма. С тех пор сохранила она отличный русский язык интеллигенции того времени. Но русские слова как бы приходят к ней из юности, сквозь толщу десятилетий, и потому правильно построенная фраза оказывается как бы раздробленной на несколько частей. И еще сохранила писательница большую, нежную любовь к нашему народу, уважение к его славной культуре, к литературе и жадность к тому непонятному близкому и, может быть, даже дорогому, что происходит у нас теперь.

— Все удивительно... это ошеломляюще... Рассказывайте... пожалуйста...

То, что имя и книга ее стали широко известны у нас и во всем социалистическом мире, — это было для нее радостным открытием. Она с удивлением переводила свой взгляд с одного рассказчика на другого.

Ее легко было понять. Живя в столь преклонном возрасте в чужой и, несомненно, чуждой ей стране, считая себя, свои книги давно позабытыми, она вдруг неожиданно узнает, что треть человечества, люди, живущие в ином, свободном мире, знают и уважают ее, что луч правды у тех, кого она видела в нищете и угнетении.

— Это поразительно... рассказывайте... рассказывайте...

И мы рассказывали. А потом стала рассказывать она.

И из старого нью-йоркского дома, где крохотные квартирки теснятся на манер ячеек в пчелином улье, мы перенесились в Россию 80-х годов прошлого века...

Три года спустя мне вновь довелось подняться в маленькую квартирку огромного доходного дома. Хозяйка ее вышла ко мне все такая же прямая. Все такими же живыми, пытливыми, зоркими были ее светлые глаза. Но в квартирке произошли разительные изменения. Исчезла ветхая мебель. Стены комнаты были почти не видны между полок с книгами. И это были книги на русском, украинском, чешском, китайском, монгольском и других языках. Это были издания книг Войнич, вышедшие в странах социалистического мира. А на двери была прикреплена афиша, извещавшая о постановке оперы советского композитора Спадавеккиа «Овод». Афиша была покрыта автографами артистов — участников спектакля.

В маленькую квартирку за эти годы пришел достаток. По решению Советского правительства автору были подарены оба фильма, сделанные по роману «Овод», и аппарат для их демонстрации. Вместе с достатком в дом вернулась слава. На столе лежал ворох почты.

— Я теперь... богатая помещица... У меня своя... усадьба... свой парк, — улыбаясь, говорила мне миссис Войнич.

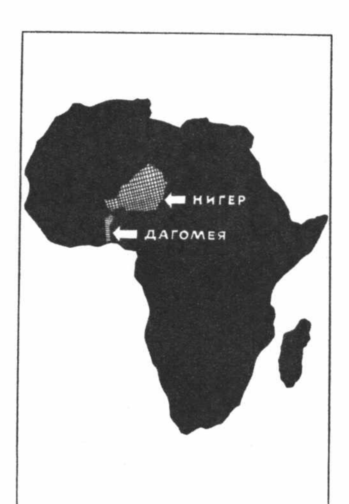
В самом деле, у окна на круглом столике кем-то из ее друзей был искусно сделан из крошечных растений и мхов белый садик с аллеями, полянкой, а посреди небольшой, величиной с обеденную тарелку прудик, в котором плавали микроскопические рыбки. Перед столиком было кресло с пледом. Рядом с креслом важно сидела кукла-матрешка, какими у нас накрывают чайники, присланная ей как-то на Новый год в подарок моей женой

— Открою форточку и, не поднимаясь с кресла, я целый день гуляю по этому русскому садику. Видите, это русская березка, а это липки, какие росли в Летнем саду в Петербурге.

Усевшись в кресло возле садика, писательница стала расспрашивать меня о наших советских новостях. Снова слышал я знакомое: «Рассказывайте... рассказывайте... это поразительно». И такая любовь к нашему народу, такой интерес к нашим делам был написан у нее на лице, что не надо было быть психологом, чтобы понять, что пламень души ее не погас, что человек этот, радостно приветствовавший когда-то во мраке царизма первые, робкие отблески грядущих революций, находясь теперь на другом конце планеты, мысленно был с нами, думал о нас, старался представить величие наших сегодняшних дней и дел.

Борис ПОЛЕВОЙ

2 августа 1960 года.



1 и 3 августа на африканском материке появились новые государства — Дагомейская Республика и Республика Нигер. От имени советского народа Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев в телеграммах премьер-министру Дагомейской Республики Юберу Мага и Председателю Совета Министров Республики Нигер Амани Диори пожелал народам этих стран больших успехов в строительстве и укреплении своих молодых независимых государств.

Африка рвется к свободе

В ответ на разгорающуюся борьбу африканцев за независимость империалисты усиливают кровавый террор в своих оставшихся владениях.

24 июля в городе Булавайо (Южная Родезия) войска английских колонизаторов учинили зверскую расправу над демонстрацией, в которой участвовали тысячи африканцев, протестовавших против запрещения собраний национально-демократической партии, пользующейся большим авторитетом в стране.

Антиколониалистские выступления состоялись и в других населенных пунктах Южной Родезии.

Для разгона демонстрации в Харара полиция применила гранаты со слезоточивым газом. В руках у полицейских плетеные щиты для защиты от камней — единственного оружия, которым могут воспользоваться демонстранты.



Мне, грешным делом, хотелось чуточку заинтриговать читателя, не называя вначале человека, с которым приключилась эта история в Карпатах. Но вот тут напечатана фотография, и вы читаете: Игорь Тер-Ованесян. Да, мой рассказ о нем, о чемпионе Европы, единственном на нашем континенте прыгуне, сумевшем преодолеть рубеж в восемь метров. И о том, как случай чуть не оборвал трагически его счастливую спортивную карьеру.

У меня соблазн — перейти сразу к этому происшествию в горах. Но оно лишь эпизод в спортивной биографии чемпиона. И следует, пожалуй, начать с нее. Благо, эта биография коротка.

Впрочем, не такая уж она короткая. Из двадцати двух лет жизни больше половины, тринадцать, отдано спорту. Он, Игорь, просто не мог не стать спортсменом. Судите сами: отец — дискобол, рекордсмен страны; мать — тренер детской легкоатлетической школы. Так что положение у него было безвыходное...

Но спортивный путь знаменитого ныне прыгуна начался несколько необычно и не с прыжков. Игорек попал в число восьми мальчишек, которых пронес на физкультурном параде в Москве прославленный армянский богатырь Серго Амбарцумян. Он нес их упрятанными в двух огромных футбольных мячах, прицепленных к концам штанги. Он шагал вдоль трибун стадиона «Динамо», высоко подняв эту штангу над головой, и хотя каждый из мальчишек был легонький, вместе они тянули пудов на семнадцать, и, скрючившись внутри мячей, упершись друг в дружку коленками, они слышали, как тяжело дышит дядя Серго и как облегченно выдохнул он, опуская свою ношу на землю. А это значило, что можно откинуть крышки мячей. И восемь добровольных узников с веселым криком высыпали на зеленое поле стадиона, к ним подбежали другие мальчишки, всех их разбили на две команды, и начался футбольный матч.

Так выглядело первое публичное спортивное выступление нынешнего чемпиона. А в чемпионы он выбился уже «в шестнадцать мальчишеских лет». На всесоюзных юношеских соревнованиях он прыгнул сначала выше всех, потом дальше всех. Выше — так и было задумано. А вот дальше — получилось совершенно неожиданно. Он даже не тренировался как следует в прыжках в длину. И вот, пожалуйста, с первой же попытки — 6 метров 84 сантиметра. А через год он перемахнул семиметровую отметку. Горизонтальщик явно одолевал в нем вертикальщика. Но и высотная прыгучесть продолжала жить в его ногах. Когда он, прыгая в длину, отталкивался от планки, казалось, что он собирается взмыть вверх. И Игорь взмывал, но в переносном смысле этого слова: шел вверх от успеха к успеху. Первый раз рекордсменом страны он продержался девять минут. Ровно через девять минут после того, как он прыгнул на 7 метров 74 сантиметра, Олег Федосеев, москвич, увеличил это расстояние еще на два сантиметра. И букет цветов, который собирались преподнести Игорю, очутился в руках у Олега.

Это было началом их поединка, который длится до сих пор. Соперники они упорные. Но есть у них и общий противник, перед которым и тот и другой частенько пасуют. Я имею в виду уже упомянутую выше деревянную планочку для отталкивания, лежащую на краю прыжковой ямы с песком. Ширина того брусочка с ладонь, и его нельзя переступать. За этим следят судьи, а помогает им полоса пластилина, уложенного перед планкой со стороны ямы. Ох, до чего отчетливо отпечатываются на этом коварно мягком



Игорь Тер-Ованесян.
Фото А. Бочинина.

ЛЮДИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

ЛЬВОВ

«Разве можно так шутить, милый доктор!»

А. СТАРКОВ

пластилине носки спортивных туфель! И пусть ошибка прыгуна в миллиметр, судьи в таких случаях неумолимы. «Заступ!» — говорят они, и прыжок не в счет. А попробуйте-ка, разбежавшись за сорок метров, точно угодить в планку! Правда, вам разрешается недоступать до нее, но отмер-то идет от передней кромки бруска, и вы потеряете на этом драгоценнейшие сантиметры... Сколько раз страдал Игорь от заступов! За тысячи верст летел он в Мельбурн на Олимпийские игры, и только для того, чтобы трижды услышать роковое: «Заступ. Не считать». Три великолепных прыжка, а результат нулевой. Обида была страшная.

В Мельбурне он увидел легендарного Джесси Оуэнса, чей портрет висит у Игоря над спинкой кровати. Это очень удобная позиция для того, чтобы негру легче было соскальзывать в сны юноши. Там, в этих снах, Игорь не раз уже соревновался с Джесси и однажды, хотя и с трудом, вырвал у него все-таки победу. И вот Оуэнс живой, наяву. Он приехал в Мельбурн как почетный гость и навестил советских спортсменов в олимпийском городке. Сфотографировался с ними, и Игорь стоит на снимке совсем близехонько от негра. Вот так бы приблизиться и к феноменальному рекорду Оуэнса! Джесси теперь за сорок, он не прыгает, стал грузноват, но когда идет, движется, видно, как еще пружинисты, как прыгучи его ноги, преодолевшие когда-то 8 метров 13 сантиметров. Это было в середине тридцатых годов, и с тех пор ни сам Оуэнс и никто другой не смог прыгнуть дальше. Но кто-то должен же прыгнуть! Ближе других к этой цели индеец Грегори Белл. Ему осталось 3 сантиметра. Игорь видел Белла в Мельбурне. У него разбег стартующей ракеты. И ни единого заступа. Вот техника!

Из Австралии плыли месяц. Было время для размышлений. Домой, во Львов, Игорь вернулся не столько раздосадованный, сколько раззадоренный неудачей в Мельбурне. И он ринулся в атаку на злосчастную планку. Ну и доставалось же каждый день этой деревяшке от левой, толчковой, ноги прыгуна, тренировавшегося в точности разбега! И все реже «ускользала» планка, все точней опускалась нога. Игорь пробовал даже разбегаться с завязанными глазами. Сорок метров — двадцать до миллиметра выверенных шагов. И нога «вслепую» безошибочно припечатывала брусок по самому его краешку. Разделавшись, точней, почти разделавшись с «заступами», Игорь, прыгая в Киеве, прибавил сантиметр к всесоюзному рекорду. Потом еще один, в Нальчике. И три в Стокгольме. Из шведской столицы он возвратился чемпионом Европы.

А настроен был невесело. Лучший прыгун европейского континента обнаружил вдруг в разгар своей славы, что прыгает плохо, примитивно. Вы-то, конечно, не сказали бы этого, наблюдая за его прыжками. Как красиво, ритмично он бежит, как красиво отталкивается, выбрасывая далеко вперед левую ногу, и вот уже взлетает, изящно изогнув спину, распластавшись в воздухе, широко раскинув руки. Здорово! А вот вам суждение самого Игоря и его тренера Дмитрия Ивановича Оббариуса. Разбег? Разбег медленный, годный лишь для прыжков в высоту. И толчок такой же, как у высотника, который, как бы натыкаясь на выставленную вперед ногу, резко меняет направление, чтобы взмыть под крутым углом вверх. А зачем это прыгуну-горизонтальщику? Это ему только помеха, потеря темпа. А изогнутое, распластанное в полете тело? Тоже роскошь, тоже утрата скорости. Эти две секунды бежать нужно в воздухе, да-да, продолжать бег, сделав по крайней мере еще три шага. Итак, за спринтерский разбег, быстрый, без торможения, толчок, мощный, динамичный вылет вперед! Безжалостно убивать в себе высотника! Убивать, понятно, лишь на время прыжка в длину, потому что, как десятиборец, Игорь собирался прыгать и в высоту. Беспощадно ломать старую технику прыжка! Он видел, что резервы ее на исходе. Ну, может быть, она даст ему еще несколько сантиметров. А для того, чтобы «достать» Оуэнса, оставалось тридцать два.

План, значит, такой. Год на переучивание. Не выступать на соревнованиях. А если участвовать, то, во всяком случае, не гнаться за результатами. Год спокойной тренировки. Тем более, что он выпускной, этот 1959-й: Игорь заканчивал институт. Пусть будет годом разбега. А толчок, прыжок — в шестидесятом! В олимпийском. Но план не был выполнен. Верней, был выполнен досрочно. Нет, институт он окончил в срок. А вот новой техникой овладел уже к весне. Прыгнул в Ялте по-новому, «ножницами». И приарезал к прежнему своему рекорду сразу 10 сантиметров. Еще такой же десяток, и будет взят 8-метровый рубикон. Что ж, где-нибудь поближе к осени сделаем такую попытку. А пока не стоит форсировать события. Но что поделаешь с ногами, если они стали удивительно легкими!

Май, Лужники. Сыплет мелкий, противный дождик. Дорожка размякла. Игорь лежит на скамейке, укутавшись в одеяло. Прыгает Олег Федосеев. Судья объявляет торжественно: «Семь семьдесят семь!» Ого, и в самом деле неплохо для такой погоды! «Надо не проиграть Олегу, не проиграть!» — вот только такая мысль и была у Игоря, когда он выходил на стартовую дорожку: не проиграть Федосееву!.. А падая в песок, он услышал, как одобрительно вздохнули и выдохнули трибуны. Наверно, понравился его новый способ, его «ножницы». Кажется, он ничего прыгнул. Должно быть, что-то около ялтинского результата. Бежит главный судья, тянет рулетку. Меряет раз, другой. Потом говорит почему-то очень тихо, так что его слышат только Игорь и стоящие рядом двое судей: «Восемь ноль один...»

...Приближалась зима, приближался олимпийский год, 1960-й. В Мельбурн Игорь ездил неоперившимся юнцом. Нынче крылья, можно считать, отросли, нынче он в поре спортивной зрелости. Новая техника прыжка раскрепостила его тело, расковала его ноги, вывела на ту прямую, которая... Но не будем договаривать, куда она может привести. Надо еще суметь пробежать эту прямую. Надо набраться сил. Он держал совет с Дмитрием Ивановичем, тренером, с отцом, который заведует кафедрой теории спорта. И теория и практика подсказывали, что лучше всего провести отпуск в горах. Побегать на лыжах. Подышать высокогорным воздухом. А горы недалеко от Львова — Карпаты! И он поехал в Ворохту, на лыжную базу. В чемодане, кроме лыжного снаряжения, белья, лежали «Война и мир» на английском языке, словарь, несколько книг по философии: Игорь готовился в аспирантуру — и толстенная тетрадь в ледериновом переплете, дневник.

Сейчас этот дневник у меня на столе. Я листаю его страницы, по которым бегут смешные человечки. Тельца их из тоненьких палочек, нарисованных рукой Игоря. Они очень живые, энергичные, эти человечки, все время чем-то заняты: бегают, работают на гимнастических снарядах, играют в футбол, в волейбол, скользят на лыжах, поднимают штангу и, конечно же, прыгают, прыгают, прыгают. У них серьезная задача: помочь хозяину в тренировках, помочь ему разобраться в сложных движениях, разложить их на составные части. Проследить механику движения, чтобы найти в ней недостатки. Вот для чего бегут и бегут со страницы на страницу маленькие старательные человечки. Им некогда до чрезвычайности.

Дневник любопытный. Он многому меня учит.

Тут взгляды на жизнь:

«...Не размениваться. Не растрачивать впустую то, что приобретено с трудом. Иногда бывает нелегко, но надо заставить себя пройти мимо ненастоящего, мимо маленьких чувствишек, в которых многие находят удовлетворение, пройти мимо ради большого и настоящего. Человеку для хорошей жизни надо...»

Фраза недописана, что-то отвлекло Игоря, и я так и не узнаю, что же нужно человеку для хорошей жизни...

А вот размышления о прыжке, я бы сказал, философия прыжка: «Психо-волевая тренировка! Я постоянно тренирую свою мысль в преодолении расстояния, лежащего за пределами реального, доступного мне. Я должен внушить себе это расстояние как нормальное, «познаваемое», преодолимое. Я должен поверить в это, сосредоточиться на этом, чтобы затем все мои внутренние усилия, усилия моего воображения переплелись с внешними, мускульными и воплотились в целостном акте прыжка...»

Читаю в дневнике о кибернетике, о законе инерции, об американцах славянского происхождения, о современной архитектуре, о созерцании прекрасного. Мысли о прочитанных книгах, заметки о живописи, анализы тренировок, анатомические наброски, упражнения в английском языке... Но я еще не раз возвращусь к этим записям. Игорь будет помогать мне рассказывать об Игоре.

Вот он в Ворохте. На лыжной базе тихо. Спортсмены еще не съехались. Игорь бродил один в окрестностях. Потом появились двое горнолыжников из Львова, и он ушел с ними на Говерлу. Это самая высокая гора в наших Карпатах, двухтысячник. Подъем по скопищу камней и плит. Но снега уже насыпало, и поднялись довольно быстро. Решили на вершину не забираться. Нашли пристанище в брошенной пастухами избушке. Там были нары, а печь соорудили из валявшейся в углу пустой железной бочки из-под керосина. Прорубили отверстие для дров и другое, поуже, для трубы. Тепло это сооружение давало, только пока горело, верней, дымило. Но все-таки, набегавшись на лыжах, можно подсушиться, сварить кофе. У них были пачки «геркулеса», копченая колбаса, яйца. Раздобывали и свежатину: били зайцев, куропаток. Вскоре горнолыжники покинули Игоря, они спешили на соревнования. Сутки он прожил в избушке один. Всю ночь шумели на ветру сосны, что-то скреблось за дверьми. Игорю привиделось даже, что какая-то лохматая лапа водит снаружи по стеклу. Утром следа медвежьего не обнаружилось, зато полно было других неведомых звериных следов. Жутковато! И вообще ему плохо без людей, не годится он в отшельники... Игорь отправился на поиски биостационара, расположенного где-то поблизости. Нашел, но не вблизи, а почти на самой вершине. Крепенький домишко с четырьмя жильцами. Научные сотрудники из Львовского университета: метеорологи, ботаники. Игорь попросил у них приюта. Зимовщики обрадовались новому человеку. Тем более, что он взялся колоть для них по утрам дровишки. Он рубил их на лыжной базе, в пастушьей избе, и это было отличным упражнением для поясницы, для брюшного пресса.

А приютил его в своей каморке ботаник Гриша, студент пятого курса. Поскольку он сыграл в дальнейшем немалую роль в судьбе Игоря, я должен рассказать о нем, описав хотя бы его внешность. И тем самым я невольно подставлю себя под удар критики. Автора легко будет обвинить в тривиальности, ходульности образа молодого ученого. Но что я могу поделать, если Гриша действительно рассеян, как Паганель, взлохмачен, носит очки с очень толстыми стеклами и ничего не признает, кроме своих гербариев! Он вечно ежился от холода и всякий раз ужасался, когда Игорь, выбегая в одних трусах на мороз, обливался ледяной водой из горного ручья.

Игорю было хорошо. Наколет дров, позавтракает, посидит с часок над учебниками — и на лыжи! Он спускался к пастушьей избе, превращенной им в маленький гимнастический зал. Натаскал туда громадных камней, бревен и занимался силовыми упражнениями. Взваливал каменище на спину и приседал с ним по сто раз. Или четырехпудовое бревнышко перекатывал на плечах. Тяжелая работа! Но еще тяжелее взбегать по глубокому снегу в крутую, чуть не отвесную гору. А потом как отдых пробежка по лесу с ружьем за плечами. Игорь загорел на зимнем солнце, отрастил «кубинскую» бороду. Он писал отцу, что напрасно ищут Снежного человека где-то в Гималаях, он перебазировался в Карпаты, бегает тут на лыжах, и зовут его Игорь Тер-Ованесян. А тренеру написал, что крепнет и будет готов к весне принять максимальную тренировочную нагрузку...

И вдруг все полетело прахом!

Он спускался с горы, увидел лесок и решил славировать между деревьев, проделав нечто вроде слалома. Маневр удался, но глаза слезились от ветра, и он не заметил бугра на пути и взлетел с не-

го, как с трамплина, ноги вынесло вперед, потерял равновесие и рухнул на другой едва припорошенный снегом бугор, с которого уже не взлетел... Когда к нему вернулось сознание, он лежал на боку, но боль была в пояснице, страшная боль, и он взвыл от боли и от обиды, что все так получилось. Эхо принесло обратно дикий, нечеловеческий вопль, который ужаснул Игоря, и, чтобы не кричать больше, он сжал губы, а нижнюю прикусил. Попробовал встать, но не смог даже сесть, не мог нагнуться, чтобы отстегнуть лыжи. Ждать, пока найдут? Но его хватятся только к вечеру, а покуда обнаружат — да и разыщут ли в темноте? — он закоченеет. Мороз крепчал. Низкие, густые тучи зловеще вываливались из-за гор... Не можешь идти — ползи. Но мешают лыжи, мешает ружье, которое при малейшем движении ударяет по спине, усиливая и без того ужасную боль. Изогнувшись, скорчившись, он все же скинул ружье, отбросил лыжи, оставив только палку. И двинулся вперед. Правая нога не работала, не сгибалась. А идти надо было все вверх. Он ставил в снег левую ногу, втыкал палку и, одной рукой держась за нее, другой подтягивал правую ногу, обеими руками, превозмогая боль, сгибал ее, ставил на колено, потом выдвигал левую ногу и снова подтягивал к ней правую. Так, полуползком, он добрался до пастушьего домика и уже не помнил, как свалился на нары. Немного отлежавшись, он опять ковылял, полз, карабкался вверх, к биостационару. Метров за сто до цели силы совсем оставили его, и он упал в снег. Тут и нашел его ботаник Гриша.

Четверо мужчин склонились в растерянности над пятым, лежавшим недвижно, в полузабытьи. То, что они увидели на его теле, откинув рубашку, испугало их: огромный, в полспины, лилово-синий кровоподтек. Врача среди них не было. Что делать? «Эвакуировать!» — сказал ботаник Гриша, сам, наверно, удивившись твердости своего голоса. И тут же приступил к действиям. Он прибил к паре лыж большой лист фанеры, прицепил веревку спереди, другую сзади, и получилась волокуша. Игоря положили на волокушу, укутав в спальный мешок, обвязав веревками. Кто потащит? Вызвались все. Но начальник биостационара назвал себя, обвел глазами остальных и, встретив умоляющий взгляд ботаника, назвал еще Гришу.

Двигались так: начальник, взявшись за веревку, шел спереди, выбирая дорогу среди камней и плит, а Гриша — сзади, придерживая волокушу. Спуск был крутой, ее тянуло вниз, и нужны были сильные руки, чтобы удержать ее, и такие руки оказались у Гриши. Двигались медленно, осторожно, понимая, что встреча волокуши даже с крошечным камешком отдается болью в теле Игоря. Сейчас он был в полном сознании и, откинув голову, видел шедшего позади ботаника и с удивлением глядел на этого человека, который казался ему прежде совсем другим.

Собирались выйти к узкоколейке у подножия горы, но туда еще километров двадцать, а тащить волокушу уже невмоготу, да и Игорю такой способ передвижения доставлял немалые страдания, хотя он ничем этого не выказывал, не стонал. На пути попалась какая-то сторожка. Она была на запоре, но Гриша ловко сбил замок, еще раз продемонстрировав удивительную решимость, и они оказались в помещении с печкой, с запасом дров. «Сбегаю позвоню в Ворохту!» — сказал Гриша, словно телефон находился через дорогу. И сразу же исчез, явившись обратно часа лишь через два. Он, оказывается, «сбегал» за десять километров, в контору лесопункта и дозвонился оттуда до лыжной базы, и из Ворохты сообщили, что высылают людей, с носилками...

Ждали лыжников до полуночи и не дождались. Потом уже выяснилось, что Гришу плохо расслышали, и послали людей в другом направлении, и они всю ночь искали Игоря, добрались даже до биостационара, снова ушли в поиск и вернулись в Ворохту ни с чем. А в сторожку тем временем явились ее хозяева — двое лесорубов, старик и молодой парень, работавшие на дальней лесосеке и ночевавшие в этой избушке. Сперва накинулись на незваных пришельцев, обругав за сбитый замок. А узнав, что случилась такая беда, вспомнили про лошаденку, которая у них в сараюшке там, на лесосеке.

Лесорубам нужно было рано на работу, и они доверили лошадь Грише. Ехали лесными тропами. Ботаник безошибочно находил в темноте дорогу, ориентируясь по звездам. Звезды вывели их сначала к одной речке, потом к другой, обе, как все горные речушки, были покрыты тонкой коркой льда, лошадь проваливалась в воду, артачилась, но подчинялась мягкой и настойчивой руке Григория. С рассветом они выбрались к узкоколейке. Игоря уложили на дрезину. А ботаник, обняв его на прощание, повел лошаденку в обратный путь, и Игорь долго провожал его глазами.

...Он собирался встречать Новый год в горах, а встретил во львовской больнице. Диагноз: размозжение мышц правой ноги с сильнейшим кровоизлиянием. Еще в Ворохте у него откачали больше литра крови. Сотрясение мозга. Повреждены седалищный и ягодичный нервы с потерей рефлексов. Правая нога к тому же отморожена. В общем, весело! Вот тебе и программа-максимум на весну! Правда, Дмитрий Иванович настроен оптимистически. И отец считает, что все обойдется. Олег Ряховский, приятель Игоря, недавний рекордсмен мира в тройном прыжке, прислал письмо из Москвы. У него тоже была серьезная травма ноги, он долго лежал в гипсе, но выкарабкался, прыгает. «Не сдавайся!» — пишет Олег. А Игорь и не собирался сдаваться. Лежа на койке, он занимался в тайне от врачей гимнастикой. Отец принес резиновый жгут, с помощью которого запускают планеры. Игорь растягивал его и отпускал, упражняя руки, спину. Доктор, застав больного за этим занятием, отобрал «дурацкую резину». Отец принес другую. Где спрятать? «Дайте-ка мне,— сказал сосед Игоря по палате, старый большевик-пенсионер Сергей Сергеевич.— Я бывалый конспиратор. У меня не найдут...» Где уж он прятал резину, неведомо, но нянечки при самой тщательной уборке не находили ее. Понадобится Игорю — появляется на свет, не нужна — исчезает. Старик отличный! Вдвоем в больничной палате встретили они Новый год. У обоих были фрукты, сласти, а у старика оказалась бутылочка «Эривана». Выпили по рюмке. «За твой успех в Риме, Игорек!» — провозгласил тост Сергей Сергеич.

Вышел из больницы в середине января. Предписание врачей: строжайший режим, ничем больной ноги не утруждать...

«Утром был в клинике. Произвели электродиагностику. Мышцы почти не сокращаются и при большом увеличении силы тока. Доктор сказал: «Вы больше не спортсмен, милый юноша!» Ой, как вы нехорошо шутите, доктор! Даже если б этих мышц вовсе у меня не было, я бы что-нибудь придумал... Разве можно так шутить, милый доктор!»

Это, как вы догадываетесь, из дневника.

Поехал в Москву на консультацию к профессору. Заключение: три основные мышцы полностью атрофированы. Возможно частичное восстановление не раньше чем через семь-восемь месяцев. Прыгать? Профессор только руками развел.

Диагноз его был точен: больные мышцы и ныне бастуют. А Игорь прыгает! Но я забегаю вперед...

Возвратившись в этот раз от профессора, он записал в дневнике: «Во мне укрепилась мысль: тренироваться!»

Мысль работала так: ну, ладно, три важных мышцы вышли из строя. Но есть же у них здоровые соседки! Пусть примут на себя дополнительную нагрузку, пусть заменят инвалидов. Вот в дневнике анатомический набросок ноги. Стрелками показан механизм взаимозаменяемости мышц. Компенсировать больные за счет здоровых.

Тренер был «за», отец — тоже. Спортивный врач Григорий Петрович Воробьев, приехавший из Москвы, поддерживал. И началась горячая пора для веселых человечков из дневника Игоря. Им ведь приходилось копировать все движения своего хозяина. Они подбрасывали ногой тяжелый набивной мяч. Подскакивали, надев пояс с грузом. И бегали с гирей на голени. И совершали «прыжки кенгуру», когда руки закладываются за спину, а ноги выбрасываются вперед сжатыми вместе. Метали диск, толкали ядро, плавали брассом. И были все время в хорошем настроении.

Они только в «многоборье» с природой не участвовали. Игорь сражался с ней по-всякому. Идет по лесу, высокий пнище на пути — прыжок поверх пня. Ров повстречался — прыг, как лань, через ров! Ветка толстая торчит — подскочил, ухватился, подтянулся. А какое удовольствие лазать по деревьям! Это особенно поощрял тренер Оббариус, видимо, как бывший мальчишка, собиравший когда-то с компанией сверстников яйца редких птиц для музеев. Он и в пятьдесят своих нынешних лет не прочь был составить Игорю компанию в лазании по соснам... А подъем на Говерлу! Да, Игорь снова поднялся на эту вершину, чтобы навестить друзей с биостационара, навестить Гришу. Но не застал ботаника: тот уехал во Львов сдавать экзамены.

Игорь в Нальчике. Он привез с собой план, разработанный вместе с Дмитрием Иванычем. А наблюдал за ним государственный тренер Владимир Борисович Попов. Но самым строгим наблюдателем был он сам.

«Не прыжки, а сплошное расстройство. Повторяю старые ошибки. Подседаю на последних шагах...»

«Грустно сегодня. Рахманов легко ушел от меня на 200-метровке».

«Закончена первая, по-настоящему трудовая неделя. Преобразовать ее результаты в свободу и быстроту!»

«Снова сильная неделя... Но надо бы пропрыгать еще тысячу метров».

«Смотрел кинограмму Белла. Как много у меня не сделано!»

Рядом с этой записью прыгает человечек — крошечный Белл. Он прыгает и на следующей странице.

«Попросил еще раз прокрутить мне Белла. Потрясен деталью, которой прежде не замечал. После вылета я всегда с опусканием маховой ноги естественно отклоняю туловище вперед. Индеец — наоборот! Побежал на стадион пробовать по Беллу...»

Нагрузку он себе задал предельную. Больная нога пыталась возражать. Тогда он снижал нагрузку, чтобы возобновить ее с не меньшей силой. Тут был, конечно, риск. Игра шла в какой-то степени ва-банк. Но свечи при этом сгорали не зря. Выигрыш был явный.

Игорь в Москве. Он приехал не к врачам. Он приехал на соревнования. Понимаете, на соревнования! В дневнике чудесная запись: «Игорь! Завтра у тебя первый старт после аварии. В прошлом году в это время ты прыгнул после трехмесячной тренировки 7.91. Нынче ты за короткий срок проделал в два раза больше работы. А она никогда не проходит даром. Нальчик должен сказаться. Я знаю, ты готов прыгнуть так же далеко, как в Польше. Но я даю тебе скидку на первый старт. Для того, чтобы достичь когда-нибудь «8.13», ты обязан завтра взять примерно 7.90. Ясно? Размяться надо, как обычно, не спеша. Помни: основное — быстро разбежаться, высоко поднимая бедра, и промчаться над планкой. Ну, с богом, Игорь! Все будет хорошо».

И было хорошо. Он прыгнул на 7 метров 87 сантиметров. Конечно, это не мировой и не всесоюзный рекорд. Это рекорд человеческой воли.

Вот отзыв Игоря об Игоре:

«Я доволен. Но доволен постольку, поскольку лишь встал на ноги. А они еще не быстрые. Я еще **не бегу.** У меня осталось три месяца. Работать!»

И еще:

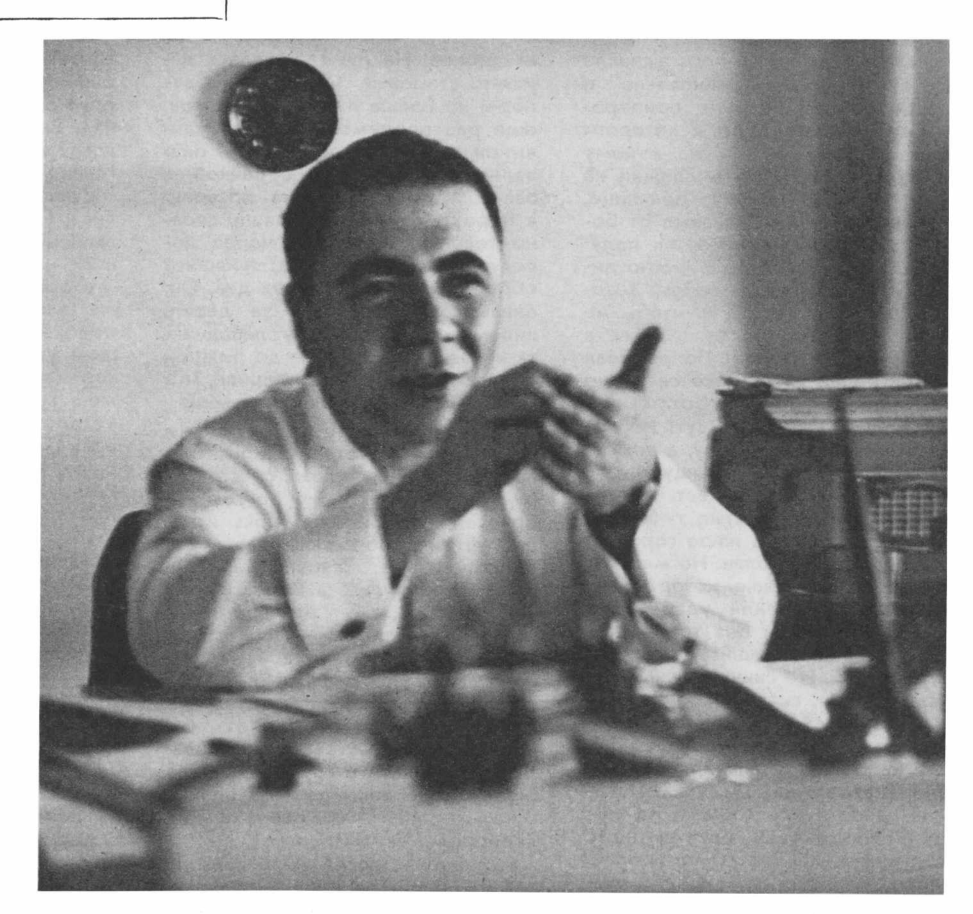
«Сегодня вручили памятные медали за выдающиеся достижения: Куцу, Федосееву, мне. Мне за позапрошлогоднее «8.01». Это — достижение, но не выдающееся. Я сам себе вручу медаль, когда достигну заветного. Верю в это!»

Мы встретились в Москве. Игорь сказал:

— Жгу свечку с обоих концов. Один конец — подготовка к Олимпийским играм. Другой — экзамены в аспирантуру. Первый экзамен — по специальности: легкая атлетика.

Во Львов ушла телеграмма отцу: «Стартовал. Пять». Потом сдавал историю партии. Послана вторая телеграмма: «Вышел в финал. Десять из десяти». И после экзамена по-английскому: «Финишировал. Все пятнадцать!»

А поедет ли он в Рим, на Олимпийские? Поедет! А как он там прыгнет? Я думаю — все будет хорошо.



Академик В. А. Амбарцумян.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. БЕЛЕЦКАЯ

ДОРОГА

Бюраканская астрофизическая обсерватория очень молода. Ей нет еще и пятнадцати лет. Даже в «земных» условиях возраст ее невелик, а уж по сравнению с миллиардами лет жизни небесных тел, за которыми тут ведутся наблюдения,— просто ничтожен. За несколько десятков или даже сотен лет астрономических наблюдений невозможно подметить хотя бы тенденции в развитии небесных тел. Поэтому-то академик В. А. Амбарцумян, директор обсерватории, сравнивает положение астронома с положением человека, которому поручили только за одни сутки изучить развитие и жизнь дерева, например березы. Но, увы, за день с березой не произойдет никаких изменений. Значит, надо в лесу выбрать очень много берез разного возраста, систематизировать их и уже потом судить о развитии этой породы деревьев вообще. Подобным образом поступают и астрономы...

В Бюракане работает маленький дружный коллектив. Большинство — молодежь, недавно закончившая Ереванский государственный университет. У многих есть уже интересные самостоятельные работы и открытия.

Из Тамбова приехала работать в Армению Нина Иванова. В марте этого года норвежский астроном Хассель открыл в созвездии Геркулеса новую, ярко вспыхнувшую звезду. Во все обсерватории мира полетели телеграммы об открытии, и сотни телескопов сейчас же нацелились на новую звезду. Такой уж у астрономов обычай — сразу же предупреждать своих товарищей. Нина Иванова и работающий с ней младший научный сотрудник Рафик Оганесян сделали много ценных наблюдений над Новой Геркулеса 1960 года. Результаты первых исследований уже посланы в Москву, наблюдения продолжаются. Сейчас блеск звезды начинает заметно ослабевать.

Над проблемой кометарных газовых туманностей работает выпускница Ереванского университета Эльма Парсамян. До сих пор астрономам не ясно, почему светятся эти туманности. Возможно, кандидатская диссертация Эльмы, ее наблюдения помогут разгадать тайну свечения.

С 1937 года известен метод обнаружения слабых белых карликов, названный методом Амбарцумяна — Шайна. Что такое белые карлики? Это малые звезды очень большой плотности. Представим себе, что Солнце вдруг сжалось до размера Земли. Получится типичная плотность белого карлика. Спичечная коробка вещества такой плотности весила бы на Земле тысячи тонн!

Более 20 лет никто в мире не применял метод Амбарцумяна — Шайна. Но совсем недавно молодая сотрудница Каринэ Саакян, тогда еще студентка, проходившая практику, применила его и открыла несколько новых слабых белых карликов. В Бюракане уже удалось обнаружить 80 таких звезд. Это большой успех, так как до сего времени во всех других обсерваториях выявлено немногим больше ста слабых белых карликов. Другой молодой сотруднице, Софик Искударян, удалось открыть новую звездную систему — Галактику — в созвездии Ориона.

←

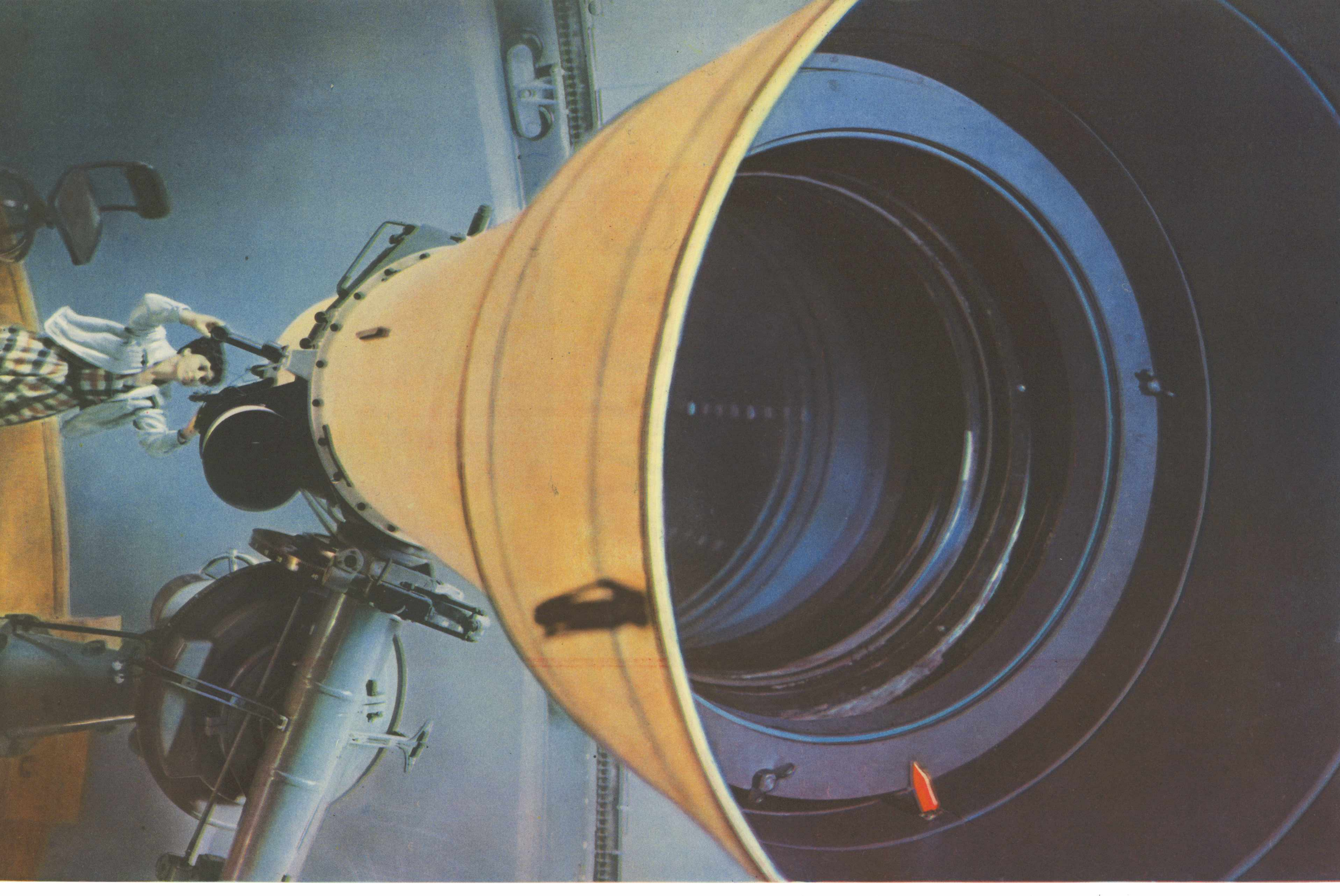
Антенна радиотелескопа в Сараванде.

В марте 1960 года вспыхнула новая звезда в созвездии Геркулеса. Научные сотрудники Н. Иванова и Р. Оганесян измеряют ее спектры. (Цветное фото сверху.)

Комета МРКОСА — одна из наиболее ярких комет 1957 года. Наблюдения за ней велись в Бюракане.

В КОСМОС

«Огонек».



Молодой астроном Эльма Парсамян работает над проблемой кометарных газовых туманностей. Наблюдения ведутся с помощью 21-дюймового телескопа системы Шмидта.

Идет монтаж купола башни для нового телескопа.





Л. В. Мирзоян.

О том, какие наиболее фундаментальные открытия сделаны в Бюраканской астрофизической обсерватории за последние годы, по каким основным проблемам будут вестись работы в будущем, мы попросили рассказать заместителя директора обсерватории Л. В. Мирзояна.

— Прежде всего мне хочется остановиться,— сказал Людвиг Васильевич,— на работах, определивших лицо обсерватории. Это связано, с одной стороны, с вопросами возникновения и эволюции звезд и звездных систем, с другой — физики космических состояний материи.

Сравнительно недавно академик В. А. Амбарцумян открыл в системе нашей Галактики объединения звезд — звездные ассоциации.

Звездные ассоциации, как предполагает Виктор Амазаспович,— динамически неустойчивые системы звезд, которые должны распасться всего за несколько десятков миллионов лет. Но раньше было установлено, что наша Галактика по крайней мере в сотни раз старше. Поэтому Виктор Амазаспович пришел к выводу, что звездные ассоциации, а также и звезды, их образующие,— молодые образования.

Из самого факта существования звездных ассоциаций академик Амбарцумян сделал глубокие мировоззренческие выводы: формирование звезд продолжается и теперь; звезды формируются группами; звездные ассоциации — очаги формирования звезд в Галактике.

Дальнейшее изучение звездных ассоциаций Виктором Амазасповичем, Б. Е. Маркаряном и другими учеными подтвердило многие его теоретические выводы.

Трудно назвать в истории астрономии за последние пятьдесят лет другой, более разительный пример теоретического предсказания совершенно неизвестного в прошлом явления. Естественно, что новое предсказание встретило скептическое отношение многих астрономов. Можно поэтому представить, какое впечатление вызвало в среде специалистов по звездной астрономии первое прямое наблюдательное доказательство распада звездных ассоциаций, данное астрономом Блаау из Лейдена...

При изучении небесных тел положение астрономов гораздо хуже, чем физиков или биологов, которые могут наблюдать развитие различных формаций вещества в лабораториях в условиях опыта,— продолжает рассказывать Л. В. Мирзоян.— Но, с другой стороны, в космосе мы наблюдаем такие физические условия, которые пока недостижимы у нас на Земле. А исследование материи в новых физических условиях приводит к выявлению новых, неизвестных свойств материи. Так, астрофизика, обусловленная развитием атомной физики, сейчас оказывает большое влияние на развитие современной физической науки вообще и науки об атомном ядре в частности. Например, сейчас проведены интересные наблюдения в области изучения источников звездной энергии. Показано, что наблюдаемые неправильные изменения количества излучаемой энергии некоторых так называемых нестационарных звезд обусловлены процессами непосредственного освобождения внутризвездной энергии во внешних слоях этих звезд. Такие процессы коренным образом отличаются от уже известных термоядерных реакций. Это большая новость как для астрофизики, так и для ядерной физики.

Недавно получен вывод, что некоторые элементарные частицы материи в земных условиях живут лишь ничтожные доли секунды и распадаются, а в недрах так называемых сверхплотных звезд приобретают совсем новое качество — становятся совершенно стабильными. Такие частицы, как гипероны, на Земле живут лишь одну десятимиллиардную долю секунды, а в недрах звезд могут жить очень и очень долго. Может быть, из таких сверхплотных звезд и возникают обычные звезды?

Другим основным направлением наших работ является изучение внешних галактик.

И тут надо говорить прежде всего об открытии академиком Амбарцумяном и его сотрудниками голубых галактик.

Что же представляют собой голубые галактики?

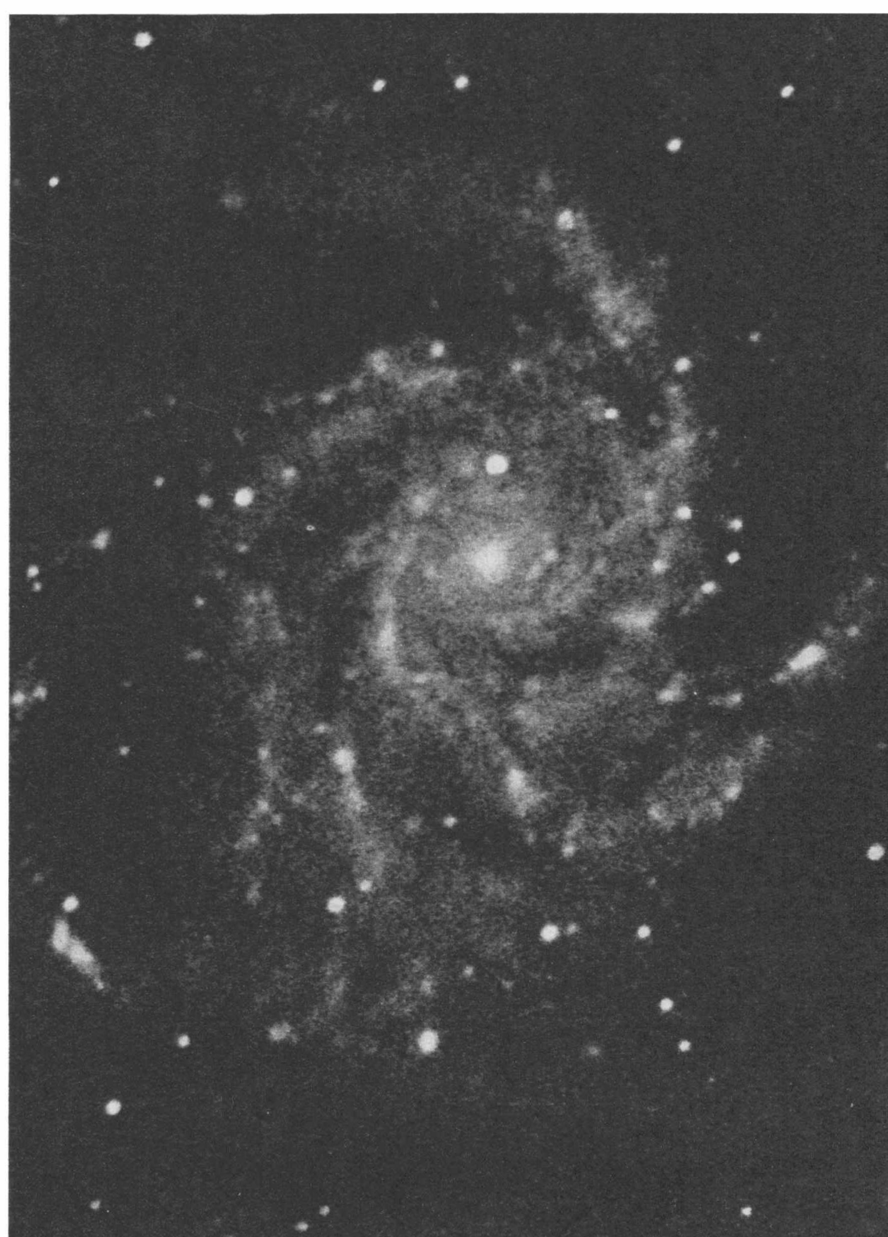
По представлениям, развитым в Бюракане, это сравнительно молодые образования в космосе. Среди остальных звездных систем они выделяются рядом особенностей. В некоторых случаях это оптическое излучение нетепловой природы, которое, вероятно, не связано с термоядерными реакциями. Излучение имеет иногда ярко выдержанный голубой свет.

Я уже говорил, что голубые галактики — молодые звездообразования. Это является бесспорным свидетельством непрерывного рождения звездных миров во Вселенной...

В последнее время в Бюракане широко развивается радиофизика и радиоастрономия. Ведь радиоволны, идущие от космических источников, обладающих еще и оптическим излучением (как, например, Солнце), открывают новые возможности исследования этих объектов. Радиоизлучение же материи, которая почти не излучает света, позволяет наблюдать состояния, распределения и свойства веществ, о которых мы до сих пор могли только догадываться. Работы наших сотрудников в этом направлении, безусловно, помогут развитию представлений о новых состояниях вещества в космосе и приведут, в частности, к вскрытию таких важнейших вопросов, как природа излучения радиогалактик.

...Сейчас в Бюракане идет монтаж нового, метрового телескопа. Лаборатория приборостроения, которой руководит Г. С. Минасян, проектирует и собирает все приборы и уникальную радиоаппаратуру для обсерватории. Повыше Бюракана есть местечко Сараванд. Там раскинул крылья большой интерференционный радиотелескоп — гордость лабораторий. Макет его находится на ВДНХ, в павильоне Армянской ССР.

Новая высокочувствительная аппаратура еще шире проложит бюраканским астрономам дорогу в космос.



Так выглядит одна из сравнительно близких к нам галактик — М 101. В ней выделяются яркие сгущения бело-голубого цвета — звездные ассоциации.



МОСКВИЧ В О

Рассказ

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Ташпулат обиделся. Он сердито закрыл свой единственный глаз и отвернулся. А Славка, не заметив перемены в настроении проводника, не унимался, вдохновенно ругал кишлак Саныш.

— Тоже мне районный центр! Одна улица, одна «забегаловка», три переулка! За пять минут прошли весь насквозь!

Прилетев сегодня консультировать экспедицию по химическим анализам, Славка попросил меня показать кишлак. Я пригласил Ташпулата, и мы полчаса бродили по Санышу. Потом поднялись в горы и присели на краю обрыва, поросшего мягкой травой.

Отсюда были видны плоские крыши кишлака, узкие улочки, зажатые дувалами.

Славке надоело ругаться, он растянулся на траве и сладко зевнул. Внизу глухо ворчала река, отбрасывая в сторону застрявшие на ее пути валуны, где-то осторожно щелкали по каменистой тропе лошадиные копыта...

— Значит, всего пять минут мы потратили на Саныш? — ни к кому не обращаясь, угрюмо спросил Ташпулат.

— Ну, допустим, десять, — лениво отозвался Славка.— Не стоит торговаться.

— А мне тогда не хватило ночи, чтобы обойти кишлак,— продолжал Ташпулат.— Длинной, зимней ночи...

— Вы местный, у вас личные привязанности,— пробормотал Славка. И мне захотелось ударить чем-нибудь тяжелым розовощекого химика. Своим равнодушием он погубил начало новой сказки Ташпулата: с таким трудом удается выуживать у старика его удивительные истории! Ощутив на мгновение человеческую тупость и невнимание к себе, проводник сразу умолкает и жалуется на плохую память.

Но сейчас он поразил меня, быстро согласившись со Славкой:

— Да. Я родился здесь. Но о н был москвич. Москвич в очках...

Что-то новое и незнакомое прозвучало в голосе Ташпулата. Обиженный глупыми насмешками Букина, он решил довести рассказ до конца и, упорно не замечая химика, обращался только ко мне...

— В прошлом году я поздно спустился с гор. День был короче летнего рассвета. Большая тропа была покрыта льдом. В Саныш я въехал ночью: пережидал на перевале пургу.

Я был голоден и открыл дверь в закусочную, в «забегаловку», как назвал ее твой друг. Вот она, стоит у края дороги. Верно, там нет музыки, там скатерти не всегда одного цвета со снегом, там случаются драки. Но сколько хороших людей обогрелось в прокуренном зале после перехода по Большой тропе! Ты видел их сам: с темными от мороза пятнами на лице, они на пороге сдирают с усов лед, и целый вечер нет для них лучше места на земле...

Ну, да я не о том. Я о москвиче в очках. Он сидел один, когда я подошел к его столику.

«Только не садись напротив, старик,— тихо попросил он меня.— Это — ее место. Бери стул рядом».

«Он ждет женщину»,— догадался я и посмотрел по сторонам в поисках другого места. Но все столики оказались занятыми, и мне пришлось опуститься на предложенный им стул.

Я не собирался быть невежливым и решил быстро съесть свой плов и уйти.

Но я ушел не скоро. Я расстался с ним лишь на рассвете...

Миновал год, а я и теперь не могу разобраться, почему у меня сразу стало неспокойно на душе при виде этого худого человека в очках. Он больше не произнес ни слова, перестал замечать меня. За свою долгую жизнь мне часто приходилось видеть, как старый горный архар догадывается, что будет обвал, и торопится увести стадо по еще тихому ущелью. Почуял беду и я.

Может быть, меня насторожили его руки — они неподвижно, слишком неподвижно лежали на столе.

Может быть, меня удивило, что он ни разу не поднял головы и не посмотрел на дверь, хотя дверь скрипела непрерывно: все новые люди входили в закусочную...

«Вы Ташпулат?» — вдруг спросил он, попрежнему глядя куда-то в пространство.

Я молча кивнул. Меня многие знают на Большой тропе, и не каждого запомнили мои глаза.

«Правильно,— сказал он.— Все правильно. Она вас описала точно. Она умела писать письма...»

Недобрая тоска прозвучала в его голосе. Кто она, я не понял. Зато понял другое: больше нет ее на земле. Так о живых не говорят...

А человек в очках схватил стакан с водкой, поднес ко рту и не выпил, медленно поставил обратно. Горько и виновато дернулись книзу его тонкие губы.

«Не могу, не помогает...»

Он чуть наклонился ко мне и, будто оправдываясь, тронул за плечо:

«Я из Москвы. Я муж Оли. Оли, которую здесь звали Олей-Кветкой».

Ташпулат замолчал, быстро поднялся и сделал несколько шагов, внимательно всматриваясь в траву. Потом поправил за спиной ружье, нагнулся и сорвал небольшой лиловый цветок. Славка недоуменно покосился на старика, я терпеливо ждал, а Ташпулат не спешил продолжать свой рассказ и задумчиво вертел в руках длинный стебель.

— Если я захочу узнать у тебя, зачем растет этот цветок, ты не ответишь. Ты, пожалуй, даже и не сорвешь его. Растопчешь ногой и пройдешь мимо, потому что ты слеп. Древняя истина не обманывает — человек прозревает трижды: первый раз от солнца, упавшего на колыбель, второй раз от горя, третий раз от ума. А настоящий ум начинается с большого беспокойства о людях! Не каждому оно дано, и многие так и умирают полуслепыми и равнодушными...

У этого цветка есть имя: «угор-гошун». Его настоем утоляют боль от ран, лечат ревматизм. Про «угор-гошун» я знал давно, а в остальных цветах и травах был слеп, как ты, пока к нам в горы не поднялась Оля, Оля-Кветка. Она годилась мне во внучки, но, клянусь, на всех джейляу по обе стороны хребта Оля знала, как называется самая неприметная травинка, могла сразу сказать, польза от нее или вред. А ведь она родилась очень далеко отсюда.

Она рассказывала мне, что в их краю вместо скал попадаются лишь песчаные холмы, покрытые соснами, вместо горных лугов — болотистые равнины, залитые водой, непроходимые, густые леса.

«Я из Полесья,— говорила Оля.— И по-нашему не цветы, а кветки».

За ней так и осталось прозвище: «Кветка». Она и вправду напоминала цветок. Не красотой — она ничем не отличалась от сотен девушек, что бродят по горам с вещевым мешком за плечами и компасом в правой руке. Не хрупкостью и беспомощностью — она спокойно била влет диких уток на Голубых озерах.

Но где бы Оля ни появлялась, у мрачных светлели глаза, грустные забывали о вздохах, грубияны и драчуны замолкали.

Никто не смел обижаться, когда Оля-Кветка сердито сдвигала брови и набрасывалась на изыскателей, слишком широко раскинувших свой лагерь.

«Темные люди! — возмущалась она.— Вам мало одного костра, вам понадобилось обязательно пять пожарищ! Вам тесно на одной кошме, вам захотелось придавить кошмами не меньше гектара! А от вашего самодурства, может быть, погибла целая аптека!»

Три года подряд загорались ранней весной тюльпаны на склонах гор, и три года подряд, с ранней весны до первых заморозков, на самых высоких джейляу мелькала алая косынка Оли-Кветки.

Одиночество не угрожает беспокойному человеку, и у Оли завелось много друзей. Особенно подружилась она с ребятишками. Притихшие и очень серьезные, они часами сидели

на корточках перед Олей, и она рассказывала им о лекарственных растениях, показывала рисунки в книге, а потом босоногая команда с визгом и свистом срывалась на поиски.

«Я бы без них пропала! — смеялась Оля-Кветка.— Если из меня когда-нибудь получится ученый, то виноваты только они: Мамлакат и Насыр, Юсуп и Галия, Хабиба и Хайдар...»

Из-за Хайдара, сына чабана, и стряслась беда.

На перевале, по дороге на Верхние пастбища, Хайдар наступил на гюрзу, притаившуюся за камнями. Толстая, в руку толщиной, змея взвилась стальной пружиной и ужалила возле колена. Диким голосом закричал Хайдар, завопила, бестолково засуетилась босоногая команда, перепуганная, застыла Оля-Кветка. Но недолго стояла она, опустив руки. Она бросилась к Хайдару, выхватила свой нож, похожий на полумесяц, и крест-накрест разрезала ранки от кривых зубов ядовитой гадины. На голубом лезвии ножа, тысячи раз промытом душистым соком упругих стеблей, впервые зачернела кровь.

Торопясь и задыхаясь, Оля изо всех сил давила пальцами вокруг ранок, но кровь вытекала слабо и плохо. Тогда девушка опустилась на колени и припала губами к ноге Хайдара...

Легче всего сказать, что Оля-Кветка забыла о горном ветре, беспощадном даже летом, забыла, что губы ее в трещинах и ссадинах. Сказать можно, но я не поверю. Просто она не могла поступить иначе...

Она спасла Хайдара, сына чабана. Он и теперь бродит по джейляу, не по годам угрюмый и молчаливый, упорно мечтает найти новое, нужное людям растение и дать ему Олино имя...

Ташпулат вздохнул и снова несколько минут молча разглядывал сорванный им лиловый цветок «угор-гошуна».

— Он оказался настоящим мужчиной, этот худой москвич в очках, достойным мужем Оли-Кветки. Он не стал расспрашивать меня, как могло случиться, что мы потеряли его жену, не грозил найти виноватых, не бил себя кулаками в грудь, не размазывал по щекам постыдных мужских слез. Сухо и скупо он попросил:

«Проводи меня к ней, Ташпулат...»

Не сразу сосчитаешь, сколько лет я работаю проводником. Старики подтвердят: в юности я водил караваны купцов через хребет в Китай и Афганистан, потом водил красных солдат, храбрых аскеров, сейчас вот помогаю вам, хочу, чтобы горы отдали людям свои богатства. Я ко многому привык, многому давно не удивляюсь, но сердце у меня сжалось и одеревенело: первый раз седой Ташпулат шел проводником на кладбище...

Пока мы сидели в закусочной, в Саныш вернулась пурга. Москвич в очках торопливо шагал рядом со мной и не замечал холода, не горбился от ветра. Он весь подтянулся, насторожился, казалось, он боится пропустить самое главное, самое дорогое для него.

Мы недалеко ушли от закусочной. Вон там, возле магазина, он остановился и хрипло сказал:

«Здесь я ее впервые встретил. Три года назад, в апреле. Она спускалась по ступенькам с кульком конфет. Этакие плохие конфеты, вроде толстых карандашей с бумажной бахромой на концах. Их давно нигде не выпускают, разве местные артели... Она поймала мой взгляд и покраснела, улыбнулась... Понимаешь, Ташпулат, улыбнулась сразу!»

Ему не хватало воздуха, слова застревали у него в горле. Она снова была перед ним, живая, синеглазая; он снова радовался ее улыбке. Я тоже увидел, как сбегает она по ступенькам, как весенний ветерок шуршит лепестками на смешных конфетах, как, смутившись от восторженного взгляда, она беспомощно покраснела...

А москвич в очках уже тянул меня дальше. Теперь он почти бежал. Я не решился спросить, почему он круто свернул в переулок за дом старого Кадыра. Он лучше знал, куда ему идти. Его вела по Санышу Оля-Кветка.

«Не надо! Дальше никуда не надо! — прошептал он и больно сжал мою ладонь.— Тут я ждал ее. Ждал на первое свидание. В темноте я жег спичку за спичкой над ручными часами, мучительно считал минуты. Без двадцати восемь, без пятнадцати, без десяти, без трех... Она пришла! Пришла, Ташпулат! Вон оттуда, из-за дувала!..»

Его крик подхватил ветер, и, широко раскинув руки, москвич в очках бросился вперед, в белесую мглу. По слепоте своей ты можешь не поверить старику, но я опять успел заметить сквозь летящий снег знакомую алую косынку, услышать звонкий смех Оли-Кветки...

То был не мираж — мираж я видел. То было не колдовство — колдуны существуют лишь в сказках. Все проще: он любил, звал свою любовь, и любовь отзывалась...

До рассвета не покидала нас Оля-Кветка. Она вела москвича в очках по всему Санышу, и не было в кишлаке такого места, где бы сердце его не вспыхнуло радостью.

У развалин караван-сарая он целовался с Олей; за библиотекой, в саду, она согласилась стать его женой и поселиться с ним в Москве на мостике через речку они повздорили по пустякам от избытка чувств...

Так, блуждая вдоль и поперек кишлака, мы очутились у поворота на кладбище. Москвич в очках растерянно оглянулся по сторонам, в его глазах потух лихорадочный блеск, и он изумленно спросил меня:

«Для чего ты притащил меня сюда, Ташпулат? Мы здесь с ней никогда не гуляли. Ты перепутал что-то, знаменитый проводник...»

Не попрощавшись, он отвернулся от меня и зашагал обратно в Саныш.

Больше я не встречал его. Возможно, он улетел утром: экспедиция в тот день готовила к рейсу самолет...

Вот и все. Если ты не понял, обвиняй себя, я тебе не завидую. Но еще хуже, если ты вздумаешь притвориться, что тебе все ясно в моем рассказе. Ты немедленно станешь похож на глухого Сабира, который упорно скрывал свою глухоту и всегда старательно хохотал под печальную музыку...

Ташпулат покосился на притихшего Славку Букина, усмехнулся и, пряча усмешку, провел ладонью по бороде.

— Мой отец говорил, что у каждого человека есть в душе главная вершина. Он должен отыскать ее и жить только на ней. Облака ведь тоже бывают облаками, пока они в горах, а стоит им опуститься ниже, и они превращаются в серый и вязкий туман...

ВЫСОКИЙ ГОРОД

Д. ГОЛУБКОВ

С разбегу ворвавшись в ущелье пустынное,
Ворчал, как овчарка, Баксан[1] одичалый,
И рушился вечер с нагорья лавиною,
И тропку несмелую прятали скалы.

Поэт, собиратель фольклора кавказского,
Дремал,
Над измятой газетой склоняясь...
Водитель сказал, сигарету вытаскивая:
— Вниманье, товарищи,
Вот Тырныауз...

Откуда деревьев взлохмаченных сборище,
Фонарным пунктиром простроченный город?
Здесь жил только ветер, с туманами спорящий,
Да зябли, нахохлившись, голые горы.

Поэт встрепенулся:
— Скажи, не герои ли,
Не нарты[2] ли чудо отгрохали это?
— Какие там нарты — мы сами построили! -
Шофер-кабардинец ответил поэту.

А зданья глазеют широкими окнами,
Распахнуты двери гудящего клуба.
Туман,
Золотыми огнями разогнанный,
Сползает с утеса овчинною шубой.

И мы папиросы последние делим,
Не чувствуя больше ни стужи, ни голода:
Мы все зарядились бессонным весельем
Высокого,
Новорождённого города.

[1] Баксан — река на Кавказе.

[2] Нарты — герои кабардинского эпоса.



ЧКАХ



ХУДОЖНИК. ЭТОГО МАЛО?

Письмо Н. Черкасова М. Шагинян

Уважаемая Мариэтта Сергеевна!

В 25-м номере журнала «Огонек» я прочел Вашу статью «Ленинградские вечера», написанную с присущей Вашему перу энергией, молодой страстностью и увлеченностью.

Сам факт ее появления не мог пройти незамеченным. Всякое выступление мастеров нашей литературы, посвященное проблемам театра, представляет для всех нас, работников театра, огромный интерес. Зная Вас не только как крупного, обладающего завидным жизненным опытом писателя, но и как человека, с особым вниманием относящегося к современному искусству, я, да, вероятно, и все мои товарищи, заранее порадовался появлению Вашей статьи, основанной на театральных впечатлениях от последней поездки в Ленинград.

Не скрою от Вас, что «Ленинградские вечера» огорчали меня тем больше, чем пристальнее я вникал в их смысл.

Я не писатель, не теоретик, не критик. Если я берусь за перо для того, чтобы спорить с Вами, то это происходит только потому, что авторитет Вашего имени, так же как Ваше литературное мастерство, может заставить многочисленных читателей «Огонька» принять Ваши эпизодические впечатления за истинную картину театральной жизни нашего города. Между тем картина эта совсем не соответствует Вашим выводам и реальная практика ленинградских театров решительно опровергает ту суровую и пессимистическую оценку, которая невольно возникает у читателя статьи.

Вы специально оговариваете, что статья отражает только Ваши «субъективные, глубоко личные впечатления», и призываете театры не обижаться на Вас за искренне высказанные мысли. Но беда в том, что статья опубликованная уже перестает быть Вашим «глубоко личным» делом, а становится всеобщим достоянием.

Необходимость ответить Вам подсказана также тем, что вопреки Вашей оборонительной оговорке о субъективности впечатлений Вы делаете обобщающие выводы, для которых едва ли дает основание использованный Вами материал.

Итак, обратимся к самому этому материалу.

Вы видели в Ленинграде всего несколько спектаклей, если иметь в виду профессиональные театры. Предположим, что Ваше впечатление от этих спектаклей соответствует действительности. Я не стану спорить с Вами об оценке того, что Вы видели. Не стану не потому, что разделяю Ваше мнение, но потому, что отношусь к нему с полным и глубоким уважением. Пусть Вы считаете экспериментальный спектакль Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова «Берег надежды», спектакль, отразивший многие искания советских балетмейстеров в области современной темы, неудачным. Это Ваше право, на которое никто не может посягнуть. Хотя, не скрою, мне бы хотелось в случае, когда речь идет о таком трудном жанре, как советская тема в хореографии, более подробной и убедительной аргументации. Но не в этом суть. Представьте себе, что «Берег надежды» действительно не получился, что «Спартак», столь категорически осужденный Вами, тоже не вышел. Но ведь эти спектакли ни в какой степени не исчерпывают всей жизни ленинградского балета, которым, как мне кажется, не без оснований гордится наш город. Может быть, Ваш взыскательный вкус могли бы удовлетворить другие хореографические произведения, такие, например, как «Тропою грома» по роману Питера Абрахамса, спектакль страстной политической мысли, впервые родившийся на ленинградской балетной сцене. Может быть, Ваше настроение исправили бы спектакли классического балета, в которых перед Вами предстали бы очень молодые и очень талантливые исполнители.

Что же касается драматических театров, то Вы побывали только в одном, только на одном спектакле, да и в нем удовольствовались только первым актом. Не слишком ли мало для того решительного вывода, который Вы делаете?

Чтобы объяснить свое удивление, я вовсе не стану оспаривать Ваше суждение об этом виденном Вами спектакле «Двенадцатый час». Легко допустить, что это спектакль ненужный, слабый, необязательный — какой хотите. Но представим себе соотношение этого спектакля и всего обширного ландшафта, который составляют шесть городских и три областных драматических театра, живущих и здравствующих в Ленинграде.

Перечислив ограниченный круг Ваших последних театральных знакомств, Вы грустно констатируете, что «ничего больше не осталось». Но почему не осталось, Мариэтта Сергеевна?

Печально вопрошая: «неужели нет в Ленинграде ничего, что как в прошлые приезды» могло бы удовлетворить Ваш повышенный спрос, Вы могли бы ответить на этот вопрос отнюдь не так уныло, если бы посмотрели, что есть в Ленинграде. А в ленинградских драматических театрах только за этот сезон появилось несколько десятков новых спектаклей. Среди них есть Горький — новый Горький, прочитанный сегодняшними глазами. Это «Варвары» в Большом Драматическом театре имени Горького и «Дети солнца» в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской. Среди них есть значительные произведения о нашей действительности, которые пользуются самой активной любовью ленинградцев. Это «Все остается людям» в Театре драмы имени Пушкина. (Здесь я не боюсь оказаться нескромным, ибо считаю честью для себя участие в этом спектакле.) Это интересный спектакль «Третья патетическая» в Областном драматическом театре, в котором мы впервые познакомились с новым талантливым создателем образа В. И. Ленина — артистом В. Красновым; это чеховский спектакль «Пестрые рассказы» в Театре Комедии, оперы «Машенька» и «Бесприданница» в Малом оперном театре и ряд других новых постановок. Что же помешало Вам увидеть их? Краткость Вашего пребывания в Ленинграде? Об этом можно только сожалеть. Но если Вы не могли ознакомиться хотя бы с несколькими различными спектаклями, то стоило ли Вам давать им оценки?

Может быть, Вы действительно считаете, что кратковременная экскурсия — «лучший способ знакомства». Во всяком случае, так Вы утверждаете в начале Вашей статьи. Но что бы Вы сказали о критике, который стал судить о собрании Ваших сочинений по одной главе одного Вашего романа? Может быть, Вы бы сказали, что кратковременная экскурсия не лучший способ проникновения в область литературы? И я бы согласился с Вами с одним только добавлением: для понимания театрального искусства этот способ тоже не лучший.

Среди множества участников театральной самодеятельности Вы заметили и назвали двух-трех способных исполнителей. Их, конечно, гораздо больше, но хорошо уже и то, что замечены эти. Странно при этом другое: воздавая им должное, Вы тут же с ничем не объяснимым пренебрежением отзываетесь о среднем поколении наших актеров (огульно, не называя имен, объединяя их в стадном понятии «среднего состава»). Это несправедливо и не стоит ни в каком соответствии с правдой, как и Ваше умолчание о нашей профессиональной творческой молодежи. Известны ли Вам имена З. Шарко, Н. Ургант, Э. Поповой, А. Фрейндлих, Т. Дорониной, Ю. Радионова, С. Юрского, К. Лаврова, Б. Штоколова, И. Колпаковой, З. Виноградовой и многих других? Это наши молодые партнеры, подарившие нам немало настоящих творческих радостей. Познакомьтесь с ними; я уверен, что они помогут Вам справиться с ложным представлением об упадке профессиональной сцены и уверовать в хорошее будущее нашего театра.

Все эти имена и театральные явления Вы как бы объявляете несуществующими. Вы говорите: «Ничего!» Почему? Потому ли, что Вы расходитесь со мною в оценке их достоинств и просто не считаете их стоящими упоминания? Нет, Вы делаете это на том единственном основании, что они остались за рамками Ваших «субъективных, глубоко личных впечатлений». Шаткое основание, тем более шаткое, что Вы строите на нем устрашающий вывод об упадке нашего профессионального театра.

Мне кажется, что Вы переоцениваете позицию наблюдателя, когда, опираясь на случайный набор субъективных, глубоко личных впечатлений, столь печально рисуете судьбу не только нынешнего театрального сезона в Ленинграде, но и вообще судьбу нашего профессионального театра.

В одной только театральной самодеятельности Вы находите почву для оптимистического взгляда на ленинградское искусство. Очень хорошо, разумеется, что Вы проявили интерес и к этой стороне культурной жизни нашего города, стороне, в которой много

нового, по-настоящему интересного и плодотворного. Но о самодеятельности Вы пишете бегло, во многом неточно и даже просто неверно.

Неверно, например, что актеры самодеятельности разделяют Ваше пренебрежительное отношение к профессии актера и что среди них полностью отсутствует тяга к такой профессионализации.

Эта тяга существует у многих. И это естественно, как всякое стремление человека работать соответственно своему призванию. Не случайно самодеятельность в нашей стране стала мощным резервом, из которого профессиональный театр черпает пополнение. Неужели Вы не разделяете нашего удовлетворения тем, что многие лучшие актеры разных поколений пришли на профессиональную сцену из студий и кружков, действующих в гуще фабрик и заводов?

Как Вы, профессиональный литератор, так много сделавший для поднятия своей профессии, можете столь пренебрежительно относиться к профессиональному труду в области, смежной Вам, в области театра?

Не знаю, хотели Вы того или нет, но своей статьей Вы просто отрицаете профессиональный театр. Вы считаете, что наш театр отныне утратил настоящую театральность и довольствуется механическим повторением заученных форм; что реальная ценность пьес проверяется теперь лишь на самодеятельной сцене; что будто бы только на ней драматург может встретить настоящее понимание. Возможно ли, чтобы Вы утверждали, что только на самодеятельной сцене может сегодня найти глубокое жизненное воплощение пьеса нашего современника?

Я вполне понимаю, что цитируемый Вами юноша, избравший профессию технолога и, видимо, не обладающий достаточным талантом актера, потому что талант — это жизненная потребность его реализации, бросил реплику в ответ на предложение стать актером: «Нет, для меня этого мало». Данный юноша проявил вполне здравый смысл. Зачем ему идти в профессиональные актеры, если для удовлетворения его любви к театру вполне достаточно досуга? Но ведь не думаете же и Вы, что театр — это досуг? Вы, представитель той самой русской литературы, на страницах которой великие писатели называли театр кафедрой общественной мысли или вторым университетом? Может быть, служение театру Вы считаете недостаточным для выполнения обязанностей художника и гражданина?

Неужели это Вы проповедуете дилетантизм как основу театрального искусства? Неужели Вы путаете грандиозное значение самодеятельности, как одной из движущих сил народной культуры, с самодеятельностью, вытесняющей профессиональный театр? Тот самый профессиональный театр, который по праву признан самым гуманным и самым прогрессивным театром в мире.

В профессиональном театре Вы, как мне кажется, отрицаете не только неудачные спектакли, но и самый театр. Это все равно, что отрицать в наше время профессиональную литературу на основании одной или нескольких плохих книг. Плохие книги возможны всегда, как и плохие спектакли. А литература движется вперед, как движется вперед вся наша жизнь и как, позволю себе думать, движется наш театр.

И дальнейшее его движение находится в прямой связи с его дальнейшей профессионализацией. Вы, конечно, знаете, что нам, деятелям театра, целой жизни мало для того, чтобы отточить мастерство до желаемого предела. Отточить не для самоцели, а для того, чтобы полнее высказать то, чем мы живем, чтобы отдать народу все то, чего он от нас ждет и на что, по выражению В. И. Ленина, имеет право.

Ведь учение К. С. Станиславского, возвысившее наш театр, возвысило его именно над дилетантизмом! И, провозгласив профессиональное разоружение театра, Вы еще называете это черточкой наступающей эры коммунизма!

Конечно, люди в коммунистическом обществе будут свободны от профессиональной ограниченности, рождаемой буржуазным разделением труда. Именно об этом писал К. Маркс, а не о перспективе полного упразднения особых склонностей и специальностей. Ведь речь идет о самой высокой человеческой организации, об обществе, обладающем таким багажом знаний и умения, который, конечно, не по силам отдельному человеку. Тем более это замечательное общество будет нуждаться в специалистах.

Люди будущего представляются мне как ученые с душой художников и художники с кругозором и проницательностью ученых, а не как всезнайки, пребывающие в благорастворении всеобщего дилетантизма. Так мне кажется. Поэтому в совместном развитии профессионального и самодеятельного театра я вижу гораздо больше предвестий хорошего будущего, чем в подмене одного другим. Вы же, мне кажется, впадаете в грех вульгаризаторского упрощения, которое удаляет нас от истины, а потому дезориентирует и разоружает.

Заканчивая, я не могу обойти вниманием Вашу реплику о том, как тягостны Вам беседы с профессиональными актерами. В связи с этим я испытываю чувство человека, который совершает невольную бестактность, вступая с Вами в диалог. Но моей вины тут нет: Вы сами начали разговор, который задевает, в частности, и меня и имеет не узко личное, а важное общественное значение.

Я рассчитываю на продолжение нашего творческого разговора о судьбах театрального искусства.

Н. ЧЕРКАСОВ

Председатель Ленинградского отделения ВТО, народный артист СССР.



Слушатели балашихинского университета культуры сфотографировались на память с артистами Большого театра.

Все ново, все интересно

Когда проект будущего университета культуры рождался — было это в конце 1958 года на заседании Балашихинского горкома партии,— все единодушно решили: никаких мероприятий ради мероприятий! Самый лучший способ обучения и воспитания такой, при котором человек не замечает, что он учится, что его воспитывают...

В университете культуры должно быть все ново и интересно. Слушателей совершенно не обязательно собирать в городском клубе. Лекция о драматургии А. Н. Островского пусть читается в Москве, в Малом театре. Историю Москвы послушают на территории Кремля и в Оружейной палате... Интересно? Очень!.. Правда, для этого нужны инициативные руководители, но разве такие в нашем городе не найдутся? Конечно, найдутся. Нужны средства? Завкомы и фабкомы помогут. А деятели науки и искусства обязательно пойдут навстречу!..

Вот уже второй год существует в городе Балашихе университет культуры. Число его слушателей возрастает с каждым месяцем. Кому не интересно побывать на лекциях французского искусствоведа Жоржа Садуля и известного кинорежиссера А. Роома, рассказывающих о влиянии советского кино на развитие мирового киноискусства, послушать выступление писателя А. Югова о русском литературном языке и чистоте речи? Профессор Л. Баратов читал лекцию об операх М. Глинки, поставленных в Государственном Большом театре Союза ССР. Лекция закончилась прослушиванием «Ивана Сусанина» в исполнении артистов театра.

А как много дали слушателям занятия, проведенные в Горках Ленинских, в Ясной Поляне, Абрамцеве, Мелихове!..

Правда, анкеты и отзывы слушателей университета содержат не только слова восторженной благодарности. В них масса пожеланий, советов и даже критики в адрес ректората. Но мы не удивляемся, а радуемся. Чем больше рабочие Балашихи узнают в своем университете, тем выше становятся их требования, запросы.

Н. МОКИЕНКО,
ректор университета культуры.

Балашиха.

Питомцы Ирины Сидоркиной

Очень интересно наблюдать за репетицией, которую проводит на манеже Ирина Евгеньевна Сидоркина со своими питомцами. Чего только не умеют делать свирепые на вид морские львы! Балансируют, лазают по лестнице, кувыркаются, даже показывают стойку. И за все свои «подвиги» немедленно требуют рыбы, валясь на бок и аплодируя сами себе деревянно стучащими ластами.

Иногда они упрямились — сбрасывали на пол мячи, отворачивались от лесенок и обиженно ревели. Ирина Евгеньевна, набрав полную пригоршню серебристых рыбок, предлагала зверю повторить номер. Можно было только позавидовать ее настойчивости.

— Очевидно, вы из цирковой семьи? — сказала я подошедшей к барьеру Ирине Евгеньевне.— Сразу чувствуется школа.

— Нет,— сказала она.— По профессии я бухгалтер...

Учителем Ирины был ее муж — опытный дрессировщик Тимофей Иванович Сидоркин.

Когда супругам предложили принять группу морских львов, прибывших самолетом из Сан-Франциско, Тимофей Иванович сказал:

— Это будет твоя группа, Ира. Не робей, справишься.

Однако поначалу заморские звери совсем не подпускали к себе людей, щелкали зубами, кричали. Сколько терпения понадобилось, чтобы они не шарахались, взяли рыбу из рук человека, выполнили его приказ.

Восхищенные зрители подолгу аплодируют «артистам». Недаром этот номер полюбился не только нашим зрителям, но и посетителям цирка в Польше и Венгрии.

И. БАБИЧ

Киев.



Ирина Сидоркина с Рыжиком.
Фото Б. Львова.

Ганс Глобке



В. ЧЕРНОВ

Рисунок Д. Циновского.

Тень Аденауэра

Если кому-нибудь из боннских министров случится выступить в бундестаге в отсутствие Аденауэра, он все равно по привычке боязливо оглянется на правительственную ложу. Там, чуть позади кресла, отведенного канцлеру, скромно восседает молчаливый, несколько старомодно одетый господин. Человека этого доверительным шепотом называют «тенью Аденауэра». Это статс-секретарь Ганс Глобке, возглавляющий так называемое ведомство федерального канцлера — личный политический штаб престарелого боннского диктатора. Не редкость услышать в кулуарах бундестага и такое суждение: у Глобке больше власти, чем у всех семнадцати федеральных министров, вместе взятых...

Ганс Глобке — член тайного кабинета, который и есть подлинное правительство Западной Германии. Этот не предусмотренный никакой конституцией орган обычно собирается в заднем флигеле ведомства канцлера, в Бонне, на Кобленцштрассе, 139—141. Кроме Аденауэра и Глобке, постоянными участниками этих заседаний бывают еще двое: личный референт Аденауэра Франц-Йозеф Бах и начальник 2-го отдела ведомства канцлера Карл-Фридрих Виалон. С Бахом Аденауэр обсуждает вопросы внешней политики и единолично принимает решения, зачастую через голову своего послушного министра иностранных дел Генриха фон Брентано. Виалон готовит мероприятия финансово-экономического порядка, не ставя в известность министра финансов Фрица Этцеля и министра экономики Людвига Эрхарда. Из боннских министров, пожалуй, только буйный Франц-Йозеф Штраус, руководитель военного ведомства, да министр внутренних дел Герхард Шрёдер изредка удостаиваются чести быть приглашенными во флигель дома на Кобленцштрассе.

Власть, сосредоточенная в руках Ганса Глобке, поистине всеобъемлюща. Он готовит проекты важных законов. Он представляет Аденауэру кандидатуры на замещение самых высоких постов в правительственных учреждениях. Ему подчинена «Федеральная разведывательная служба», руководимая генералом Геленом. Он координирует деятельность всех разведывательных и контрразведывательных органов Западной Германии. Он лично из секретного фонда, доверенного ему Аденауэром, финансирует подрывные западноберлинские организации и печать, ведущую «психологическую войну» против социалистических стран.

И вот этот-то всемогущий боннский сановник вдруг начал дрожать от страха, как самый последний из его подчиненных.

День 23 мая сотрудники ведомства федерального канцлера прозвали черным понедельником. Два-три смельчака, отважившиеся побеспокоить грозное начальство, с треском вылетели из кабинета. Самоуверенного, корректного, наигранно-благодушного Глобке словно подменили.

Чиновники терялись в догадках. Нагоняй от канцлера, который не церемонится даже с самыми близкими ему людьми? Но Аденауэр и Глобке живут, что называется, душа в душу. Строгое внушение из высших католических кругов? Или пинок от заокеанских покровителей? Да нет, и с теми и с другими статс-секретарь всегда умеет держаться заискивающе-почтительного тона.

Наконец, по многочисленным комнатам личного штаба Аденауэра разнеслась весть: Глобке привело в панику сообщение, поступившее из далекого Тель-Авива! В руках израильских властей оказался Карл-Адольф Эйхман, оберштурмбанфюрер, один из ближайших подручных гитлеровского обер-палача Гиммлера. Тот самый Эйхман, который в мрачные времена «третьего рейха» носил звание «особого уполномоченного по окончательному разрешению еврейского вопроса» и возглавлял отдел гестапо IVA4в. Под этим шифром скрывался аппарат, осуществлявший на практике расистскую политику истребления. На совести Эйхмана — миллионы евреев, уничтоженных в Германии и в странах Европы. На Нюрнбергском процессе и в списках розыска скрывшихся от возмездия гестаповских палачей постоянно упоминается имя этого зверя в человеческом образе.

Почему же все-таки весть из Израиля вывела из душевного равновесия ближайшего, самого доверенного советника боннского канцлера?

Специалист по расистским законам

Перенесемся на два с половиной десятилетия назад, в Германию под игом Гитлера. Глобке, начинающий юрист, вступает в 1932 году на скромную должность в имперское министерство внутренних дел. Его аккуратность и усердие уже через три года приносят ему чин министерского советника. Заместитель министра внутренних дел обергруппенфюрер СС Вильгельм Штуккарт поручает ему задание особой важности: Глобке составляет так называемый «комментарий к нюрнбергским законам», в котором «с юридической точки зрения» обосновывается необходимость истребления всех «неарийцев». «Комментарий» становится настольной книгой для гестаповских и эсэсовских палачей, занятых «сокращением численности людей низшей расы». С тех пор с Глобке консультируются каждый раз, когда предстоит применение в массовом масштабе людоедского «законодательства», касается ли это уничтожения евреев, поляков, русских, французов или датчан.

Доктор юридических наук Глобке не замыкается, однако, в тиши своего кабинета. Он не только роется в пыльных томах сводов законов, отыскивая древние параграфы для оправдания нацистских зверств. Как ближайший сотрудник эсэсовского генерала Штуккарта, Глобке в период второй мировой войны совершает несколько инспекционных поездок по оккупированным странам Юго-Восточной Европы. Он особенно интересуется изобретением Эйхмана — пресловутыми газовыми камерами, в которых превращаются в трупы миллионы людей. Мимоходом Глобке решает и «мелкие» вопросы: отправляет 40 тысяч евреев из Греции в лагерь смерти Освенцим, отдает распоряжения о создании еврейских гетто в разных городах и странах. Да мало ли чудовищных расистских преступлений, больших и малых, лежит на совести нынешнего руководителя личной канцелярии боннского канцлера!

В те именно времена, как «специалист со специалистом», Глобке снюхался с Эйхманом. Деловой контакт перерос в тесные дружеские отношения. Эйхман восхищался тем, как ловко «доктор» подвел базу «законности» под политику уничтожения «недочеловеков». А Глобке нравилась чудовищная деловитость, с которой «особый уполномоченный» предавал смерти миллионы этих «недочеловеков». Тут был и скрытый обоюдный расчет. Глобке надеялся, что Эйхман в случае чего замолвит за него словечко перед грозным Гиммлером; а гестаповец — на то, что Глобке может хорошо аттестовать его перед имперским министром внутренних дел Фриком, с мнением которого считался сам бесноватый фюрер.

Позднее к дружкам Эйхману и Глобке примкнули: референт по расовым вопросам в правлении нацистской партии Кучер и заместитель Эйхмана по отделу IVA4в, оберштурмбанфюрер Крумей. Эта четверка и заправляла практически операциями по уничтожению «неарийцев».

Отпущение грехов

Когда в мае 1945 года гитлеровская империя рассыпалась под ударами Советской Армии, эсэсовские головорезы, как крысы с тонущего корабля, кинулись в западную часть Германии — подальше от Эльбы, поближе к западным союзникам.

Гитлеровский специалист по расистским законам оказался хитрее своих сообщников и дружков. Те проедали союзнические харчи в тюрьмах и лагерях для интернированных или скрывались под чужими фамилиями; Глобке же решил переждать смутное время в какой-нибудь тихой обители. В качестве таковой он избрал... доминиканский монастырь в Вальберберге под Бонном.

Пока составлялся список главных военных преступников, в который Глобке был внесен под номером 101, пока американские и английские оккупационные власти разыскивали оного злодея, сам преступник спокойно отсиживался в скромной келье, вел душеспасительные беседы, аккуратно исповедовался и получал отпущение грехов. Он и здесь не терял зря времени и быстро вошел в доверие к отцу-настоятелю, патеру Лаурентиусу Симеру. Этот Симер, один из влиятельнейших деятелей католической церкви в Германии, фактически подчинялся непосредственно Ватикану. Высшие католические круги усердно подыскивали тогда верных людей, добрых католиков, которые могли бы служить интересам папского престола в будущем западногерманском сепаратном государстве. Преподобный Лаурентиус Симер горячо рекомендовал смиренного «брата» Ганса Глобке.

Вскоре обитатель кельи в Валь-

—ПРЕСТУПНИК № 101

берберге был назначен вице-президентом ревизионной палаты земли Северный Рейн — Вестфалия, органа, контролирующего финансовую деятельность земельного правительства.

Монастырская братия не выдала Глобке. Но окончательную индульгенцию он получил не из рук папы, а от американских оккупационных властей. Они выдали ему удостоверение, целиком обеляющее его как военного преступника, и любезно разрешили даже не являться в суд.

У тогдашних заокеанских предшественников Аллена Даллеса были свои виды на бывшего специалиста по расистским вопросам. И он не обманул их ожиданий. «Верный сын фюрера», во-первых, выдал разведке США место, где были спрятаны в конце войны секретные досье нацистского министерства внутренних дел. А во-вторых, хотя это было не очень оригинально, но зато практично, без колебаний стал агентом американской разведывательной службы.

Рука руку моет

А как же Эйхман? Судьба гестаповца сложилась менее счастливо, чем у Ганса Глобке. Правда, ему удалось улизнуть из американского лагеря для военнопленных и до 1950 года спокойно прожить в Западной Германии под чужой фамилией. Но такая серая жизнь наскучила бывшему «особому уполномоченному». К тому же он прослышал, что его приятель Глобке стал важной птицей в Бонне.

Поздно вечером в квартире Глобке на Дицштрассе, 10 раздался звонок. Перед ошеломленным хозяином предстал собственной персоной оберштурмбанфюрер Карл-Адольф Эйхман в штатском обличье и под именем господина Бринкмана. Нельзя сказать, чтобы бывшего специалиста по расистским законам особенно обрадовал этот визит. Но он терпеливо выслушал Эйхмана и обещал выручить. Правда, Глобке поставил твердое условие: гестаповец должен немедленно убраться из Западной Германии и как можно подальше. Эйхман согласился, и Глобке выхлопотал ему ватиканский паспорт (вот когда пригодились хорошие отношения с католическими пастырями!). Гестаповский убийца выехал в Южную Америку.

По рекомендации Глобке Эйхман заполучил и прилично оплачиваемую работу: он стал представителем западногерманских фирм в латиноамериканских и арабских странах, в частности в Кувейте, где посредничал в сделках по закупке нефти для ФРГ.

И вот теперь, в 1960 году, судьбе было угодно, чтобы именно Эйхман подложил свинью своему другу и покровителю! Надо ли объяснять, почему впал в панику Ганс Глобке? В печати уже мелькали сообщения, что узник тель-авивской тюрьмы активно готовится к судебному процессу, который намечено провести в Иерусалиме. Надеясь спасти шкуру, он, как и всякий бандит, обещает «кое-кого разоблачить». А вдруг Эйхман выложит на суде подробности тех страшных дел, которые они вместе с Глобке творили в годы гитлеровского «рейха»?

После временного остолбенения Глобке все же решает действовать. Он пускает в ход все свое влияние на престарелого канцлера, чтобы помешать процессу над Эйхманом. Западногерманская печать требует передачи Эйхмана... боннской республике. Боннский посол в Вашингтоне Граве мобилизует на помощь американских друзей, чтобы те оказали давление на израильское правительство. Сам Аденауэр неофициально обращается к Бен-Гуриону с просьбой, чтобы Эйхмана судил западногерманский суд. Боннский министр внутренних дел Шрёдер выезжает в Аргентину, и в результате появляется аргентинская нота правительству Израиля с требованием передать гестаповца аргентинским властям.

Глобке, впрочем, не возлагает надежды на одни официальные и полуофициальные представления. В ход пошли и тайные пружины. Разведка Гелена получила задание выкрасть Эйхмана из Израиля или, если это окажется невозможным, сделать все, что угодно, лишь бы гитлеровский «особый уполномоченный» замолчал навсегда.

Ценный «двойник»

В 1957 году Глобке по примеру своего шефа собрался в вояж за океан. Как раз тогда должен был состояться «дружеский акт»: передача разведки Гелена из-под американского начала в ведение западногерманского правительства. Боннский «координатор тайных дел» надеялся попутно обменяться опытом с Алленом Даллесом по части шпионажа и диверсий в социалистических странах. Но получилась осечка. Американская общественность решительно запротестовала против приезда Глобке: многие в Соединенных Штатах еще не забыли его «комментария к нюрнбергским законам». Глобке пришлось распаковать чемоданы.

Но старая дружба Ганса Глобке с людьми ведомства Аллена Даллеса не стала от этого менее теплой. Более того, именно эта дружба и объясняет во многом головокружительную карьеру Глобке в боннском государстве.

Престарелый канцлер страдает чудовищной подозрительностью. Как правило, он никому не доверяет. Глобке — редкое исключение. Аденауэр недвусмысленно заявил как-то: «Я не знаю другого человека, кто мог бы заменить Глобке».

Ганс Глобке сумел покорить сердце канцлера не только своей рабской преданностью. И не только тем, что образ мыслей Глобке, этого закоренелого фашиста, ярого противника всего передового и заклятого врага социализма, отвечает образу мыслей самого Аденауэра. И даже не тем, что боннский диктатор нашел в Глобке неутомимого проводника своих реваншистских идей и поджигательских замыслов. Главная причина не в этом.

Аденауэр знает, что Глобке — агент Аллена Даллеса. Ничего сверхъестественного в этом для боннского канцлера нет. Кто из западногерманских министров, депутатов, видных и невидных чиновников не сотрудничает явно или тайно с заокеанскими покровителями. Поддерживать отношения с американской разведкой, снабжать секретную службу США всевозможной информацией, а нередко и чистейшей «липой» — своего рода мода среди боннского «высшего общества». Что же касается Глобке, то иметь в его лице человека, вхожего в ведомство Аллена Даллеса, просто даже выгодно. Это дает возможность узнавать кое-какие намерения американцев, в частности анализируя те задания, которые Глобке получает от ведомства Даллеса и с присущей ему аккуратностью передает канцлеру. Иначе говоря, это позволяет старому боннскому интригану кое в чем водить американцев за нос, толкать янки на выгодные для него действия, снабжая их через Глобке дезинформацией или просто преподнося те или иные события в нужном для себя свете. Не в последнюю очередь при помощи Глобке Аденауэр воздействует на американскую внешнюю политику, ибо, как известно, ведомство Аллена Даллеса оказывает весьма большое влияние на политические решения, которые принимаются за океаном. Недаром же в Соединенных Штатах Аденауэра иногда называют «запасным государственным секретарем США».

И Конрад Аденауэр, не щадя остатков сил, лично бросается в свалку, возникшую вокруг «происшествия» с Эйхманом. Не моргнув глазом, канцлер объявляет во всеуслышание, что Ганс Глобке при Гитлере... укрывал и спасал евреев! Увы, трюк этот не нов: боннские правящие круги уже пустили его однажды в ход, когда перед общественностью всплыли кровавые деяния Оберлендера.

Документы, материалы судебных процессов, свидетельства тысяч людей говорят за себя. Фаворит боннского канцлера был одним из идейных вдохновителей уничтожения миллионов людей в фашистской Германии и оккупированных гитлеровцами странах Европы. Ныне он один из «столпов», на который опираются фашистские элементы, ожившие в боннской республике.

Ганс Глобке — военный преступник. «Номер 101» несмываемым клеймом горит на его лбу. Он не лучше — он хуже Оберлендера или Эйхмана. Его место — на скамье подсудимых.

В РОДНОЙ СТЕПИ

Александр ГОВОРОВ

Детство

Я мало жил и видывал,
еще не знаю многого.
И все же с детства пробовал
ходить своей дорогою.
Мечтал я сразу взрослым стать,
закуривал украдкою,
старался чуб свой показать,
хвалясь солдатской шапкою.
И валенки сестрицыны
примеривал под лавкою.
А мать, склонясь над спицами,
возилась с холявкою.
А мы на речке Рёшнице
гольцов ловили скатертью.
И,
сжав в ручонке трешницу,
я нес, как взрослый, матери.

Весна

Еще под зимней шапкой чуб;
над степью — стон грачей,
еще подпрыгивает чуть
по камешкам ручей;
еще длинна и в полдень тень
и утренник стоит,
но вот уже четвертый день,
как улей, степь гудит.

Деревенский квас

Весь, как иголками прошит,
в деже дубовой квас шипит.
Поднялся шубою, дрожа,
шумит, шипит и шепчет.
Чем больше старая дежа,
тем квас бушует шибче.
Тем он сильней,
тем он вкусней,
тем резче вкусный запах.
Несет он силу для мужей
на мощных
хлебных лапах!

Ночью

Качнулся надо мной
сирени буйной стебель.
Прошлепал по воде
и скрылся катерок.
Дрожит звезда,
звезда дрожит на небе,
как радиоприемника глазок.

Река гудит.
И ночь гудит тягуче.
Вот баржи с гулом
грузные прошли.
В такую ночь
я стал и впрямь могучим,
узнав в себе
хозяина Земли!

Веточка

На веточке
тоненькой
покачивается антоновка.
Раскачивается веточка —
вот-вот в дугу согнется.
Но вырастет
и вызреет
пахучий слиток солнца.



МАСТЕР БЕСПОЩАДНОГО ПОРТРЕТА

Веласкес. Портрет Иннокентия X.

Со времен Веласкеса миновали три столетия, полные невиданных исторических сдвигов. Но живо до сих пор творчество гения, овладевшего не только тайнами живописного мастерства, но и тайнами раскрытия человеческой души, художника вдохновенного прозрения и высокого гуманизма.

...В сентябрьский неяркий день 1959 года мы шли по улицам нарядного осеннего Рима в галерею Дория смотреть портрет папы Иннокентия X кисти Веласкеса. Мы не сразу нашли его среди многих потемневших от времени полотен. Но вдруг, освещенный боковым светом из окна, засверкал перед нами один из самых прославленных в мировом искусстве психологических портретов.

Веласкес создал портрет Иннокентия X в 1650 году по заказу самого всесильного папы. Кажется, что он написан сейчас. С дерзновенной страстью и беспощадной правдой открыл художник в настороженном взгляде холодных голубых проницательных глаз, в надменном складе рта, даже в самой позе всю внутреннюю сущность честолюбца, его жестокую, неумолимую волю.

По известному преданию, папа, посмотрев на свой законченный портрет, сказал художнику: «Троппо веро», то есть слишком верно, слишком похоже.

Творения Веласкеса — вершина реалистического искусства XVII века.

Может показаться удивительным, что автор великолепных парадных портретов королевской семьи и придворной знати, с восторгом изображавший переливы атласа и шелка, сложное изящество причесок, изысканность лиц и поз, был в то же время самым демократическим художником своей эпохи.

Народность Веласкеса проявилась в выборе тем для больших композиций, в пристрастии художника к изображению простых людей, в стремлении подчеркнуть в них ум и человеческое достоинство.

Картину «Завтрак», хранящуюся в Эрмитаже, Веласкес написал в 1617 году, восемнадцати лет, тем не менее уже здесь видна кисть большого, зрелого мастера. Объемно, четко возникают из темной глубины фигуры трех крестьян, сидящих за трапезой. Контрасты светотени пластично лепят их лица, способствуя психологической ясности образов. Картина построена в мягкой колористической гамме, где главные акценты падают на золотисто-желтое платье молодого крестьянина и серебристо-серое старика. Очень сочно, с большим реалистическим искусством написан натюрморт — хлеб, стакан с вином, гранаты.

В испанской живописи любили жанровые сюжеты, они даже имели специальное название — «бодегонес». Бесспорно жанровыми картинами являются такие произведения Веласкеса 1620-х годов, как «Христос у Марфы и Марии» и «Старая повариха». В первой из них религиозный мотив звучит весьма приглушенно; главное внимание художник уделил портретам молодой и старой женщин, с удивительным композиционным мастерством написан натюрморт. Теплота и уют домашнего быта переданы во второй картине, где женщина варит суп, а мальчик приносит ей продукты.

Большая картина «Пряхи» (1657) относится к позднему периоду творчества мастера. Веласкес здесь обращается к теме труда, изображая сцену на королевской гобеленовой мануфактуре. Группу придворных дам художник пишет на заднем плане, отводя первый девушкам-работницам, лица и движения которых он изображает с особенной любовью и вниманием. Вся композиция окутана трепетным светом; фигуры написаны широким пластичным мазком и отличаются необычайной жизненностью. Это одно из самых знаменитых произведений Веласкеса, так же как картина «Фрейлины» («Лас Менинас»).

В многочисленных портретах современного дворянства, придворной знати и простых людей Веласкес оставил нам поразительную сюиту образов своих современников. Это портреты графа Оливареса, неизвестного мужчины, дона Хуана Матеоса, Мартинеса Монтаньеса, дамы с веером, портрет пожилого мужчины с крестом ордена Сант-Яго.

Позирующие художнику не могли скрыть от него своей внутренней сути: в портрете Оливареса несомненны элементы сатиричности. Не льстил художник и Филиппу IV; в лице придворного дона Хуана Матеоса доминирует властное презрение к людям; надменно-тонкое, умное лицо типичного представителя дворянства своего времени у рыцаря ордена Сант-Яго.

Знаменитая картина Веласкеса «Сдача Бреды» (1634—1635), воспевающая победу испанцев над голландцами, по существу, групповой портрет. Побежденные передают торжествующим победителям ключи от сданной им крепости Бреды. Воины-победители подняли вверх лес копий, отчего эта картина носит также название «Копья». Здесь художника заинтересовал, несомненно, не только исторический сюжет, но самый повод создать полнокровные, индивидуальные, реалистические характеры победителей и побежденных.

Художник обращался и к «воображаемым» портретам: древние философы — «Эзоп» и «Менипп» явно написаны с бедняков-нищих, в чьих лицах Веласкес увидел остроту мысли и философское раздумье.

Трагичны затаенной скорбью, выраженной во взгляде, духовной сложностью королевский карлик Себастьян де Морро и карлик дон Диего да Хаседо, прозванный Эль Примо. С уважением и чутким пониманием их судьбы относился к ним художник, видя за уродливой внешностью большую человечность и внутреннюю силу.

Могучее проникновение во внутреннее "я" человека, великолепная живопись создали непреходящую ценность творениям Веласкеса, приносящим многие столетия радость всему человечеству.

К. КРАВЧЕНКО



ИСКУССТВО — БИЗНЕС

В газетах и журналах «свободного мира» редко встретишь объявления о музеях или рассказ об их сокровищах. Гораздо чаще мировые шедевры искусства предстают перед читателем в... рекламах табачных, автомобильных, винодельческих фирм, авиационных компаний, универмагов.

Пальма первенства по праву может быть присуждена английской винодельческой фирме «Джон Харвей и сыновья». Читатели «Огонька» уже имели возможность ознакомиться с одной из реклам этой фирмы (см. № 27 за 1959 год): Харвей привлек тогда в качестве «зазывалы» для своих изделий донью Исабеллу де Порсель, запечатленную на портрете кисти прославленного испанского художника Гойи.

Помещаемая ниже фотография взята из американского журнала «Тайм». На этот раз роль «зазывалы» поручена «Неизвестному», портрет которого создан другим классиком испанской живописи, Эль Греко. Спиной к портрету сидит, как указывается в тексте рекламы, «прелестная девушка», а рюмка ликера фирмы «Харвей» символизирует «связь» классического искусства с современностью.

Старик Харвей и его сыновья воспользовались знаменитыми полотнами в коммерческих целях «с любезного разрешения» Национальной галереи в Лондоне и музея Прадо в Мадриде, где хранятся оригиналы.



Диего Веласкес (1599—1660). ЗАВТРАК. Ок. 1617 г. **Государственный Эрмитаж.**

ТРЕХСОТЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ВЕЛИКОГО ИСПАНСКОГО ХУДОЖНИКА ДИЕГО ВЕЛАСКЕСА



Диего Веласкес. ПОРТРЕТ ПОЖИЛОГО МУЖЧИНЫ С КРЕСТОМ ОРДЕНА САНТ-ЯГО. Ок. 1648 г. **Дрезденская галерея.**



Диего Веласкес. ПОРТРЕТ ОЛИВАРЕСА. Ок. 1638 г. **Государственный Эрмитаж.**



Диего Веласкес. ПОРТРЕТ ХУАНА МАТЕОСА. Ок. 1632 г. **Дрезденская галерея.**

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Старинное кресло



Житель Минусинска Федор Кузьмич Бычков передал в дар местному музею старинное кресло с резными ручками. Кресло это находилось в квартире Бычковых по Октябрьской улице, в доме № 73. В этом доме, принадлежавшем Брагину, останавливался Владимир Ильич Ленин, когда ехал в ссылку в Шушенское, и он сидел в этом кресле. Впоследствии тут жили политические ссыльные Кон, Ватин, Старков.

Вместе с креслом Ф. К. Бычков передал музею книги, которые читал Владимир Ильич, будучи в Минусинске.

Минусинский музей выразил Ф. К. Бычкову благодарность.

М. ЖИВИЛО

Фото Г. Раткова.

Решение великой артистки

«Я окончательно решила уйти с императорской сцены». С такими словами Вера Федоровна Комиссаржевская обратилась в критическую минуту своей артистической жизни к К. С. Станиславскому. Это произошло вскоре после того, как она выступила на сцене Александринского театра в Петербурге в одной из гениальных своих ролей — Ларисы в «Бесприданнице» — 3 мая 1902 года.

«С протестом против всего моего существа, против своей деятельности я жить не могу,— писала она в этом впервые публикуемом письме.— Оттого я и ухожу из императорского театра; поймите же, как важно мне знать, что я утолю свой нравственный голод...»

Нравственный голод Комиссаржевской был велик. Его не могли утолить те шестьдесят три роли, которые артистке пришлось скорей сыграть, чем создать за шесть лет пребывания в тесных и душных стенах казенного театра. Ведь из этого множества ролей вечными стали (кроме Ларисы) лишь Нина Заречная из «Чайки», Варя в «Дикарке». Несколько замечательных образов создала актриса в пьесах гораздо меньших литературных достоинств: Рози («Бой бабочек» Г. Зудермана), Марикки («Огни Ивановой ночи» того же автора), Нэташи («Волшебная сказка» И. Потапенко)...

Представляя свое будущее более всего на сцене Художественного театра, Вера Федоровна и написала свое письмо главному режиссеру МХТ. Незадолго перед тем Станиславский смотрел ее на московских гастролях в «Аквариуме» в роли Рози. Восхищенный изяществом таланта Комиссаржевской, ее необыкновенной женственностью, он высказал в письме к М. П. Лилиной желание пригласить Веру Федоровну в Художественный театр. К сожалению, раскрыть истинные причины того, почему она не стала артисткой МХТ, не удается. Правда, в публиковавшемся уже письме Комиссаржевской к В. И. Немировичу-Данченко она не скрыла, что колеблется, сможет ли пойти в МХТ навсегда.



Не пришлось играть Комиссаржевской в театре Чехова и Горького и тогда, когда Немирович-Данченко задумал ее выступление в роли Нины Заречной на петербургских гастролях.

«...Позвать Комиссаржевскую для «Чайки» — это было бы совсем недурно»,— писал А. П. Чехов жене.

К сожалению, близкие по своим идейным устремлениям Художественный театр и В. Ф. Комиссаржевская не встретились в совместном творчестве: она создала свой театр. Но «чеховское» артистка сохранила в своем репертуаре до последних дней. На одной из ее гастрольных афиш в Ташкенте, где она скончалась 50 лет назад от черной оспы, была указана «Чайка», которую артистке не пришлось сыграть. Художественный театр первым почтил память великой артистки, устроив траурное утро.

Ник. ЛЕОНТЬЕВСКИЙ

Капитан Петр



Встретились старые друзья. Слева направо: П. Ф. Будько, Д. Б. Мурзин, Ю. В. Куликов.

Петр Федорович Будько, директор Таловской сельской школы в Кемеровской области, бережно хранит линованую тетрадку в клеенчатом переплете. Но не ученические записи столбиком по арифметике или упражнения по русскому языку увидишь в ней — нет, на ее страницах сухая, точная хроника суровых партизанских будней. Вот одна из последних записей: «5.V. Бой за г. Визовице. Убитых фашистов не считали. Свои потери — 7 человек. Погиб командир батальона Вася Лаврищев...» Жители освобожденного Визовице увековечили подвиг советского воина, воздвигнув монумент с мемориальной надписью.

В годы Отечественной войны в горах и долинах Моравии сражалась чехословацкая партизанская бригада имени Яна Жижки. Бойцами ее были чехи и словаки, русские, югославы, бельгийцы, поляки...

Штурмовым отрядом бригады командовал Петр Федорович Будько, в недавнем прошлом советский военный летчик.

...Осенью 1942 года самолет Будько не вернулся на базу. Подбитая машина упала за линией вражеских окопов, и контуженный взрывом летчик оказался в плену. В начале 1943 года Будько впервые пытался бежать — на ходу поезда он выпрыгнул из окна вагона. Гитлеровцы поймали беглеца. Неудачей окончились и две другие отчаянные попытки. Только после четвертого побега Петр Федорович добрался к партизанам.

И вот в ноябре 1944 года жители Моравии услышали про «капитана Петра». Этим именем были подписаны партизанские приказы.

«Мне известно,— говорилось в одном из них, обращенном к кулаку-пекарю,— что у вас имеется провиант, присвоенный несправедливо, насильственными средствами отнятый у мирного населения. Подобные факты не могу более терпеть и потому приказываю вам раздать весь этот провиант чешским людям, пострадавшим от немецких оккупантов».

Неутомимым помощником Будько стал сержант Советской Армии сибиряк Василий Иванович Лаврищев, тоже бежавший из плена. Партизаны-штурмовики беспрерывно уничтожали живую силу и технику захватчиков, а перед окончанием войны заняли несколько населенных пунктов. Первый батальон отряда под командованием Лаврищева 5 мая 1945 года освободил город Визовице.

Отгремели последние залпы. Награжденный орденом Отечественной войны первой степени Петр Федорович Будько возвратился на Родину. С той поры как память



Партизанская печать.

о героической борьбе за освобождение братской Чехословакии свято бережет Будько партизанские записи и печать своего отряда.

Бывает, что в Москве встречаются старые друзья — бывший командир чехословацкой партизанской бригады Д. Б. Мурзин, который сейчас работает помощником прокурора Башкирской АССР, бывший заместитель командира по разведке Ю. В. Куликов, кандидат исторических наук, преподаватель Московского историко-архивного института.

Н. ЧЕРНИКОВ

Могила Хаджи-Мурата

Образ мужественного горца запомнился каждому, кто читал повесть Льва Толстого «Хаджи-Мурат». Недавно в Азербайджане обнаружена его могила.

Село Кипчах, Азербайджанской ССР, расположено на границе двух районов: Кахского и Нухинского. Не раз сельчане останавливались у потрескавшейся, тронутой временем и непогодами надгробной плиты и с любопытством всматривались в надпись, выведенную старой арабской вязью. Но никто в селе не знает арабской письменности. Сотрудник районной газеты сообщил о могиле в Институт истории Академии наук Азербайджанской ССР.

Была снаряжена экспедиция. Археологи установили, что под старой надгробной плитой похоронен знаменитый наиб Шамиля Хаджи-Мурат. Плиту доставили в Баку, в Музей истории Азербайджана. Археологи вскрыли могилу. Скелет был без черепа. Это не удивило ученых. Помните у Толстого: «Гаджи-Ага наступил ногой на спину тела и с двух ударов отсек голову...»

Сейчас закончились восстановительные работы на могиле Хаджи-Мурата. Со старой надгробной плиты надписи полностью перенесены на новый мраморный обелиск, установленный на могиле.

Р. МИНАСОВ

Фото У. Масимова.





Книжная витрина... Это не просто образцы трех книг. Их названия — это три направления «воспитания» простого американца: «Секс», «Анатомия убийства», «Дорога на Сталинград» (в изложении недобитого гитлеровца).

← Нью-Йорк — город небоскребов.

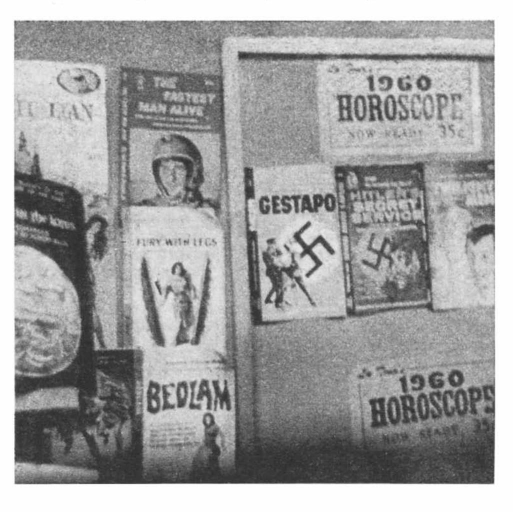
АМЕРИКА №1

Рестлинг — одно из самых «сильных» зрелищ.

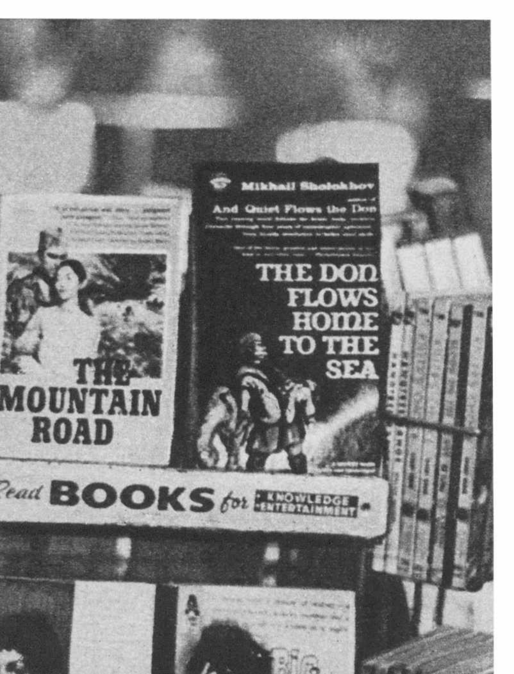


Вот строители нью-йоркских небоскребов. Чем предлагает им заняться в свободное от работы время Америка богатая, Америка № 2?

Прямое «воспитание» опытом Гитлера. Под гороскопом 1960 года — книги: «Гестапо», «Гитлеровская секретная служба».



И АМЕРИКА №2



«Дон течет домой, к морю» — так называется изданная в Америке книга Михаила Шолохова «Тихий Дон». Мы видели ее в книжном киоске на вокзале города Буффало. Еще очень мало книг русских классиков и советских авторов издается в Америке, но их читают, читают все больше.

Сотни магазинов круглые сутки торгуют в Нью-Йорке и Чикаго ужасами, мистикой, уродством и всяким безобразием. Эти маски с гнойниками я снял на Бродвее. Неужели найдется любитель, который натянет этакую дрянь на свое лицо?



Вас. ЗАХАРЧЕНКО

Фото автора.

Если в Соединенных Штатах художественных книг поразительно мало, если в стране почти нет театров, винить ли за это американский народ?

Бульварная литература, телевидение, радио — все мобилизовано для того, чтобы растлить простого американца во имя коммерческих и в конечном счете политических интересов Америки № 2. «Воспитание» войной, воспитание «сверхчеловека», которому разрешено все, вплоть до убийства, и, наконец, сексуальное разложение современной американской молодежи. Да и молодежи ли только?

После того, что испытало человечество во время последней войны, нельзя без отвращения видеть американские фильмы, в которых романтизируется фашизм. В витринах магазинов в лицо вам смотрят обложки книг со свастикой. На киноэкранах вы можете видеть войну не только прошлую и будущую, но и войну, которая переселилась на другие планеты: солдаты с железными лицами и чугунными мышцами стреляют из атомных пистолетов в жителей других планет.

«Воспитание» начинается с детства. Ребенку предлагают бесчисленные наборы игрушек — это миниатюрные модели орудий массового истребления людей. С экранов телевизоров круглые сутки раздается стрельба. На протяжении часа я подсчитал на экране 12 убийств, произведенных пятью способами, и приблизительно столько же ранений.

Юношеству подсовывают мысль о том, что только «сила, кровь и безжалостность» дадут возможность пробиться в жизни.

Пожалуй, самое омерзительное зрелище, которое мне приходилось видеть в Америке,— это рестлинг. Два, а то и четыре здоровенных мужичищи дерутся на ринге без всяких правил. Они имеют право разрывать друг другу рот, ломать руки, ноги, кусаться, выдавливать глаза, душить. Потеряв всякий человеческий облик, гладиаторы XX века на потеху распаленным зрителям с ревом вцепляются друг другу в волосы, калечат друг друга. Прыщавые парнишки, утонченные дамы и уже немолодые джентльмены воют, свистят и кричат. Передачи рестлинга ежедневно ведутся по нескольким телевизионным программам.

Витрины книжных магазинов, как говорится, по горло забиты порнографической литературой. Кинотеатры не мыслят своего существования без фильмов этого сорта!

Гигантская машина ужасов, патологии, сумасшествия работает над оглушением среднего американца, над тем, чтобы постоянно держать его в состоянии нездорового нервного возбуждения. Все самое отвратительное и страшное выворачивается наружу с откровенным цинизмом: смотри, мол, такова она, жизнь, только сильный и богатый может стать ее хозяином!

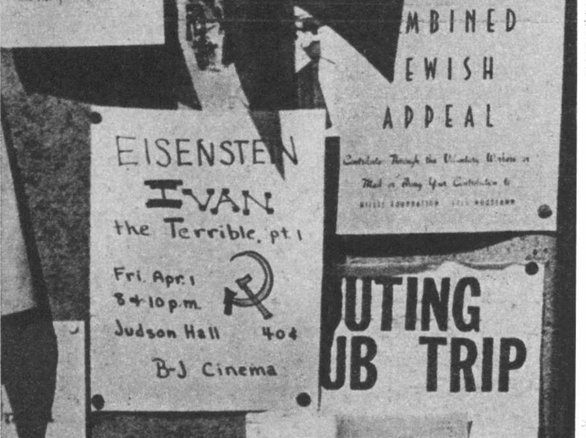
Было бы несправедливо не сказать о том, что Америка № 1 внутренне все больше протестует против такого «воспитания». Есть не только скрытые силы протеста, есть силы, которые откровенно восстают против духовного упадка. Я видел людей, толпившихся возле кинотеатра, где шла антивоенная картина «На последнем берегу». Я видел, правда, редко, книги прогрессивных писателей. Мне глубоко запали в душу слова проректора Колумбийского университета профессора Латона Пекама, говорившего об ответственности, которая лежит на американской интеллигенции за воспитание молодежи, за ее будущее.

Америка № 1 борется с растлевающим влиянием тех, кто пытается калечить ее сознание. Идет длительная подспудная борьба за человека Америки, за его совесть, сознание, за то, чтобы он ясно увидел, что для будущего его и его детей прежде всего нужен мир...

* * *

На протяжении многих лет богатейшие люди США скупали произведения искусства во всех уголках земного шара. Два года назад на Всемирной выставке в Брюсселе, в павильоне Франции, посетители останавливались перед необычной, очень выразительной скульптурой козы, выполненной знаменитым Пабло Пикассо. Сегодня «Коза» Пикассо уже не во Франции, а в музее Нью-Йорка.

Окончание. См. «Огонек» № 27.



Америка № 1 ищет иной духовной пищи. На стене здания общежития Чикагского университета мы с волнением прочитали небольшую, написанную от руки афишу: «Эйзенштейн. Иван Грозный».

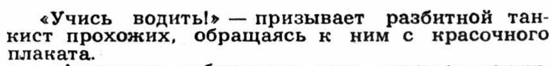
Невольно задумываешься: выдержат ли молодые американцы неистовый напор растлевающей пропаганды?



«Межпланетная война!» — кричит реклама кино.— «Королева космического пространства!» Ишь ты, куда забрались в пропаганде войны предприимчивые кинодеятели!

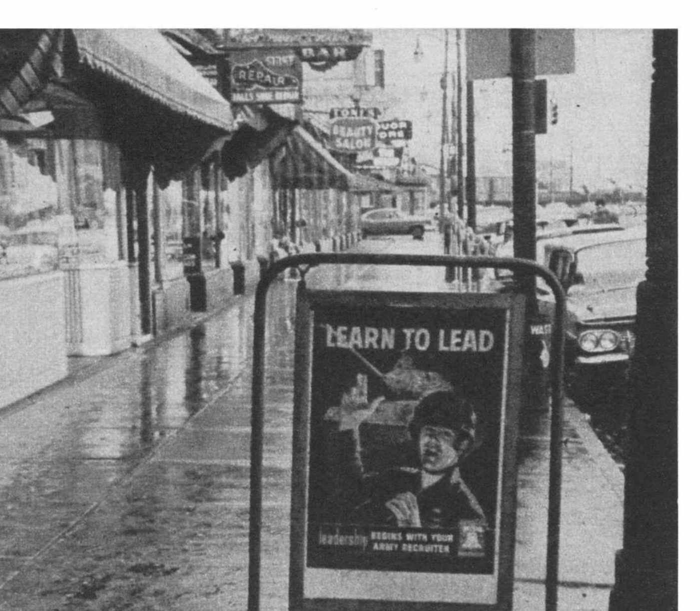


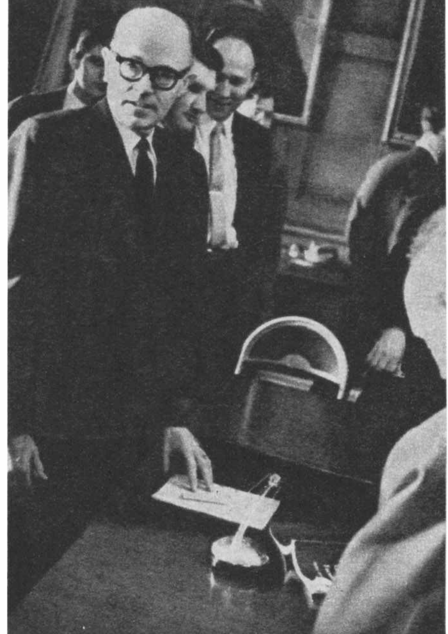
У кого из родителей, мечтающих о мирной жизни, не вызовет протеста выставленный на витрине игрушечного магазина полный набор атомного, ракетного и всякого другого оружия, щедро предлагаемого маленьким американцам?



«Учись водить!» — призывает разбитной танкист прохожих, обращаясь к ним с красочного плаката.

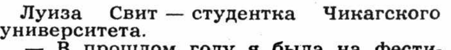
— А почему, собственно, надо учиться водить танки? — задумывается американец.





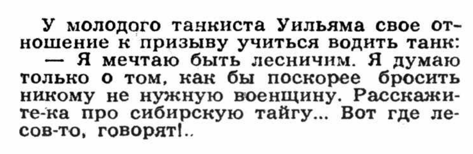
Проректор Колумбийского университета профессор Латон Пекам:

— Я бесконечно рад видеть в университете советских представителей. Мы мечтаем осуществлять обмен профессорами и студентами. Это принесет пользу Соединенным Штатам, вашей стране, странам всего мира...



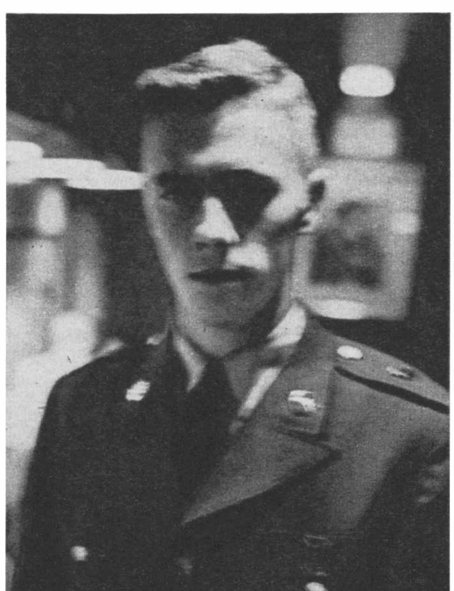
Луиза Свит — студентка Чикагского университета.

— В прошлом году я была на фестивале в Вене,— говорит Луиза.— Ничего более красивого я не видела в жизни! Мне надоели все эти разговоры о войне, я хочу весело жить и дружить с вашей молодежью.



У молодого танкиста Уильяма свое отношение к призыву учиться водить танк:

— Я мечтаю быть лесничим. Я думаю только о том, как бы поскорее бросить никому не нужную военщину. Расскажите-ка про сибирскую тайгу... Вот где лесов-то, говорят!..

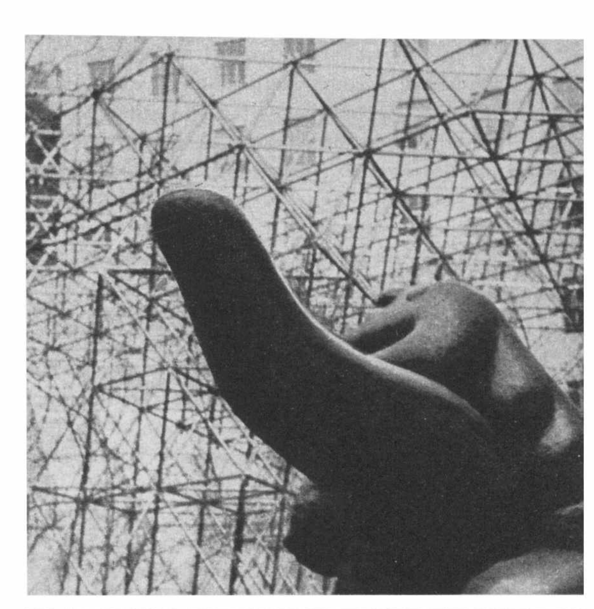


Некоторые картинные галереи принадлежат частным лицам. Естественно, что вкус тех, кто подбирал произведения искусства, определяет и характер экспозиции.

Мистер Рокфеллер, предположим, увлекался модернистами, а супруга мистера Моргана — средними веками. Кто-то третий скупал все, что попадало под руку. Картины выставлены по единственному принципу: «Любуйся тем, что подарил музею тот или иной финансовый туз».

Нам понравились в музеях Америки современные усовершенствования. С интересом знакомились мы в вашингтонском Национальном музее с крохотным радиоаппаратом, который позволяет выслушивать пояснения гида, даваемые на трех языках. Вы можете остановиться перед картиной, сосредоточить на ней свое внимание, вам никто не помешает — достаточно выключить радиоаппарат. Через некоторое время, продолжая путь, вы опять включаете его, чтобы услышать дальнейшие комментарии гида.

Как вы думаете, что за сооружение изображено на фотографии? Нет, это не строительные леса. Это одно из произведений «абстракционистского искусства», экспонированное нью-йоркским музеем современной живописи и скульптуры.





Художник. Нужда выгнала его на улицы Нью-Йорка. Никто не хочет покупать его картин.

— Ну, что ж, тогда я могу сделать для вас карикатуру. Это более ходкий товар.

В крупнейшем в Нью-Йорке музее живописи и скульптуры XIX и XX веков, собранном леди Уитни на деньги известных богачей Вандербильтов, мы не видели русских художников. Нам показали только картины эмигрантов: абстракциониста Василия Кандинского, жившего во Франции, и сюрреалиста Марка Шагала...

«Неужели это все, что знают в Америке о русской живописи и скульптуре?» — думали мы.

В Америке сегодняшнего дня происходит процесс распада, разрушения искусства.

Вот перед вами, словно на свалке лесного склада, в хаотическом беспорядке разбросаны покрашенные гуталином деревяшки. Это произведение искусства, принадлежащее пиле и рубанку Луис Невельсон, называется «Небесный собор». Растерянные стоят перед «Собором» американцы.

В другом зале бредовая мысль художника выплеснулась на полотно в виде каких-то кровавых пленок, зародышей, открытых вен и растянутых кишок. Автор хочет убедить вас, что изображенное им «древо жизни» так же отвратительно и страшно, как и реальная жизнь.

Есть картины, вызывающие улыбку. Читая подпись «Леди на велосипеде», вы невольно спрашиваете себя: а почему не «Слон в посудной лавке»? Почему не «Проба кисти маляра»?

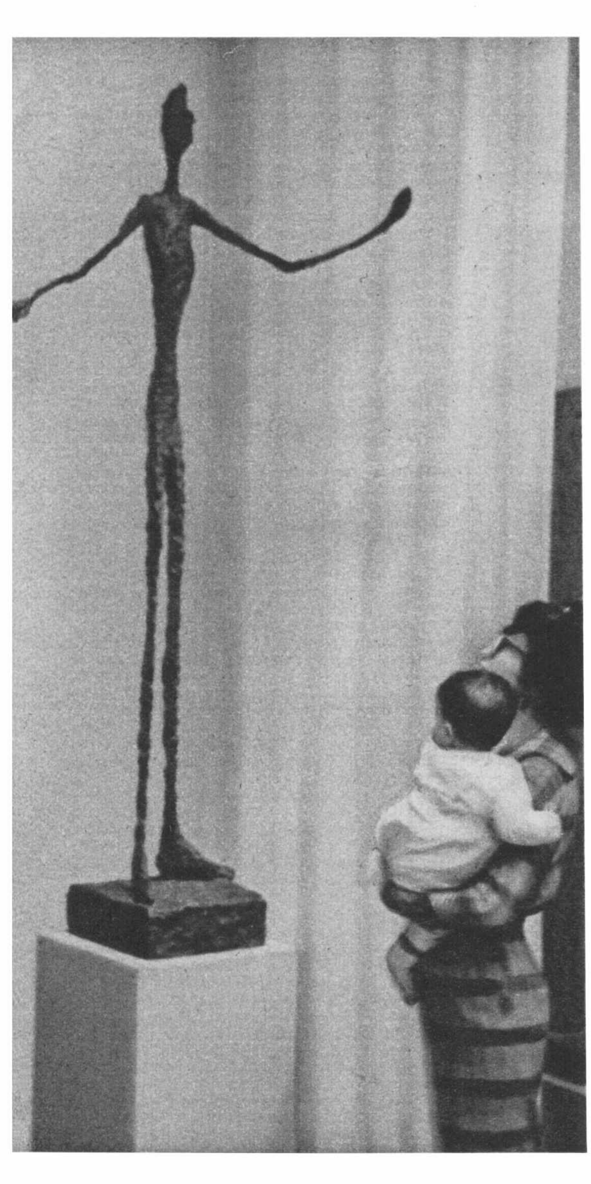
Некий Томас Вильфред поместил в музее свою «живую» картину: гибрид живописи с техникой. Произведение называется «Композиция с движущимися разводами». В сопроводительной аннотации читаем: «На протяжении 51 часа 45 минут 29 секунд основная тема картины меняется 499 раз, проходя все возможные варианты». Мы смотрим на матовое стекло, задрапированное черным бархатом. Красные, голубые, сиреневые разводы, будто потоки цветных сиропов, ползут по стеклу сверху вниз. Мы, разумеется, не могли насладиться полным циклом «Композиции», занимающим, как сказано выше, больше двух суток. Но и то, что мы видели, поразило нас своим вычурным убожеством.

Мы покидаем музей современного искусства. Взгляд останавливается на какой-то странной конструкции, напоминающей самогонный аппарат. Освещенная прожекторами «скульптура» состоит из котла, приваренных к нему труб, шестерен и рукояток.

Рядом с конструкцией стоит милая американка, подстриженная под парнишку. Она удивленно и сосредоточенно смотрит на «самогонный аппарат».

Что думает она обо всем этом? Что думают о подобном «искусстве» люди Америки номер один, окруженные стремительными разводами автострад, пересечениями висячих мостов на звонких, как струны, стропах? Неужели человек, имеющий семью, любящий, желающий жить в мире, может найти удовлетворение своей жажды прекрасного в этом потоке нечленораздельной мешанины?..

Нет, мы верим, что не этим путем пойдет искусство Америки № 1. В самых разных слоях американского общества мы встречали или ироническое отношение, или подлинное возмущение «искусством», уводящим человека от окружающей реальной жизни в область мистики, бреда и патологии.



«Человек — это звучит гордо». Только почему, глядя на «Человека», ребенок опасливо прижимается к матери?



В музее Вашингтона отдыхаешь душой. Здесь встретишь полотна больших национальных мастеров.



Ржавые гвозди, вбитые в доски,— фотография не зря выставлена в нью-йоркском музее искусства. Защитники абстракционизма тщетно пытаются доказать якобы существующую связь абстрактного с реальным.



Неуютно чувствует себя здесь Оноре де Бальзак. Ему и тесно и нехорошо среди монстров и уродов абстрактного искусства. Но ничего не поделаешь. Надо стоять! Миссис Вандербильт заплатила за это много долларов.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ДОЛИНЫ ЧАР

Г. ДОЛМАТОВСКАЯ

Человек лежит неподвижно. Кажется, проломлен череп, наверное, и ребра сломаны: очень уж болит грудь, правый бок. Кажется... Это оттого, что обо всем окружающем он может судить только по боли. Странно устроен человек: чтобы определить, цела ли твоя голова, ее необходимо пощупать. Но для этого нужны руки. А его руки придавлены камнями, и ноги тоже. Вокруг крысы и камни. Он лежит, погребенный под обломками рухнувшей Дофтаны[1].

Сколько времени прошло с тех пор, как землетрясение разрушило стены тюрьмы,— час, десять, сутки? Этого он не знал. Когда очнулся, были только мрак, тяжесть и острая боль.

Сейчас надо тридцать раз пошевелить кистями рук. Тридцать движений правой, тридцать — левой. Уже можно почти сжать кулак. Руки еще будут работать.

Они многое умеют делать, эти руки. Это они писали листовки против румынских оккупантов — короля, бояр и помещиков. Это они расклеивали прокламации на стенах домов затаившегося Кишинева. Это они в день пятнадцатилетия русского Октября подняли над городом красное знамя...

...Товарищи, конечно, ищут его и найдут, через день, два, неделю, но откопают обязательно. Надо продержаться, освободить руки, ноги, потом, может быть, удастся найти лаз, ведь не задохнулся же он здесь, значит, откуда-то идет воздух. Надо продержаться, не дать холодным камням и тюремным крысам отнять жизнь.

На лицо посыпался песок из щели, земля вздрагивала последними судорогами затихающего землетрясения.

Дикую боль заглушило сознание: Дофтана разрушена...

...Он очнулся на исходе пятых суток. Один глаз покрывала кровавая корка, но другим он увидел... звезду.

Венера, или, как ее называют в Молдавии, Лучафэр — вечерняя звезда,— мерцала высоко над ним. Значит, это — небо.

Юрия Зоти спасло то, что развалины Дофтаны разбирали узники — его товарищи-коммунисты. Первая работа в тюрьме, которую они выполняли, не жалея сил, не думая об отдыхе, несмотря на то, что за спиной стоял по-прежнему часовой. Руководил раскопками политзаключенный с окровавленной повязкой на голове. Это был рабочий-железнодорожник, коммунист Георге Георгиу-Деж. Это его огромной энергии обязан своим спасением Юрий Зоти.

И если вы увидите Георгиу-Дежа, взгляните на шрам над виском: такой же шрам пересекает лоб Зоти — это суровые следы Дофтаны.

Тюремное начальство уже заготовило могильные таблички, и на одной из них значилось: «Юрий Зоти (1913—1939)». Но табличка не понадобилась. Буржуазная газета «Универсул» поместила сенсационное сообщение: «Среди развалин найден политзаключенный, весь изъеденный крысами». Это был Зоти. Товарищи выходили его.

Лечил раны Юрия врач-коммунист, политзаключенный С. Симон. Зоти вернулся к жизни. А это значит — снова тюремная камера, пытки.

Его пытали электрическим током на цементном полу, по 8—10 суток не давали спать; положив под мышки горячие куриные яйца, выламывали руки; а порой после долгой пытки голодом тюремное начальство вдруг становилось необыкновенно щедрым: появлялись селедка, икра, соленые сыры, брынза. Но заключенный не мог есть. Он знал, что его ждет потом неделя жестокой жажды: ни капли влаги и ежедневные допросы со зверскими побоями, после которых соленые от крови губы так ждут воды...

Сигуранца требовала имена подпольщиков — она не получила их.

Его освободила Советская Армия в августе 1944 года.

Он вернулся на родину, в уже советский Кишинев, оставив в горах Трансильвании маленький зеленый холмик, под которым покоилась его мать — погибшая в тюрьме революционерка-подпольщица Евгения Евстигнеевна Зоти.

...В кабинет к доктору сельскохозяйственных наук профессору Павлу Платоновичу Дорофееву июльским днем 1955 года вошел большой, широкоплечий человек с седыми висками. Он вынул из корзинки ветку черешни с ягодами и показал профессору.

— Замечательный макет! — воскликнул Дорофеев.— Только к чему такие огромные ягоды? Лучше бы в натуральную величину.

Человек улыбнулся, обнаружив детскую ямочку на правой щеке, и протянул ветку с ягодами.

— Это и есть в натуральную величину. Моя мечта. «Краса Молдавии».

Профессор был поражен — черешня оказалась настоящая, сочная, нежная. Да к тому ж по тринадцать граммов ягодка!

— Поздравляю,— пожал руку садоводу Дорофеев. Ответное рукопожатие было таким крепким, что профессор невольно обратил внимание на руки этого человека с туго натянутой глянцевитой кожей, с ни на что не похожими шрамами: ни на ожог, ни на сабельный удар, ни на след от пули...

Итак, он признан, признан как садовод. Но это лишь его отдых, то, чем он занят в свободное время.

Вернувшись в Молдавию после тюрьмы, Юрий Константинович сразу начал работать, хотя врачи протестовали. Травмы черепа, память о страшных днях под развалинами Дофтаны, перенесенные пытки — все это не могло не сказаться на здоровье даже такого богатыря — косая сажень в плечах,— как Зоти. Ему предлагали уйти на пенсию. Это в тридцать-то два года, когда он, профессиональный революционер, выжил, чтобы видеть свою родину свободной!

И он не захотел признать себя инвалидом. Инженер по образованию, Юрий Константинович, может быть, впервые почувствовал, что его знания нужны людям. На его глазах росла молодая республика, и первые кирпичи в ее фундамент должен был заложить он, Юрий Зоти.

Болезнь наступала. Однако человек не сдавался. Он жадно брался за любую работу, чтобы вырвать у болезни еще год, месяц, день...

Лечащий врач Г. К. Карабуля изумлялся: «После таких ранений люди не выживают, а если и выживают, то никак уж не бывают трудоспособными. А тут не болезнь командует им — он ею».

Зоти торопился жить и работать. И это давало ему те силы, которые не подсчитали врачи...

Первые молдавские колхозы... Как пригодились здесь его талант агитатора, умение говорить с людьми, его знания инженера! Он мог живо нарисовать крестьянам картины будущей колхозной жизни, легко объяснить применение и устройство любой сельскохозяйственной машины.

А потом учеба. Юрий Зоти склонился над забытыми учебниками. Три года напряженных занятий в Высшей партийной школе при ЦК КП Молдавии. Дорога продолжалась. Остановок не было.

Кресло главного инженера Министерства коммунального хозяйства тоже не стало тихим полустанком на жизненном пути.

Он долго присматривался, изучал условия работы девушек — контролеров на газораздаточной станции. Им приходилось ворочать тяжелые баллоны с газом, проверять их, стоя по колено в воде. Инженер Зоти изобрел водяной контролер — теперь работа механизирована. Наверное, далеко не все работницы, пользуясь этим простым и удобным прибором, знают имя его создателя. Это ведь неважно — имя. Главное, людям стало легче.

А ему становилось хуже. Днем, в туго набитые заботами часы, Зоти не позволял себе думать о болезни, и только ночью, во сне, она захватывает его.

Все же пришлось уйти со штатной работы. Но только со штатной. Ведь есть еще много важных общественных дел и обязанностей, где человек может быть нужен и полезен, если он не хочет сдаваться.

Юрий Зоти снова нашел себе место в строю. Он председатель республиканского авто-мотоклуба ДОСААФ, член президиума Общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Но больше всего он в своем саду.

Болезнь отняла у него возможность работать по специальности, но она не смогла лишить его желания творить. Юрий Константинович Зоти стал прославленным мичуринцем-садоводом. Он ежегодный лауреат Выставки достижений народного хозяйства республики, а его знаменитую черешню «Краса Молдавии» можно было увидеть на выставке в Москве, где она была высоко оценена.

Все мальчишки и девчонки в Долине Чар, на окраине Кишинева, знают участок Юрия Константиновича Зоти. Даже в долине с таким многообещающим названием это поистине диковинный уголок. Здесь вы увидите необыкновенной величины, словно бы налитые прозрачным медом, бархатистые персики, яблоню, у которой, кроме обычных, подземные корней, есть еще и воздушные; абрикос, растущий на одной ветке со сливой.

Зоти не устает экспериментировать, улучшать местные, молдавские сорта. В разных местах страны вы можете отведать варенье или компот, приготовленные из сливы со смешным названием «Пронька», но если бы вы знали, сколько труда тратят на то, чтобы удалять из нее косточки, прочно засевшие в мякоти сливы! Зоти создал новый сорт, у которого косточки мельче и легко отделяются от мякоти.

А как придать зимнему сорту «Сары-синап» хрустящую сочность «Белого налива», если они и цветут-то в разное время? Пришлось одно дерево в марте обогревать кострами, а другое в апреле обкладывать льдом, чтобы они зацвели одновременно и дали жизнь новому гибриду. Теперь не один садовод шлет Юрию Константиновичу письма с просьбой прислать семена гибрида «Сары-налив». Но это только часть огромной ежедневной почты Зоти.

Письма, письма, книги, посылки... Они идут с Дальнего Востока, из Средней Азии, из союзных республик и из-за рубежа. Товарищи по подполью, имена которых там, в тюрьме, он не должен был вспоминать даже во сне, сообщают о своих делах, интересуются его жизнью. Часто пишет руководитель знаменитого Татарбунарского восстания Юстин Николаевич Батищев. Это он научил Юрия Зоти в тюрьме столярному делу, и многие вещи в комнате Юрия Константиновича сделаны им самим.

Всем надо ответить. Письма за границу часто отправляются на румынском, сербском, английском, французском, греческом языках. Юрий Константинович владеет пятью иностранными языками.

За деревьями садится солнце. Зоти собирает спелые фрукты, укладывает в корзину и идет через дорогу. Там детский сад. Малыши едят чудесные фрукты со сказочными, поэтическими названиями. Когда подрастут, они узнают, что абрикос «Лучафэр» — «Вечерняя звезда» — назван в память о той звезде, которую увидел «политзаключенный, изъеденный крысами», в минуту возвращения к жизни; что черешня «Краса Молдавии» родилась еще в тюрьме и вырвалась на свободу только вместе с самой Молдавией. Юрий Зоти растил этот гибрид на тюремном участке. Рискуя жизнью, он проделал в колючей проволоке лаз в садик смотрителя тюрьмы, чтобы собрать там плоды черешни-матери. И всегда на поясе у него висел мешочек с землей, где хранились драгоценные косточки. Там, в неволе, тоскуя по своей родине, он дал название новому гибриду. Ну, а дивная вишня-черешня «Букурия», что значит «Радость», так и надо понимать: радость есть радость.



Этот снимок сделан в 1937 году в тюрьме. На обратной стороне фотокарточки — печать Дофтаны.



Ю. К. Зоти. 1960 год.

Фото Н. Спивака.

[1] Дофтана — тюрьма для политических заключенных в королевской Румынии.



Кита разделывают на берегу. У берега стаи птиц, им тоже достанется угощение — отходы от гигантской туши.

С. МОРОЗОВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Там, где бушевали цунами

Бессовестный кит

— Справа по носу финвал! — Опустив бинокль, капитан Бельтюков нажимает ручку машинного телеграфа, командует рулевому и, на секунду обернувшись ко мне, произносит поясняющим тоном:

— Что финвал — по фонтану видать...

Но я, признаться, ничего не вижу. Под низким облачным небом серо-стальная вода рябит серебристыми барашками. Где тут фонтан, выпущенный китом, убей бог, не разберу! И еще скажу по совести: все внимание поглощено кораблем, на палубу которого мы впервые попали часа три назад.

После полудня китобойное судно «Шквал» выбрало якоря на рейде комбината «Подгорного» и легло курсом ост, в океан. Постепенно растаяли за кормой черно-белые зигзаги гористого берега: заснеженные вулканы, тронутые оттепелью провалы распадков. Всюду вокруг безбрежная морская равнина. На тысячи миль впереди до самого американского континента — вода и вода. Нам, разумеется, плавать в такую даль незачем. Охота на китов идет, как обычно, близ Курильской гряды.

Итак, несколько слов о корабле. Китобоец «Шквал», еще недавно с берега казавшийся таким миниатюрным, при более близком знакомстве выглядит весьма солидно. Между мостиком и гарпунной пушкой, что на площадке на самом носу, высятся две массивные металлические колонны. На перекладине между ними — марсовая площадка — главный наблюдательный пункт. Под марсовой — блоки, через которые пропущен капроновый трос. Еще ниже, в трюме,— в несколько рядов стальные амортизационные пружины. Их хватило бы на целый железнодорожный состав. И все это для того, чтобы смягчить, «погасить» рывки кита, когда, пораженный гарпуном, он окажется на лине.

Но не стоит забегать вперед. Линь длиною в добрых два километра пока намотан на барабан лебедки. А кит пока в море. И только диву даешься: как это, едва заметив фонтан, люди на корабле уже определили его породу!

Так и хочется записать в блокнот про азартный блеск в суровом взоре капитана, про его обветренное, изборожденное морщинами лицо. Но внешность Бориса Борисовича Бельтюкова не дает к тому повода. Кареглазый, круглолицый, улыбчивый капитан выглядит сущим юнцом; вряд ли годами он старше остальных, кто присутствует сейчас на мостике. Тут и вахтенные: штурман и рулевой — и свободные от вахты: электромеханик, моторист, плотник. И все они смотрят во все глаза, все они сейчас прежде всего охотники.

А старший над ними — гарпунер Павел Павлович Арипов. Внизу, на носу, у пушки, он точно дирижер на пульте: то наклонится вперед, то опустит руку, то поднимет. И каждый жест его мгновенно улавливается на мостике, воплощаясь в звонки машинного телеграфа, в повороты штурвала.

— Полный вперед!

— Стоп!

— Самый малый!

— Лево на борт!

— Одерживай, одерживай!

Китобоец то недвижен, едва покачивается на волнах, то вдруг рывком устремляется вперед, будто пляшет по кругу. За кормой змеится дорожка, пропаханная винтами,— на серо-стальной океанской целине темно-зеленая полоса с кружевными узорами пены. Вахтенный штурман, поглядывая на часы, отмечает в блокноте каждый новый поворот, ведет счисление каждой пройденной мили. Иначе заблудишься, «потеряешь свое место», как говорят моряки.

Поглядывает на хронометр и капитан, откликаясь на нетерпеливые запросы гарпунера.

— Давно что-то сидит, Борис Борисыч, а? — полуобернувшись, кричит Арипов.

— Двенадцать минут, Пал Пал, сейчас вынырнет...

Ах, если бы в самом деле кит «сидел», был бы неподвижен под водой! Как было бы все просто! А тут попробуй предугадай, куда направит он очередной «подводный галс», где над морем появится очередной фонтан! То с левого борта, то вдруг за кормой, то справа по носу. Если бы кит шел, что называется, «неизменным курсом», нашему «Шквалу» не стоило бы особого труда догнать его. Но морской исполин, видимо, пасется на обширных полях планктона, питается, «рыбачит». Вот, занырнув, он неторопливо и осторожно подплывает к скоплению крошечных рачков и, открыв усатую пасть, заглатывает их. К тому же можно не сомневаться: кит под водой слышит шум гребных винтов и, понятно, не стремится к сближению с кораблем. Увлекательное, спору

нет, но до чего же и утомительное это дело — охота в океане!

— Хитрый, зверюга...

— Ученый...

Раздраженные реплики все чаще срываются у капитана и вахтенных. Но никаких более крепких выражений, коими столь обилен моряцкий лексикон, сейчас не слышно. И вот почему.

Меж бараньих полушубков и ватников мелькает элегантное пальто с пушистым воротником. После вечернего чая на мостик поднялась Валерия Дмитриевна Михайлова — учительница плавучей школы. Второй месяц путешествует она на «Шквале», консультируя заочников Владивостокской школы-десятилетки моряков.

Неуютно сейчас на мостике. Под дождем и мокрым снегом пушистый воротник Валерии Дмитриевны выглядит довольно жалко. Учительница зябко кутается в дождевик, заботливо наброшенный ей на плечи кем-то из соседей. Она иногда просит бинокль, озабоченно щурится, произносит с почти детской обидой:

— Вот ведь какой бессовестный кит!..

Кит и впрямь себе на уме. Не хочет попадать под гарпун, и баста! В снегопаде и дожде уже невозможно различить его фонтаны над волнами. В наступающих сумерках уже зажегся электрическим светом контрольный прибор перед глазами рулевого, когда капитан и гарпунер решают прекратить охоту.

Что ж, сегодня не повезло. Время ужинать. Постараемся утешиться за столом кают-компании. Отличный холодец приготовила сегодня корабельная повариха Вера: холодец из китовых ластов — трофей вчерашней, более удачной охоты.

Океан встает на дыбы

Ночью китобоец лежит в дрейфе. Застопорены машины, скупо светят ходовые огни. Гудят снасти на ветру. Плавно покачивается палуба. И соленые захлесты через фальшборт напоминают о близких, но невидимых в темноте волнах. В такие часы волны кажутся совсем ручными, хочется быть с ними на «ты».

Однако волна волне рознь. Вот сейчас только, за вечерним столом, вспоминая события последних дней, наши гостеприимные хозяева говорили о недавнем чилийском землетрясении, об огромных волнах, называемых колючим японским словом «цунами». Рожденные у берегов Южной Америки, они прокатились по всему тихоокеанскому бассейну, захлестнули Японию и Гавайи, достигли Курил. Но китобои «Шквала», как, впрочем, и команды многих других судов, находившихся на промысле в эти дни, не заметили колебания уровня воды. И понятно: возникнув от подземных толчков, от катастрофических, видимо, изменений дна где-то близ Чили, волны цунами растянулись по океанскому простору на десятки тысяч миль. Только у берегов, встречая препятствия на своем пути, вставал океан на дыбы и, разъяренный, устремлялся на сушу.

И вот, как это ни странно, о недавних цунами китобои — океанские старожилы — расспрашивают нас, людей сугубо сухопутных. Да, корреспондентам «Огонька» тут повезло, если, конечно, так можно выразиться. Накануне того памятного дня мы прибыли с Камчатки в рыбацкий городок Северо-Курильск.

Представьте себе москвичей, покинувших столицу жарким днем, затем любовавшихся зеленеющими лесами Сибири, буйным разливом Амура в Хабаровске... И вдруг вопреки календарю за окнами самолетной кабины — пейзаж типично арктический. Рваными клочьями цепляются облака за скалистые обрывы. В просветах меж облаками мелькает прозрачный, как стекло, еще зимний береговой припай. Под синим льдом темнеет пучина. Пробиваясь из-за туч, лучи причудливо окрашивают снежный покров. Вершины камчатских сопок розовеют, а огромный конус Алаида — самого северного острова Курильской гряды — выглядит яично-желтым. Конус кажется усеченным: дымящийся кратер его будто срезан наплывшей тучкой.

Того и гляди облака закроют остров Шумшу. Летать тут можно, спору нет. Ходить пешком, оказывается, труднее. Увязая то по щиколотку, то по колено, шагаем вслед за дровнями, которые тянет мохнатая лошаденка. На дровнях чемоданы пассажиров. Неторопливо спускаемся под горку, переправляемся на катере через второй Курильский пролив на остров Парамушир. Берега его и издали и вблизи тоже не слишком гостеприимны.

Когда небо пасмурно, на суше тут только два цвета: черный и белый. Камень и снег. Крутые склоны сопок обнажены, начисто вылизаны ураганными ветрами. А кое-где над обрывами свисают мохнатые снежные козырьки — этакие гигантские карнизы. Приземисто, сиротливо выглядят одноэтажные дощатые домики, тянущиеся по равнине, которая полого поднимается к подножию гор.

Какая она, эта равнина: болотистая, песчаная, галечная? Что скрывается под мутными ручьями, журчащими по проезжим дорогам меж скользких и грязных сугробов? Бог ведает.

На берегу зима, кажется, только собирается уходить. Зато в море уже весна, пусть холодная, ветровая, ледяная, но все-таки весна. Она пришла сюда из Владивостока, из Петропавловска, из портов Сахалина вместе со множеством юрких сейнеров и тральщиков, снующих по проливу, вместе с плавучими рыбоконсервными заводами и холодильниками, чьи массивные корпуса степенно покачиваются на якорях, вместе со светлыми, такими нарядными штабелями новеньких, еще пустых бочек на причалах Северо-Курильского порта.

Началась путина — страдная пора дальневосточных рыбаков. Только позавчера бушевала тут пурга (последняя ли?). Редкий день не гремят штормы. Но сегодняшний дождик, моросящий с хмурого неба, кажется верным предвестником запоздалого, наконец-то приближающегося потепления. Прогнозы обещают морякам, что в ближайшие дни погода будет с ними в ладу. И тут-то промозглым облачным утром случается то, что никак не связано с погодой.

— Цунами, граждане, цунами, граждане! Уходите в сопки, покидайте дома!

Голос местного диктора, вдруг прервавший очередную трансляцию с Большой земли, звучал тревожно.

За окнами гостиницы, стоящей близ подножия горы, торопливо шагали люди с детьми на руках, с наспех связанными узлами за плечами. Шагаем в гору и мы. Взбираемся по каменистому склону. И вот близкий пролив (по прямой от сопки до берега, пожалуй, с километр) предстает нашему взору в необычном виде.

Темная вода рябит множеством светлых точек. Откуда столько чаек? Да нет, какие чайки! Это бочки. Тысячи бочек смыты с причалов стремительно подступившей волной. Самих причалов уже не видать. Эстакады пирсов, выдвинутых от береговой черты в море на высоких сваях, уже покрыты водой. Как-то странно кренится дноуглубительный снаряд с высоченной башней черпаков. Изо всех сил пыхтит буксировщик, пытаясь отвести это громоздкое, неповоротливое судно от берега. Куда там! Разве сотням механических лошадиных сил совладать с исполинской мощью внезапного, сверхъестественного прилива?

Именно сверхъестественного. Ведь нормальные, предусмотренные календарем приливы и отливы дают колебание уровня от силы в два метра. А сейчас на одноэтажный городок движется волна высотой, может быть, в два, а то и в четыре этажа. Кто знает...

Волна быстро стелется по пологому нижнему берегу, заливает портовые склады, ближние жилые кварталы. Сколь далеко продвинется она, сколь долго будет продолжаться этот сумасшедший натиск океана на сушу?

В те часы мне вспомнился Степан Крашенинников — первый исследователь Камчатки,— его характеристика Шумшу и Парамушира: «Жители обоих помянутых островов подвержены частым и жестоким земли трясениям и ужасным наводнениям...»

Наши соседи по сопке — северокурильские жители,—наверное, не раз имели случай убедиться в справедливости этих слов, сказанных два столетия назад. И понятны волнение, с которым устремлены сейчас к морю тысячи глаз, тревога, звучащая в отрывистых фразах:

— Наверно, Алаид проснулся, извергаться начал.

— А может, наши местные вулканы заговорили.

Поеживаясь под дождем, люди оглядывали заснеженные горы. Какие еще сюрпризы можно ожидать от них? Фусс, Чукурачки. Припоминались мудреные клички огнедышащих гор, которыми столь богат Парамушир. Словом, что греха таить, у страха глаза велики!

Но почва под ногами неподвижна. Заснеженные вершины над нами безмолвны, не приметны даже легкие дымки над ними. А на море тем временем продолжаются чудеса. Вот показались из воды свайные скелеты пирсов. Вот обнажилось дно «ковша» огражденной волноломом гавани — там, где еще недавно стоял земснаряд, теперь, к счастью, вытащенный всетаки в пролив, подальше от берега. Видно, помог буксировщику начавшийся отлив. Стайками вспугнутых птиц в разные стороны мчатся бочки по проливу. В Тихий океан, в Охотское море — куда только их вынесет. Значит, видно по всему, волны цунами отступили?

Как бы не так! И пятнадцати минут не прошло, как сваи пирсов снова исчезли, а бочки понеслись обратно. Теперь передние из них заплывают на территорию порта меж складами. Еще четверть часа, минут двадцать, и опять гигантски стремительный отлив.

До каких же пор это будет продолжаться?

«Безобразие, беспорядок»,— остроумно, помнится, высказался Гончаров в своем «Фрегате «Паллада» по поводу шторма. Здесь, правда, волны иные. Ну, да хрен редьки не слаще...

Здоровая толчея идет во Втором Курильском проливе. Между островами Парамушир и Шумшу, видимо, тесно океанским волнам, пришедшим откуда-то издалека... Но откуда?

О чилийском землетрясении северокурильцы узнали только после полудня из передач Московского радио; тогда местный узел уже дал отбой тревоги, вместе с тем объявив состояние готовности.

По проливу сновали катера, сейнеры, тральщики в погоне за уплывающими бочками, строительным лесом, отдельными сваями, которые волнами цунами были вырваны из-под пирсов. Попадались нам и уже обсохшие бочки, занесенные волнами на городские пустыри. Большой бревенчатый сруб чьего-то будущего дома, сорванный волной с фундамента, застрял на берегу, наполовину залитый водой. А в скольких временных жилых строениях — обтянутых брезентом палатках близ порта — на полу стояла жидкая грязь, а у дверей снаружи громоздились глыбы снега, быстро тающего, смоченного соленой морской водой!

Но все северокурильцы на поверку оказались целы и невредимы. Ни один из многих тысяч жителей городка не пострадал. Под вечер, буксуя в лужах и талом снегу, тракторы тащили тяжеленные сани с домашним скарбом. Немало семей срочно переезжало из припортовых кварталов в районы, расположенные ближе к горам. Новоселье поневоле... Что поделаешь! В тесноте, да не в обиде.

Океан угомонился. Надолго ли?

Землетрясение в Чили продолжалось. Об этом регулярно сообщало радио Москвы. И северокурильцы, сочувствуя своим соседям по океану — жителям Японии и Гавайев,— сами держали ухо востро. Новое наступление цунами начали ждать на Курилах спустя двое суток. Об этом мы узнали уже задним числом на китобойном комбинате «Подгорном», куда добирались рейдовым катером. Шли океаном добрых пять часов, любовались живописными берегами, радовались тихой погоде. Но на душе, не скрою, кошки скребли: а что, как снова взъярится старик Нептун? Куда тогда занесет волной наш утлый катеришко, на какую сопку забросит?

К счастью, на этот раз тревога оказалась напрасной.

А теперь, спустя неделю, в открытом море, на отличном мореходном корабле-китобойце, нам, понятно, сам черт не брат. Даже Маяковского вспомнить уместно: «Кто над морем не философствовал?»

→ Финвал пришвартован к борту китобойца «Шквал».





←
На комбинате «Подгорном», где обрабатывают добытых китов, трудятся сильные и мужественные люди. На снимке: рабочий комбината Владимир Пасека.

Романтика, быт, индустрия

Всего четвертые сутки мы на борту «Шквала». Но кажется, что расстались с берегом давным-давно. Всего только два кита пришвартованы к правому борту, но мы уже, как заправские китобои, ведем счет промысловым планам и радуемся поздравлениям, полученным командой во время очередного «капитанского часа» — радиопереклички судов флотилии. Мы страшно горды тем, что «наш «Шквал» — передовик в соревновании, что этими двумя китами, добытыми, так сказать, «при нашем участии», завершена досрочно квартальная программа. На месяц раньше срока, шутка ли!

А звери какие, загляденье! Полосатый финвал центнеров эдак на четыреста и матерый кашалот того крупней; таких китобои почтительно именуют «богодуламми».

Достались они нелегко. Долго бороздил китобоец Охотское море. Поднимался и к северу, параллельно прямому, точно ножом обрезанному, западному берегу Камчатки, спускался и к югу, вдоль петляющей Курильской гряды. Снова было пасмурно, снова штормило. Не раз после того, как финвал нырял, капитан замечал уверенно:

— Пошли блины, вот они...

«Блинами» зовутся круги на поверхности, круги мгновенно тающие, но достаточно приметные. И высокие, свечкой фонтаны финвала возникают тут и там для нас теперь менее неожиданно, чем при первой, неудачной охоте. Ни моросящий дождь, ни снежные заряды не мешают Павлу Павловичу после долгого и терпеливого ожидания (семь раз примерь, один — отрежь!) пальнуть из своей пушки наверняка.

Молнией сверкнул серебристый линь, гарпун исчез под водой, приглушившей взрыв гранаты. Завертелась лебедка, отпуская прочный капроновый трос сотню за сотней метров. Корпус корабля задрожал. Очередной фонтан, взметнувшийся далеко от борта, теперь уже не белый, а ярко-красный.

Но зверь еще жив. На носовой площадке хлопочет, заряжая пушку, долговязый Жора Гвоздик — помощник гарпунера. Петя Луценко — гарпунерский ученик — подтаскивает новые гарпуны с гранатами. Снова гремят выстрелы. Гвоздик и Луценко свешиваются за борт, накачивая тушу сжатым воздухом. Кита оставляют на «флаге». В тушу воткнут бамбуковый шест с миниатюрной коробкой радиопередатчика. По сигналам этого радиобуя корабль всегда найдет добычу, куда бы ее ни отнесли волны. Что и говорить, солидная техника на вооружении китобоев!

Итак, финвал на «флаге». Идем дальше к югу. Продолжаем поиски и охоту. Меж высоких и редких облаков яркое, но холодное солнце. Ветер стих. Корабль теперь не просто покачивает. Нет, он ныряет в крутых волнах, огромных, высоченных, но лишенных единого барашка. Она куда противнее любого шторма, эта мертвая океанская зыбь, отзвук далекого тайфуна, бушевавшего в последние дни где-то в тропиках и теперь могучим эхом докатившегося сюда, к Курилам.

Смотришь с мостика на бесшумно надвигающийся вал, и кажется, вот-вот судно носом зароется в ослепительную пену воды, станет кораблик «на попа», того и гляди, нырнет, да и не вынырнет. Но вот в какое-то мгновение носовая площадка с пушкой взлетает выше уровня мостика. Павел Павлович отряхивает брызги со своего прорезиненного плаща, а Жора Гвоздик весело скалит зубы на марсовой площадке. Потом через минуту китобоец похож на медведя, поднимающегося на задние лапы. Нос задран высоко, а корма — где-то в глубокой водяной яме.

Однако и мертвая океанская зыбь промыслу не помеха. В Четвертом Курильском проливе между Парамуширом и Онекотаном есть чем поживиться. Недаром во время очередного «капитанского часа» с китобойца «Муссон» радировали об удачной охоте на кашалотов.

Наш капитан и гарпунер, как всегда, на высоте. И получаса не прошло, как марсовый доложил о замеченном впереди низком фонтане кашалота, и вот уже матерый «богодул» насмерть сражен гарпуном Арипова. Все, кто свободен от вахты, столпившись у правого борта, почтительно ощупывают огромный скользкий хвост, подтянутый вверх якорной цепью, смотрят вниз, где бьется в волнах раскрытая пасть с острой, удлиненной, похожей на бивень нижней челюстью, усеянной хищными зубами.

Теперь пора и «домой», к «Подгорному». Теперь время и отдохнуть. Кто с наслаждением вытягивается на мерно подрагивающей койке, кто склоняется над шахматной доской, кто собирается в красном уголке в трех — пяти метрах от малюсенького, навешенного на переборку киноэкрана.

Павел Павлович, гостеприимно предложивший мне вторую свободную койку в своей каюте, на досуге плетет небольшую рыбацкую сеть. Ловко движется в руках его острая деревянная игла-челнок, оставляя за собой новые и новые петли.

— Сызмальства рыбачить люблю,— улыбается гарпунер,— а художеству этому нас с братишкой мать научила. Она ткачихой была... Мы ивановские.

Вот оно что! Думала ли, гадала ли ивановская ткачиха Арипова, что сыновья ее пойдут в моряки? Поди ж ты! Юрий, старший, отслужив действительную в артиллерии, стал отличным мирным пушкарем в китобойном флоте. За братом потянулся и Павел, расставшись с привычным инструментом плотника.

— Восемнадцать выстрелов дали мне на учебном судне,— вспоминает он,— в прошлую путину помощником гарпунера выпустили. Нынче сам у пушки хозяйствую.

Положа руку на сердце, Павел малость завидует старшему брату: тот уже в Антарктике побывал с новой флотилией «Советская Украина». Им вообще везет, этим «южным полярникам»: зимой они в море, летом отдыхают на родине. А дальневосточники тут, у Курил, с ранней весны до поздней осени. Ну, ничего, дайте срок: пойдет скоро в Антарктику еще одна, теперь уже дальневосточная флотилия. Тогда Павел Арипов потягается с братом Юрием.

Стук в дверь. На пороге стармех Гошталик.

— Заходи, дед, присаживайся.

Петра Владимировича Гошталика, как и всех старших механиков, по корабельной традиции именуют «дедом». К тому же на «Шквале» он еще и самый старший по возрасту. Сорок пять недавно стукнуло «деду», капитану едва минуло тридцать, а гарпунеру нет еще и двадцати девяти.

— Ну, как, Паш, решился? Сагитировала тебя учительница? — спрашивает Арипова стармех, привалившись к спинке дивана.

— Боязно, Петр Владимыч, ведь только семилетка у меня. Многое я позабыл.

— И не стыдно тебе, Пал Пал? — Гошталик хмурится.— Если хочешь знать, я свою семилетку в год твоего рождения заканчивал и, гляди, не сдрейфил. Сейчас в десятый класс перехожу.

— Так-то оно так,— смущенно тянет Арипов.— Вот знаешь, дед, придем в город, тогда уж начну.

— Не откладывай до города, Паш. Сейчас заявление подавай, пока учительница на борту. Нынче ее на «Тайфун» пересаживать будут.

«Городом» китобои зовут Владивосток, где проводят зиму — с ноября по апрель. Далеко отсюда, от океанской целины, этот город...

Видно, все же авторитет «деда» для гарпунера непререкаем. Поздним вечером в плотной тьме пустынной бухты всплывают огни встретившихся тут судов флотилии. У борта «Шквала» пляшет на волне моторный катер с «Тайфуна».

— Так счастливо вам, Валерия Дмитриевна!..

— Стало быть, до осени, до города! — звучат хрипловатые мужские голоса.

— Обязательно, друзья, обязательно!

К учительнице протягивается с десяток натруженных, мускулистых рук, ее бережно поддерживают, помогают сойти в катер по зыбкому штормтрапу. И тут, в последнюю минуту, Арипов передает учительнице вчетверо сложенный листок. Еще одним заочником стало больше в плавучей школе китобоев. Молодец гарпунер, решился все-таки! Молодчага учительница! Долгим покажется ей первый в жизни «морской учебный год», не одну такую штормовую ночь переживет она, пересаживаясь с корабля на корабль. Зато, пожалуй, ни одна сверстница, ни одна из выпускниц Тамбовского института со временем не сравнится в педагогическом стаже с Валерией Михайловой.

Через несколько часов прощаемся с командой «Шквала» и мы. На рейде «Подгорного» катер — «жук» — принимает на буксир двух убитых китов и на палубу — двух еле живых от качки журналистов. Закоченев на ветру, мы протискиваемся в тесную рулевую рубку и тут почтительно разглядываем металлическую памятную доску с выгравированной на ней надписью:

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1954 года о награждении орденами СССР экипажа морского буксирного катера «Ж-257».

За проявленный героизм и высокие моральные качества наградить...

Так вот какой он, этот «жук»! Тот самый, что дрейфовал в океане восемьдесят два дня! Это о подвиге его команды написана повесть, поставлен кинофильм. Ныне команда на катере, понятно, уже другая. Новые люди продолжают нести опасную штормовую вахту на океанском рейде.

Славный работяга «жук»! Как жаль, что знакомство с тобой столь мимолетно! Уж больно не терпится ощутить под ногами что-нибудь твердое, неподвижное! Пусть для начала это скользкие, залитые волнами стальные балки пирса. Все-таки берег.

Китовый берег... Как иначе назовешь бетонный «слип», по которому лебедки вытягивают из воды многотонные туши, залитую электрическим светом площадку, где скрежещут паровые пилы и в руках рабочих-раздельщиков сверкают кривые ножи, насаженные на древки, похожие на старинные алебарды, где воздух напоен горячими, жирными запахами гигантской кухни, запахами, прямо скажем, не слишком ароматными!

Китобойная индустрия... Путешествуя по цехам, мы как бы завершаем недавнее плавание. Перед нами конечный результат тяжелого и опасного труда моряков. Движутся по конвейерам то гигантские кровавые глыбы, то новенькие, только что закатанные банки консервов. В них и мясо кита, вкусное, питательное, не хуже говядины, и спермацет из головы кашалота — драгоценное сырье для лекарств и косметики.

В огромных котлах в тысячеградусном пару топится жир, который поступает затем в цистерны и баки. Ряды их, тут же за цехами, выглядят не менее солидно, чем нефтяная база. У этой «жиробазы» не раз за путину будут швартоваться танкеры, приходящие сюда из Владивостока.

В объемистых бумажных кулях коричневый порошок — костяная мука, идущая и в корм скоту и на удобрение.

— Китовый универмаг, не правда ли? — говорит директор комбината Иван Александрович Урмузов, показывая то куски толстенной подошвы — кожу, из которой отжат жир, то шелковистую лайку из кишок кита, то костяные рюмочки, собственноручно выточенные им из зубов кашалота.

И тут между делом мы узнаем любопытную деталь биографии директора. За полувековую свою жизнь тбилисский токарь Иван Урмузов был и студентом московского комвуза, и зимовщиком в Арктике, и моряком на тихоокеанских промысловых шхунах. А теперь он убежденный энтузиаст молодой китобойной индустрии.

— Интереснейшее дело! — убежденно говорит Иван Александрович.— Ведь повсюду в народном хозяйстве применяется наша продукция. Только вот китовый ус, как это ни странно, теперь сбыта не находит.

И директор подводит нас к свалке на морском берегу. Тут этого самого уса, «сбритого» с китов, видимо-невидимо.

— Когда-то, лет триста назад, из-за уса и промысел начался. Кринолины, корсеты, гребешки — помните? А теперь все это проще и дешевле делать из пластмассы. Что ж, во всякой промышленности свои законы развития...





Повесть

Мария БЕЛАХОВА

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Глава 1

Казалось, что ничего страшного не случилось. Обычная маленькая ссора дочери с матерью. Дочь не убрала комнаты, не вымыла посуду, а мать только что вернулась с работы, плохо себя чувствовала и раздраженно сказала:

— У тебя, Наташа, совсем нет совести! Бабушка больна, и вся тяжесть легла на мои плечи. Я устала, не могу больше...

Наташа пожала плечиками:

— Я в этом не виновата. Ты сама взяла на себя такую тяжесть, как я. Я тебя об этом не просила.

Казалось бы, что мать должна была рассердиться на грубость дочери. Но Ирина Андреевна сначала растерялась, а потом вдруг испугалась. Сердце заколотилось часто, сильно.

— Что ты сказала?! — задыхаясь, спросила она дочь.

— Я сказала, что ты сама взяла на себя такую тяжесть, как я. Я тебя об этом не просила. Но уж если взяла, так не упрекай меня в этом!

Бледная, готовая разрыдаться, Наташа, мельком взглянув на мать, ушла в кухню и загремела тарелками.

Да уж не послышалось ли матери? Неужели Наташа могла так сказать? Случайно вырвались у дочери эти слова, или она вкладывала в них определенный смысл?

Ирина Андреевна бессильно опустилась на стул около окна и, положив руки на подоконник, стала успокаивать себя. Напрасно она волнуется. Наташа сказала дерзость и теперь, наверное, раскаивается.

У Наташи переломный возраст. Всем родителям туговато приходится в эти годы. Ирина Андреевна, работая в старших классах школы, очень хорошо это знала. Но почему именно так сказала Наташа? «Ты сама взяла на себя такую тяжесть, как я. Но уж если взяла, так не упрекай меня в этом».

Нет, напрасно мать успокаивает себя. Случайно так не скажется. Девочка, вероятно, искала повода, чтоб сказать эту фразу. За ней, за этой фразой, кроется многое: сомнения Наташи, душевная боль, желание узнать правду из уст матери.

Кто-то совершил подлость. Чья-то болтливость, а может, умышленное желание сделать гадость нарушили покой девушки, ранили ее сердце. Не сегодня и не вчера отравлена жизнь дочери. За последнее время Наташа изменилась. Прежде была ласковой и доверчивой, а теперь стала замкнутой, молчаливой. Да и учится хуже. А ведь она в десятом, последнем классе и хочет держать конкурсный экзамен в педагогический институт.

Вероятно, пришло время рассказать Наташе всю правду. Рановато, не сформировался еще человек. И трудно предвидеть, как примет она эту правду. Жалко дочь, жалко мужа. Ведь он так любит Наташу!

Но рассказать надо. Пусть дочь узнает истину от нее, от матери, из первого источника. Она расскажет ей все, начиная с их первой встречи. С тех пор прошло почти четырнадцать лет, а память хранит эти события так хорошо, будто все происходило вчера.

* * *

Ирина Андреевна приехала в Ленинград в мае сорок четвертого года. Три месяца назад была прорвана блокада, которая терзала город девятьсот дней.

Город-герой после пережитой трагедии стоял опустевший, израненный.

На улицах Ленинграда, где когда-то шли толпы людей, теперь встречались редкие прохожие. А детей и совсем не было видно. Непривычная тишина в городе и безлюдье каждую минуту напоминали о тысячах ленинградцев, погибших в блокаде от бомб, снарядов и голода.

Но каждый день вокзалы Ленинграда волнами выплескивали сотни людей, возвратившихся к себе домой из эвакуации.

День ото дня все больше оживал город. Распахнулись окна уцелевших домов, выпуская холод и сырость нетопленных комнат. Задымили трубы многих заводов, открывались один за другим магазины, столовые, кинотеатры. Улицы оживали, на них появились новые автобусы, трамваи и даже такси.

Вместе с городом зажил веселой, шумной, многоголосой жизнью и особняк на канале Грибоедова. Возраст младших жителей этого особняка исчислялся месяцами. Старшими считались трехлетки. Но для всех этих малышей ленинградская весна сорок четвертого года была первой весной. Даже те, кто жил на свете четвертый год, впервые наслаждались весенним солнцем, впервые видели ручейки, почки на деревьях, впервые трудились в чистом желтом песочке. И, уж конечно, впервые они выходили парами за ворота и с удивлением смотрели на быстрые машины, на взрослых, чужих, незнакомых людей. Вся предыдущая жизнь, до этой весны, проходила почти целиком в подвале этого дома, оборудованном под бомбоубежище.

Никто из малышей не помнил и не понимал того страшного кошмара, который они сами пережили раньше, чем попали в этот особняк. Только врачи и воспитатели знали, да и то не полностью, их трагедию. Одного нашли на улице голодного, полузамерзшего, другого — в обломках разрушенного дома, третьего взяли из постели, где лежала уже мертвая мать.

Лишь немногие назывались теми именами, которые им давались при рождении. Часто не удавалось установить, чей это был ребенок и как его зовут.

В особняке на канале Грибоедова и в других яслях и детских домах малыши пережили блокаду. Все лучшее, что получал блокированный город, что под непрерывные обстрелы и бомбежки перевозилось по льду Ладожского озера или на самолетах,— все это город отдавал прежде всего обездоленным малышам, не успевшим по разным причинам эвакуироваться.

Шум больших улиц с грохотом трамваев и гудками машин почти не доносился до особняка, окруженного садиком. А когда в яслях наступал «тихий час», здесь действительно было тихо. В такой час и пришла сюда Ирина Андреевна. Она не стала звонить, а потянула на себя большую, массивную дверь. Дверь оказалась незапертой, и Ирина Андреевна очутилась в вестибюле. В доме стояла полная тишина. Увидев впереди дверь с надписью «Главный врач», она постучала.

— Войдите! — послышался голос.

За письменным столом сидела пожилая женщина в белом халате с белой, седой головой. Ирина Андреевна подала ей направление из горздравотдела.

— Садитесь,— пригласила та Ирину Андреевну.— Подождите минутку, я закончу одно дело.

Мелким, убористым, четким почерком она заполняла историю болезни. Ирина Андреевна оглядела кабинет: письменный стол, два стула, маленький диван, накрытый простыней, весы с корытцем для взвешивания малышей. Все окно заставлено цветами, за которыми, как видно, заботливо ухаживали.

— Я вас слушаю,— складывая папку, сказала докторша.

— Я хочу взять себе ребенка...

Ирина Андреевна вдруг заволновалась. Ей стало трудно говорить, и она почувствовала, что вот-вот расплачется.

Но ее собеседница была человеком опытным. Она понимала состояние Ирины Андреевны и спокойным голосом, не торопясь, стала говорить сама.

— Ну, что же, это — очень хорошее дело. К нам ведь многие приходят. Я здесь работаю вот уже пятнадцать лет. И до войны брали на воспитание детей, а теперь и подавно! Сейчас, как вы, вероятно, поняли, дети спят, и у нас с вами все равно много свободного времени. Мне бы хотелось узнать, что толкнуло вас на этот шаг. Кого вы хотите взять, мальчика или девочку? Какого возраста? И, наконец, расскажите о себе. Мне хочется знать, к кому попадет ребенок. Нам ведь это не безразлично. Мы с этими детьми пережили так много тяжелого и страшного, что они всем нам, работающим в яслях, стали как родные.

— Я вас понимаю,— ответила Ирина Андреевна.— Понимаю ваше право задавать мне любые вопросы. Я на них отвечу.

Ей было нетрудно объяснить, почему она решила взять ребенка. Слишком много она об этом думала.

...В июле сорок первого года Ирина Андреевна эвакуировалась из Ленинграда в Казань вместе со своим единственным сыном, шестилетним Сережей. Ехать пришлось много дней в битком набитом вагоне. В пути мальчик заразился дифтерией. Ирина Андреевна сошла с поезда в маленьком городке, когда Сережа был уже без сознания.

Машины около вокзала не оказалось. Какой-то старик согласился довезти ребенка до больницы на ручной тележке. Ирина Андреевна шла рядом с тележкой, положив руку на плечо мальчика. Дорога была неровная, пыльная. Временами она брала сына на руки и несла его, тяжелого, горячего...

Через два дня она похоронила Сережу под большой липой городского кладбища. С тех пор стали белыми ее виски и глубокая тоска поселилась в глазах. Горе Ирины Андреевны

было тем страшнее, что надеяться на появление второго ребенка она не могла. Первые роды были тяжелыми, и врачи тогда же сказали ей, что детей у нее больше не будет.

Она приехала в Казань одна, без сына, страшно похудевшая и постаревшая. От нее самой ее муж Антон Иванович узнал о смерти сына. Ирине Андреевне было страшно вспомнить, как рыдал тогда этот большой и мужественный человек.

Пережить то страшное горе помогла ей работа. Как и до войны в Ленинграде, она стала преподавать историю в казанской школе. Днем школа, а вечером госпиталь, где она писала письма под диктовку раненых, помогала сестрам и санитаркам. И столько навидалась она там горя и страданий, что невозможно было свое горе считать самым большим.

И, конечно, она не была одинокой. Она жила с мужем — счастье, редкое во время войны. Правда, Антон Иванович приходил домой поздно и часто улетал в командировки. Эти командировки были не совсем обычными. Антон Иванович Березов работал на авиационном заводе, и место назначения командировок обозначалось энской авиационной частью действующей армии, где самолеты, выпущенные заводом, выдерживали настоящие бои. Ирина Андреевна обычно и не знала, на какой фронт улетел ее муж.

Антон Иванович всегда относился к жене нежно и заботливо. Но даже Ирина Андреевна, избалованная его вниманием, поражалась, откуда у мужа набралось сил, такта и терпения утешать ее в неутешном горе, отвлекать от тяжелых мыслей.

Но если острая боль утраты единственного сына постепенно утихала, то неудовлетворенное материнское чувство все более обострялось. Ирина Андреевна понимала, что муж не хочет остаться бездетным. Он никогда не скажет ей об этом, но страдать будет так же, как она. И еще тогда, в Казани, у нее возникла мысль взять ребенка из детского дома.

Когда стало известно, что Антона Ивановича переводят на работу в Москву и дают квартиру, Ирина Андреевна сказала о своем решении мужу. Тот сразу засиял.

— Ну и правильно! Ты у меня молодец! Я и сам думал об этом, только тебе не говорил, боялся, что память о Сереже помешает это сделать... Но нет, конечно! Ирочка, нам обязательно нужен ребенок! Иди завтра же!

— Нет, не торопись. Я хочу взять ребенка из Ленинграда, из нашего родного города. Там родился наш первый, там я найду второго... Ведь сколько осталось сирот в этом городе!

Возникали и сомнения.

— Ну, а если у тебя все-таки свой родится? — спросил как-то Антон Иванович.— Бывает же, ошибаются врачи.

— Мне уже тридцать пять лет, и не стоит больше ждать. Ну, а если родится,—она улыбнулась,— я думаю, он нам не помешает. И у него уже будет близкий родственник — старший брат или сестра.

То обстоятельство, что они переезжают в новый город, где их никто не знает, подталкивало на быстрое решение. Ирина Андреевна привезет в новую квартиру ребенка, и никто не будет знать, что он приемный. Поэтому, как только они приехали в Москву, Антон Иванович выхлопотал для жены пропуск в Ленинград и обеспечил ее необходимыми документами.

На вокзале, прощаясь с женой, он весело говорил:

— Привози обязательно! Беленького, черненького, мальчика, девочку, больного, здорового — все равно полюблю.

И вот она приехала в Ленинград. Дом, где Березовы жили до войны, уцелел, уцелели почти все вещи. Но Ирина Андреевна лишь мельком посмотрела на них. В первый же день она пошла в Ленинградский облздравотдел и получила разрешение на посещение детских яслей в Ленинграде и пригороде.

...Рассказывая о себе, о муже, Ирина Андреевна сильно волновалась. Капельки пота выступили у нее на лбу, стала влажной шея. Врач внимательно и участливо смотрела на нее. Ей нравилась эта женщина. Светло-каштановые волосы ее были зачесаны гладко наверх и на затылке собраны в большой пучок. Но сквозь длинные пряди волос пробивались короткие пышные, непокорные волосы и образовывали прозрачную корону на голове. Лоб высокий, чистый. Губы добрые. Но главная прелесть этой женщины была в светло-карих ясных глазах и в мягкой улыбке.

Они долго беседовали. И если Ирина Андреевна узнала про врача только одно, что ее зовут Раисой Яковлевной, то сама Раиса Яковлевна узнала все, что ей хотелось. Она поняла, что ребенок попадет в хорошие руки.

Глава 2

Когда в кабинет донесся шум детских голосов, Раиса Яковлевна сказала:

— Ну вот, пока мы знакомились, кончился наш тихий час. Идемте, я покажу вам детей.

Ирина Андреевна надела белый халат и вместе с Раисой Яковлевной поднялась по широкой деревянной лестнице, ведущей из вестибюля на второй этаж.

Раиса Яковлевна остановилась около первой двери, приоткрыла ее и, показывая на ряды маленьких кроваток, сказала:

— Здесь наши малыши. Эти почти всегда спят. Покормятся, поболтают ножками и опять спать. Из этой группы мне трудно кого-либо рекомендовать. Идемте в среднюю, к ползункам.

Они вошли в большую, светлую комнату. По стенам стояли ряды кроваток, а в середине комнаты большой квадратный стол с высокими бортами.

Некоторые дети спокойно лежали в кроватках, другие сидели или, держась за сетки, пытались становиться на ножки. Но самое интересное происходило на «прогулочной площадке» ползунков, на том самом квадратном столе с бортами. Глядя на этот «сквер», Ирина Андреевна не переставала улыбаться. Вот один малыш, лежа на спине, изо всех сил бьет свою щеку резиновой игрушкой. Другой лежит на животе и, приподнявшись на локтях, упорно смотрит на нее, незнакомую тетю. Ирина Андреевна ласково улыбнулась малышу и была награждена ответной улыбкой беззубого рта.

Вдруг раздался отчаянный плач. Произошла авария. Двое «следопытов» ползли навстречу друг другу, возможно, с самыми мирными намерениями. Но, не рассчитав расстояния и скорости движения, стукнулись лбами и разревелись. Няня погладила одного, перенесла на кроватку другого, и мир был восстановлен.

Раиса Яковлевна останавливала внимание Ирины Андреевны только на тех детях, у которых не было ни родителей, ни близких родственников. Таких немало, подавляющее большинство. Дети разные: черноглазые и голубоглазые, веселые и грустные, озорные и спокойные. Ирине Андреевне не хотелось говорить, что пока ни один из них не привлек ее внимания. Она только спросила:

— Ну, а еще есть дети?

— Да, мы сейчас пойдем к старшим,— ответила Раиса Яковлевна.

Старшая группа! Ирина Андреевна привыкла называть старшими учеников девятых и десятых классов. Мальчики были выше ее ростом, говорили баском. А тут старшими называли трехлетних малюток!

Дети одевались после дневного сна. Они сами надевали лифчики, штанишки, многие даже умели зашнуровать ботинки и только завязывать шнурки бежали к няне. С бо́льшим или меньшим успехом, но все застилали свои кроватки. И проделывалось это тихо и серьезно. Приход в группу Раисы Яковлевны с Ириной Андреевной не нарушил порядка. Как видно, «старшие» уже понимали дисциплину.

Ирина Андреевна стала в сторонке, у окна. Раиса Яковлевна тихо, так, чтоб дети не могли услышать, сказала ей:

— Обратите внимание на девочку, вон там, в самом углу. Она застегивает лифчик другой девчурке. Видите? Голубоглазая с пышными волосами. Это Галя. Судьба ее трудная, как у всех наших детей, и девочка она нервная. Но очень способная, умная, хорошо поет, слух изумительный.

Галя сразу почувствовала, что о ней идет разговор. Она зарделась и спряталась за спину девочки, которой она застегивала лифчик. А та, ничего не понимая, удивленно посмотрела на Галю, потом на незнакомую тетю. И тут Ирина Андреевна встретила взгляд больших темных грустных глаз. Быть может, эти глаза казались такими большими потому, что они украшали худое, бледное личико. Ирина Андреевна спросила Раису Яковлевну:

— А что это за девочка? Та, что рядом с Галей?

— Это Наташа,— ответила Раиса Яковлевна.— У нее есть родственники. Идемте, я вас познакомлю с Галей, и вы с ней поговорите.

Подойдя к девочкам, она сказала:

— Вот наша Галя.

Галя снова спряталась за спину своей подруги. Теперь застеснялась и Наташа. Она опустила глаза, и Ирина Андреевна заметила, что у нее необыкновенно длинные, красивые, черные ресницы, отбрасывающие тень на худенькие, бледные щеки.

— Как тебя зовут? — спросила она девочку.

Она не ответила. Стеснительная улыбка обнаружила две белые полоски мелких ровных зубов.

— Ее зовут Наташа,— выручила свою подругу вдруг осмелевшая Галя.

Отстранив Наташу, Галя подошла к Ирине Андреевне и доверчиво прижалась к ней. Это ее тетя! Ведь недаром же Раиса Яковлевна сказала «Вот наша Галя».

* * *

Время от времени в детских яслях появлялись незнакомые люди, и часто оказывалось, что именно здесь они находили своих сыновей и дочек. Дети с завистью смотрели на тех, кого мамы и папы (а папы бывали и военные!) увозили в большой, неведомый мир. Скорей бы уж за ними за всеми приезжали родители! То, что родители приедут,— в это все малыши безгранично верили. Так им говорили воспитатели, и так им хотелось. Поэтому, когда в доме появлялся незнакомый человек, у детей сразу возникал вопрос: «Чья это мама?» или «Чей это папа?» Чтоб быстрее разрешить недоумение, они иногда прямо спрашивали:

— Ты чья мама? За кем приехала?

Каждый надеялся, что именно его-то и назовут. Если оказывалось, что папы и мамы «ничьи», всякий интерес к этим людям пропадал.

Галя тоже ждала свою маму. И сегодня, когда тетя Рая сказала «Вот наша Галя», девочка сразу подумала, что, может быть, новая тетя — ее мама. Ей эта тетя в белой-пребелой блузке очень понравилась. Гале было очень хорошо, когда тетя своей ласковой рукой погладила ее по голове. А когда тетя так же погладила Наташу, Гале стало неприятно. Как жалко, что никто не спросил у тети, чья она мама!

Чья она мама? Разве могла бы Ирина Андреевна ответить на этот вопрос? Она сама была в полном смятении. Галя — девочка хорошая, умненькая. Но Ирина Андреевна поневоле думает о Наташе. Сердце сжимается, когда она вспоминает бледное, худенькое, прозрачное личико Наташи, ее беспомощную фигурку в лифчике с болтающимися на резинках чулочками. Как хочется взять ее на руки, пригреть, уберечь от невзгод!

Когда Ирина Андреевна вернулась в кабинет главного врача, она сказала Раисе Яковлевне:

— Пожалуйста, расскажите мне о Наташе! Где ее родители? Кто они? Запала мне в душу эта девочка!

Раиса Яковлевна нахмурилась. Она была недовольна тем, что ее любимица Галя не понравилась этой женщине, что придется долго доказывать, убеждать.

— У Наташи мать погибла,— ответила она.— Но об отце мы не имеем никаких сведений.

— Ленинград освобожден уже несколько месяцев назад,— возразила Ирина Андреевна.— Неужели отец до сих пор не поинтересовался своей дочкой?

— Ну, а если он пропал без вести, вас это устроит? Если отец в плену и вернется через несколько лет, что вы будете делать? Вернете ему Наташу? Вы понимаете, какая это будет трагедия для вас, для вашего мужа, для де-

вочки и ее отца? Надо серьезно относиться к этому делу. И послушайте меня,— потеплевшим голосом продолжала докторша,— Наташа — девочка замкнутая, болезненная, моторно-отсталая. Ее принесли к нам умирающей от голода, и это не прошло бесследно. Она слабенькая, у нее диатез, два раза было воспаление легких. Галя крепче здоровьем, более развита, общительна.

— Раиса Яковлевна! — перебила ее Ирина Андреевна.— Я сáма педагог и понимаю, что пренебрегать советом педагога и врача нельзя. Но поймите меня правильно. Я хочу иметь не воспитанницу, а дочь. Я хочу стать не просто воспитательницей, а матерью. Галя хорошая, красивая, развитая. Но она не моя дочка. Я даже не могу вам толком объяснить, почему. Не затронула она материнской струнки во мне. Видно, есть какие-то неизведанные стороны человеческой души. Вот Наташа — другое дело. Я не хочу думать, что уеду без нее из Ленинграда. Прошу вас, давайте посмотрим дело. Быть может, я сумею навести справки об отце? По крайней мере я хочу убедиться, что Наташу нельзя удочерить.

В папке с историей Наташи Деминой хранились метрическое свидетельство о рождении девочки, адрес квартиры, где она проживала, и справка из домоуправления о смерти матери. Вместе с этими официальными документами лежала записка, написанная, как видно, наспех на листке бумаги. В ней сообщалось, что девочка была найдена в пустой квартире и что мать ее незадолго до того погибла при бомбежке. Записка была подписана Соколовой.

— Вы не знаете, кто эта Соколова? — спросила Ирина Андреевна Раису Яковлевну.

— Кто она, я не знаю. Но я ее видела. Это она принесла к нам девочку. Соколова жила в одной квартире с Деминой. Где она сейчас и что с ней, я не знаю.

Ирина Андреевна записала адрес дома, где жила Наташа, и, прощаясь с Раисой Яковлевной, сказала:

— Если Соколова жива, я ее найду.

* * *

Маленькая Наташа не знала и, конечно, не помнила ничего, что случилось с ней до жизни в этом большом и уютном доме, с тетями в белых халатах. Никто не мог рассказать ей о том, как мать и отец радовались ее первой улыбке, каждому, еще не осмысленному движению маленьких рук, повороту головки. Она не помнила, как целовал ее отец, уходящий на фронт, как плакала, убивалась ее мать. Не знала Наташа и того, как голодала потом ее мать и она сама. Но мать, даже голодная, всегда умела утешить и согреть своего ребенка. Самое страшное, что довелось испытать Наташе, случилось в холодные осенние дни.

Однажды, когда Наташа, укутанная в одеяла, спала в своей кроватке, ее мать была убита осколком снаряда. Девочка спала в кроватке, а мать мертвая лежала на тротуаре. Малышка проснулась, заплакала, но никто не подошел к ней. Квартира давно опустела, в ней жили лишь они двое — Наташа и мать. Теперь осталась она одна. Девочка стала плакать сильнее, громче. Ей было холодно, сыро, хотелось кушать. Но никто ее не слышал, никто не приходил на помощь. Измученная, она засыпала на короткое время, потом снова просыпалась от голода и холода, и в пустой квартире раздавался жалобный плач младенца.

Всю эту трагедию раннего детства Наташи Ирина Андреевна ясно представила себе, слушая рассказ Пелагеи Михайловны Соколовой, которая жила все в том же доме и в той квартире, где осенью сорок первого года лежала осиротевшая Наташа.

— Работали мы тогда на казарменном положении,— рассказывала Пелагея Михайловна.— И работали и жили на заводе. Домой я прибежала за вещичками. Могла бы и неделю еще не приходить. Открыла дверь своим ключом, слышу какой-то писк. Ну, я сразу в комнату к Деминым. Теперь там инженер один живет. У них сейчас заперто, а то бы вы посмотрели. Вхожу, а она одна, крошка, лежит посиневшая и глаза закрыты. Я в домоуправление. Там как раз комсомольцы были, которые помогали пострадавшим. Они и устроили Наташу. Вместе мы собирали ее документы и вещички. Вместе и в ясли ходили.

Пелагея Михайловна не могла рассказать подробностей о матери и отце Наташи. В эту квартиру она вселилась в начале войны, когда дом, где жила она, подвергся бомбежке. Но она сообщила Ирине Андреевне, что отец Наташи был рабочим и убит в самом начале войны.

— Убит! В этом вы не сомневайтесь. При мне Наташина мать получила похоронную, и потом какой-то товарищ мужа заходил, подтвердил это. Круглая сирота Наташенька! Но, может, тетка возьмет ее?

— Какая тетка? — удивилась Ирина Андреевна.

— А как же! Сестра ее матери. Она месяца два назад вернулась из эвакуации, была у меня, и я сказала ей, куда мы отвезли Наташу. А разве она там не была?

После того, как Пелагея Михайловна сообщила, что отец Наташи погиб, оставалось выяснить вопрос с теткой. Не без труда, но адрес ее все-таки удалось установить. Ирина Андреевна отправилась к ней вместе с Раисой Яковлевной.

Тетушка Наташи оказалась совсем молодой женщиной, лет двадцати пяти. Узнав, что к ней пришли из яслей, где находится ее племянница, она заволновалась и быстро-быстро заговорила:

— Знаете, никак не могла выбрать время навестить Наташу. Ведь свою жизнь тоже надо устраивать. А как вы нашли меня? Кто сказал мой адрес? Ну куда я ее возьму! И муж не хочет, говорит, от своих потом некуда будет деваться. Да я и не обязана.

Раиса Яковлевна ее оборвала:

— Вы напрасно беспокоитесь. Никто вам девочку не навязывает. Ее хотят удочерить хорошие люди. Я вижу, что вы будете довольны этим.

Молодая тетушка растерялась. Ей, как видно, стало неловко, и в то же время она обрадовалась, что останется в стороне, что не навалят на нее этой обузы.

— Что ж, если люди хорошие...

Она вдруг заплакала, от стыда ли, от жалости — неизвестно. Ирина Андреевна искала в этой женщине родственные Наташе черты. Тот же карий цвет глаз, похожий овал лица, и в то же время она ничем не напоминала Наташу.

Раису Яковлевну совсем не растрогали слезы женщины. Она холодно и спокойно продолжала ее спрашивать:

— Что вы знаете об отце Наташи? Это точно, что он погиб? Можете это подтвердить?

— Я была эвакуирована в Челябинск,— вытирая слезы, отвечала женщина.— Там я получила письмо от сестры, где она сообщила мне о смерти мужа.

— А еще есть родные у Наташи?

— Какие родные! Мать с отцом, ну, ее дед и бабка, тут же от голода умерли. А со стороны отца никого не было. Он сам рос сиротой.

Теперь все было ясно и просто. Никаких преград для оформления не было.

* * *

Маленькой Наташе не вспоминались и воздушные тревоги, хотя с тех пор прошло всего четыре месяца. Она забыла, какой испытывала страх, когда слышала вой сирен, а вслед за этим грохот и взрывы, от которых сотрясались стены их бомбоубежища. В такие моменты Наташа не плакала, как многие дети. Она сидела с широко открытыми глазами, дрожала вся, но не плакала. Все это прошлое как будто забыто, но и сейчас девочка вздрагивает и дрожит, когда падает всего лишь маленький стульчик. И, как тогда, в больших карих глазах ее появляется испуг.

Галя была самой хорошей подругой Наташи. Кукла Мика принадлежала только им двоим. Они кормили ее, укладывали спать и выносили гулять. Кроватки Наташи и Гали стояли рядом. В столовой они сидели за одним столиком. Когда шли гулять на улицу парами, то Наташа всегда за руку с Галей. Они застегивали друг другу лифчики, завязывали бантики на голове.

Когда появилась в группе незнакомая тетя, Наташа думала, что Галя скоро уйдет с мамой и ей, Наташе, будет очень скучно. А когда ее, Наташина, мама приедет, неизвестно. Наверное, скоро.

Галина тетя почему-то долго не приходила. Думалось, что она совсем не придет. Но нет, пришла.

Дети сидели полукругом около пианино. Тетя Фаня играла что-то хорошее, веселое. Все сидели тихонько и слушали. И вдруг вошла *она*. Галя, как увидела *ее*, стала прятаться за Наташину спину. В это время тетя Фаня кончила играть и сказала:

— Будем петь про козлика.

И заиграла знакомую песенку. А когда махнула головой, все сразу запели. У Гали самый хороший голос, и ее слышнее всего. А многие ребята только рты раскрывают, а петь совсем не поют. Галя поет и поминутно смотрит на «свою» тетю. А та на нее почему-то совсем не смотрит. Смотрит на всех одинаково. И вдруг Наташа почувствовала, а потом и увидела, что тетя смотрит на нее. Да, да, она так посмотрела, что Наташа покраснела и сразу опустила глаза.

Следующий раз *она* пришла, когда все обедали. Галя засмеялась и от радости стала толкать Наташу. Но тетя не подошла к Гале. Постояла, посмотрела и ушла. Кажется, никто не заметил ее короткого нежного взгляда на Наташу. Только сама Наташа перехватила этот взгляд. Но Галя стала скучной. Что-то неладное почувствовали и другие дети. Самый смелый из них, Вовка, вдруг спросил тетю Фаню:

— Это чья мама приходила?

Тетя Фаня почему-то рассердилась и сказала, чтоб к ней не приставали с глупыми вопросами.

Наташа и Галя не говорили *о ней* между собой. Да и не смогли бы они выразить то, что чувствовали. Галя теперь уже не надеялась, что тетя будет ее мамой, но все-таки ждала ее прихода. Ждала и Наташа.

Если дети гуляли в садике, то обе девочки часто смотрели на калитку, не появится ли *она*. Если были в доме, постоянно выбегали из комнаты, смотрели с площадки вниз, на входную дверь.

Она появилась во время завтрака, утром. Пришла вместе с Раисой Яковлевной, как в первый раз.

Эти взрослые люди, доктор Раиса Яковлевна и Ирина Андреевна, были убеждены, что умеют владеть собой. Но дети сразу поняли, что не случайно так торжественно-строга Раиса Яковлевна и так взволнована пришедшая с ней тетя. И то, что не Галя была в центре внимания,— это тоже стало сразу понятно.

Когда подали второе, Галя вдруг заплакала. Никто ее не обижал, а она заплакала. И хотя Галя плакала без видимой причины, тетя Фаня и Раиса Яковлевна не рассердились на нее. Только Раиса Яковлевна переглянулась с тетей, и та ушла.

Вот тут заплакала Наташа. Положила голову на стол и горько зарыдала. Раиса Яковлевна подошла к ней:

— Ну, что ты плачешь, Наташа? Может, заболела? Пойдем я тебя посмотрю и температурку померяю.

Там, в кабинете Раисы Яковлевны, сидела *она* и тоже плакала. А когда увидела Наташу, взяла ее, посадила к себе на колени и сказала:

— Наташа, я твоя мама. Поедем с тобой вместе к папе, он нас ждет.

Наташа прижалась к ней и обняла ручонкой за шею.

Раиса Яковлевна ушла, и они остались одни. Наташе было очень хорошо. Она трогала руками кружева на блузке, а мама рассказывала, как долго она искала ее, свою дочку, и как будет рад папа. Тут же она показала его карточку. Папа Наташи военный. Он умеет строить самолеты.

— Ты его помнишь, Наташа? — спросила Ирина Андреевна.

— Да,— ответила девочка.

Наташа ответила искренне. Она ждала папу, хочет к нему поехать. А значения слова «помнишь» она не понимала.

Наташе было немногим больше трех лет, и

она скоро забыла дом с тетями в белых халатах. Забыла свою подружку Галю. А вот как она сидела на коленях у мамы, вдыхала впервые аромат духов, слушала нежные, ласковые слова,— это видение осталось у нее в памяти на всю жизнь.

Ирине Андреевне тоже на всю жизнь врезался в память тот час. Беспомощность маленького существа, полное, безоговорочное доверие ей, назвавшейся матерью, тепло мягких ручонок — все это навеки привязало ее к девочке, наложило обязанности, выполнение которых стало святым ее долгом.

Теперь была заполнена брешь, тяготившая ее со дня смерти Сережи.

☆ ☆ ☆

И вот они вдвоем в купе международного вагона. Билеты стоили дорого, но Ирина Андреевна не поскупилась. Они должны быть только вдвоем, пусть никто им не мешает!

Когда поезд тронулся и застучали колеса, Наташа деловито осведомилась:

— Мама, а тут во́лков нету?

И сразу поверила, что ни волков, никаких других зверей в вагоне нет.

Ирина Андреевна раскрыла маленький чемоданчик, и у Наташи начался пир. Сладкие, мягкие гренки — ешь сколько хочется! Шоколадные вкусные конфеты! Наташа ела и улыбалась счастливой улыбкой. Сегодня там, в яслях, ей совсем не хотелось есть. А теперь она сколько угодно может съесть.

Показав на стакан, который принес проводник, она вдруг спросила:

— Это что?

— Стакан,— ответила Ирина Андреевна, поняв вдруг, что Наташа никогда не видела стакана. Ведь они в яслях пили из чашек.

— А это что? — Девочка указывает на настольную лампу.

В ее возрасте ребенок, выросший в семье, знает тысячу вещей, оперирует сотнями слов. А Наташа никогда не видела простых предметов, говорит мало, отвечает односложно. Про волков самая длинная речь за весь вечер. Но Ирину Андреевну это не расстраивало и не удивляло. Из трех с половиной лет жизни девочка три года прожила в бомбоубежище блокированного города, полуголодная, всегда под неосознанным страхом.

Ирина Андреевна стала рассказывать Наташе про папу и бабушку:

— Папа наш большой, высокий. Выше меня на целую голову. Глаза у него такие же коричневые, как у тебя. Когда папа веселый, глаза узенькие, как щелочки. А когда огорчится или рассердится, они круглые, большие. Но папа почти всегда веселый и добрый. Бабушка тоже добрая. Пироги печет — пальчики оближешь!

Ирина Андреевна рассказывает, а сама внимательно рассматривает Наташу. Какие выразительные глаза у девочки! Спрашивает — и в глазах вопрос. Смешно — глаза смеются. Но грусть не уходит из глаз. И вопрос и смех — все сквозь грусть. Волосы у Наташи каштановые. Наверное, будут говорить: «Как у мамы».

— Уже поздно, пора спать. Мы с тобой сейчас уснем, Наташенька, а когда проснемся, будет Москва. Там нас встретит папа.

Ирина Андреевна приготовила постель внизу на двоих. Полка удобная, широкая. Они легли валетиком, каждый под своим одеялом.

В вагоне полумрак. Горит лишь синяя лампочка. Ирина Андреевна знает, что не уснет так скоро. Но она лежит тихо и неподвижно, боясь разбудить Наташу.

Что-то будет завтра? Вдруг Наташа не понравится Антону? За последние дни эта мысль возникала у нее не раз. Но теперь, когда она представила себе завтрашнюю встречу на вокзале, даже испугалась. Конечно, не понравится! Худенькая, испуганная девочка в сером, бесцветном платьице, в черных грубых ботинках. Да еще такая дикарка! И как будто муж в самом деле сказал ей что-то подобное, она мысленно стала с ним спорить.

«Ну нет, Антон! Я не буду тебя убеждать ни в чем. Ты предоставил мне одной право решить этот вопрос. Теперь поздно. Не полюбишь — уходи, одна воспитаю девочку. Ты станешь моим врагом. И не посмотрю на то, что много лет жили с тобой и любили друг друга».

А потом ее захватывают новые, тревожные мысли. А сама-то она знает эту девочку? А если Наташа останется «замкнутой» и «моторно-отсталой» на всю жизнь? Ведь она не знает ее наследственности. Ничего, по сути дела, не знает о ней.

Нет, нет! Не будет она ни замкнутой, ни отсталой. Будет веселая, красивая, самая хорошая дочка! Зарумянятся щечки, нальются живым соком ее худенькие ручки и ножки. Забудет все тяжелое и страшное. Ирина Андреевна не начнет работать, пока Наташа не поздоровеет и не освоится в новой обстановке.

Удастся ли ей сохранить в тайне, что Наташа — приемная дочь? Будет взрослой, пусть узнает. Но пока растет, формируется человек, надо уберечь от ударов. Ничто не должно омрачать жизни этой крошки.

Уже давно за полночь. Ирина Андреевна тихонько поднялась, чтоб убедиться, спит ли девочка. Но Наташа лежала с открытыми глазами.

— Спи, дочка,— сказала она.

Но обе они уснули только под утро недолгим, тревожным сном.

Что-то их ждет в Москве?

Продолжение следует.





Сидеть лучше, чем стоять. Ехать лучше, чем идти.

Эта истина родилась в глубине веков и настолько примелькалась, что не вошла даже в собрание сочинений К. Пруткова. Словом, чудака, отрицающего роль общественного транспорта в быту, найти в наш век довольно трудно.

Транспорт! Общественный транспорт! Во все времена и во все эпохи его воспевали поэты и налаживали общественные деятели. Его проблемы относятся к категории «вечных» наряду с любовью, жизнью и смертью.

Если вы, дорогой читатель, попадете в Уфу, ходите пешком. Впрочем, воля ваша. В жизни для полноты мироощущения надо испытать все и даже путешествие на уфимском транспорте. Рекомендую вам заранее пройти медицинский осмотр, удостовериться, что мускулы ваши крепки, нервы не разболтаны, а ловкости у вас не меньше, чем у эквилибриста. Лишь в этом случае действуйте.

Для начала попытайтесь сесть в автобус у моста в Орджоникидзевском районе. Как это происходит, видно на верхнем левом снимке. Снимок сделан не в часы «пик», а в самое спокойное время — в 11 часов дня. Посадка здесь обычно производится по принципу «кто смел, тот и сел» и сопровождается криками, напоминающими популярную «Дубинушку».

«Эх, ухнем! — втискивают граждане друг друга в машину. — Еще разик! Еще раз!»

Интересно, пользуется ли когда-нибудь общественным автобусом начальник Башкирского управления автомобильного транспорта Г. Божуховский? Трудно поверить!

И все-таки люди — консерваторы. Они упорно продолжают считать, что ехать лучше, чем идти. Чудаки! Вместо того, чтобы прогуляться перед работой какой-нибудь десяток километров, они едут на трамвайных крышах, нисколько не заботясь о собственной безопасности. Так вот и ездят каждое утро на крышах, да еще мимо горсовета!

Зато уж возвращаться домой некоторым приходится пешком. Автобусы исчезают, словно Золушка, с двенадцатым полуночным ударом. И меряют километры усталые люди, чья смена кончается как раз в двенадцать часов.

Каждый город имеет свои неповторимо индивидуальные черты. Голубые автобусы с белыми занавесками — индивидуальный штрих в облике Уфы. «Служебных», «специальных», «заказных» автобусов здесь столько, что порою начинает казаться, будто они кружат вокруг тебя, как оса вокруг меда. С рассвета до глубокой ночи гоняют они по улицам, развозя одиноких пассажиров с руководящими портфелями.

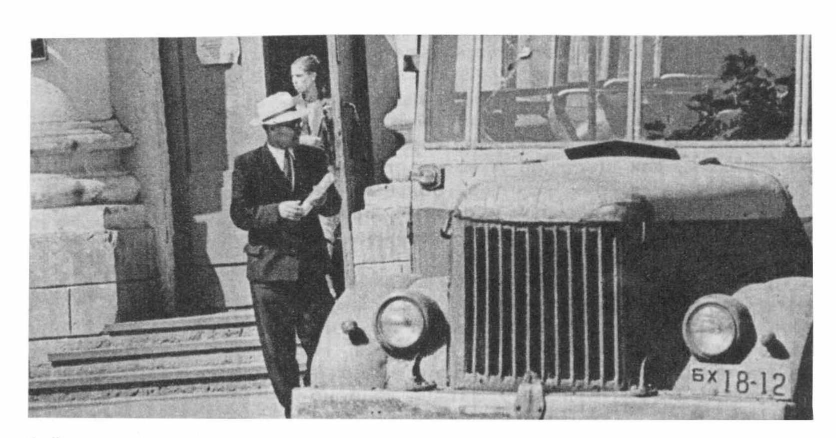
— А что поделаешь? — объяснял мне заместитель председателя Орджоникидзевского райсовета М. Гадельшин. — Машины-то отобрали, а ездить нужно! Разве управишься с одной машиной на целый райсовет? А вдруг председатель куда-нибудь поедет? Вот и выкручиваемся!

О себе тов. Гадельшин во время беседы скромно умалчивал. Молча сидел в приемной и шофер поданного к крыльцу райсовета служебного

АВТОБУС МНЕ, А

Е. КОРШУНОВ





автобуса, дружески предоставленного заместителю председателя организацией «СУ-9». Шофер и автобус ожидали М. Гадельшина целых два часа!

Оказывается, часовой простой автобуса обходится государству в сорок пять рублей. Девяносто рублей только за то, чтобы подождать М. Гадельшина! Не дороговато ли?

Но тов. Гадельшин не одинок в своей любви к персональным автобусам. Нет нужды перечислять те двадцать персональных автобусов, везших по одному-два пассажира, которые были проверены при нас инспекторами ГАИ всего лишь в течение полутора часов напротив горсовета. Трудно подсчитать, во что обошлись государству эти персональные рейсы на служебном транспорте.

Познакомьтесь хотя бы с одним из любителей путешествовать в одиночку на двадцатиместной машине. Это товарищ Кильметов. Кто он, выяснить не удалось. Товарищ Кильметов предпочел умолчать о своем служебном положении, а шофер Золотухин заявил, что вообще видит его в первый раз. Трогательная ситуация!





А во что обходится ежедневное дежурство автобусов и переоборудованных грузовиков «у парадного подъезда» Башкирского совнархоза? Машины, которые вы видите на фотографии, привезли в совнархоз руководителей уфимских предприятий и простояли здесь несколько часов. Стояли, ждали, когда же кончится совещание, выйдет на светлое крыльцо начальник и востребует:

— Автобус мне! Автобус!

Да, выкручиваются в Уфе некоторые работники за счет государства. Болезнь! Опасная, дорогостоящая, трудноизлечимая. Ведь, гоняя автобусы вместо легковых машин, руководители предприятий всегда находят себе оправдание: «Это ж на работе!»

Совет Министров Башкирской АССР принял специальное решение, строго запрещающее использовать служебные машины не по назначению. По решению обкома КПСС работники ГАИ и Башкирского управления автотранспорта проводили не раз проверки. И они показали, что решение Совета Министров систематически не выполняется, как не выполняется и аналогичное распоряжение совнархоза.

ВТОБУС!

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

И все-таки едут, едут руководящие работники на пляжи Уфимки и Демы, на рыбалку, на собственные огороды. То обнаруживается на реке Деме казенная машина, на которой приехал начальник отделения железной дороги Олекевич с дочкой Изей и женой Марьей Ивановной. То «Скорая помощь» доставляет на купание семейство начальника медслужбы больницы № 2 Куйбышевской железной дороги Дедова. Любопытно оформляются в таких случаях путевые листы. Так, Олекевич оформил свой выезд как «дежурный», а доктор Дедов, оказывается, отправился «по городу на вызовы».

Когда остановили для проверки машину, принадлежащую психиатрической больнице, шофер Гарифуллин предъявил путевой лист с записью «больные». Надо ли говорить, с какой опаской проводилась проверка? И вдруг обнаружились три совершенно здоровых «левых» пассажира!

А вот А. Шутова, инспектор по кадрам «Росмясорыбторга», на специальной холодильной машине «ГАЗ-51» отправилась в субботу после работы окучивать собственную картошку. В кузове, предназначенном для перевозки мяса и рыбы, угрюмо томился ее законный супруг. Надеемся, что он хорошо сохранился.

Автор берет на себя смелость внести предложение: что если предъявить любителям прокатиться на служебных машинах счет за незаконно использованный транспорт? За бензин, за шофера плюс амортизация?.. Вот, например, взять и сказать товарищу Гадельшину:

— Будьте добры, уплатите девяносто рублей за два часа простоя, а за проезд — дополнительно...

Предъявить бы такой же счет и руководству Башкирского совнархоза, перед окнами которого простаивают за день десятки автобусов.

В Башкирии всего около тысячи четырехсот автобусов разных марок. Из них почти пятьсот принадлежат совнархозу и различным министерствам и ведомствам. Давно ведется борьба за то, чтобы передать большую их часть в общественный транспорт республики, который, находясь далеко не в блестящем состоянии, тем не менее ежегодно приносит в народную казну десятки миллионов рублей. А ведомственные автобусы дают только убытки.

Совет Министров РСФСР 13 апреля сего года постановил: «Обязать совнархозы передать до 1 июня 1960 года автобусы, гаражи, авторемонтные мастерские...»

Но время идет, убытки растут, общественный транспорт задыхается от нехватки машин, а по Уфе продолжают бегать голубые автобусы с белыми занавесочками.



Дионея в Ленинградском ботаническом саду.

Растение-насекомоед

На болотистых почвах Северной Америки встречается интересное растение с красивым названием — дионея, продолговатый лист которой оканчивается густыми ресничками. Стоит насекомому сесть на лист, как мгновенно створки его плотно сомкнутся, «поймав» жертву.

Нашим ботаникам никак не удавалось вырастить это растение в условиях оранжереи, так как семена дионеи, приходившие из разных уголков мира, не давали всходов. Но вот осенью 1957 года в ответ на свое письмо сотрудники Ленинградского ботанического сада получили пакет с семенами из далекой Канады. Через две недели семена взошли. Дионея — растение многолетнее, развивается медленно: в природе — пять-шесть лет, в условиях оранжереи — еще дольше. Семена взошли так быстро потому, что канадские ученые собрали их в экспедиции летом того же года.

Е. ПЕНОВА

Ленинград.

Ручной горностай



По дороге на работу мой отец заметил на причале снежно-белого зверька с черным хвостом. Это был горностай. Зверек насторожился и скрылся. Подойдя к тому месту, где скрылся зверек, отец обнаружил щель между досками. Отец принес и положил около щели кусочек свежей трески. Через некоторое время треска исчезла.

Началось систематическое подкармливание зверька. Так продолжалось около двух месяцев. А потом зверек был пойман. С тех пор горностай живет в весовой Мурманского торгового порта. Прогрызть деревянные стены и уйти ему ничего не стоит, но зверек и не думает этого делать. Он приучился есть из рук, взбирается на стол, любит, когда его гладят щеткой.

И. СИТНИКОВ

Мурманск.

Экслибрис—книжный знак

Экслибрис (в переводе с латинского — «из книг») — это художественная миниатюра, личный знак владельца данной книги.

Вот уже более 30 лет читатели, библиографы, коллекционеры то и дело встречаются с экслибрисами работы художника В. М. Богданова. Как много, например, говорит изображенная на экслибрисе книголюба и артиста Н. П. Смирнова-Сокольского известная пушкинская чернильница! Дело, конечно, не только в том, что копия этой чернильницы стоит на столе Смирнова-Сокольского; экслибрис напоминает о работах Смирнова-Сокольского по библиографии пушкинского времени.



Пользуется книжным знаком работы Богданова и известный фотограф П. Оцуп.

Рассматриваешь экслибрисы на рабочем столе В. М. Богданова, и вырисовывается облик будущего владельца книжного знака: его профессия, круг интересов, даже общественная характеристика. Все это учитывает в своей работе автор книжного знака.

С. БАМДАС

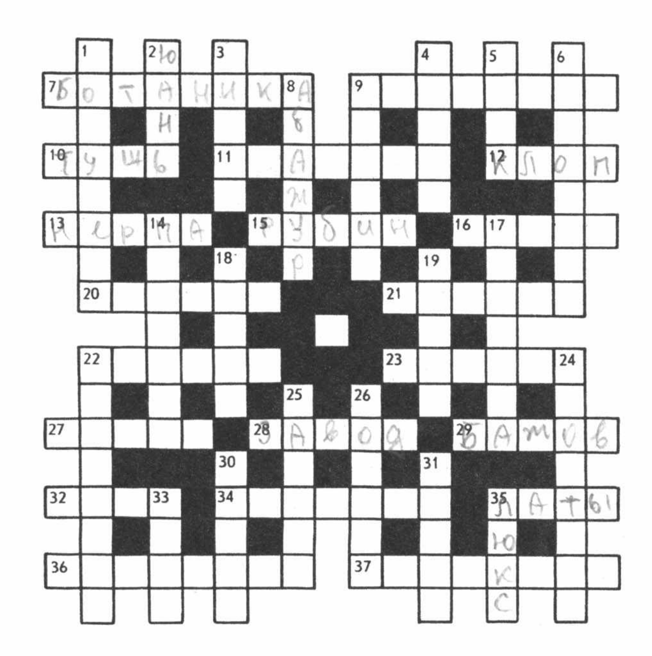
Москва.

После выступления «ОГОНЬКА»

«ПОХОЖДЕНИЯ УТОПЛЕННИЦЫ»

О похождениях аферистки Н. И. Чугуновой рассказывалось в № 20 нашего журнала. В Ростове-на-Дону, в клубе треста трамваев и троллейбусов, состоялась выездная сессия народного суда. Н. И. Чугунова совершила ряд опасных преступлений — хищений крупных государственных средств. Она, подобно матерому преступнику, скрывалась от правосудия, меняя местожительство, имена и фамилии. Суд приговорил Н. И. Чугунову к пятнадцати годам лишения свободы. Соучастник преступлений Н. В. Смирнов осужден на десять лет.

КРОССВОРД



По горизонтали:

7. Наука о растениях. 9. Духовой музыкальный инструмент. 10. Краска для черчения. 11. Изобретатель гидравлического способа добычи торфа. 12. Пьеса В. Маяковского. 13. Ластоногое животное. 15. Марка телевизора. 16. Персонаж романа Н. Островского «Рожденные бурей». 20. Рассказ А. П. Чехова. 21. Элементарная частица. 22. Вселенная. 23. Птица отряда воробьиных. 27. Дерево с перистыми листьями. 28. Промышленное предприятие. 29. Автор «Малахитовой шкатулки». 32. Сосуд для разливки металла. 34. Река, впадающая в Мексиканский залив. 35. Рыцарские доспехи. 36. Раздел языкознания. 37. Электрическая машина с ручным приводом.

По вертикали:

1. Галун. 2. Денежная единица Китайской Народной Республики. 3. Спортивное судно. 4. Промысловая рыба. 5. Геометрическая фигура. 6. Автор памятника первопечатнику Ивану Федорову. 8. Колпак для лампы. 9. Грызун. 14. Часть штампа для обработки металлов. 17. Сорт яблок. 18. Горы в Западной Румынии. 19. Стиль плавания. 22. Газ. 24. Надстрочный знак. 25. Столица Кубы. 26. Новое государство в Африке. 30. Древнеримский историк. 31. Австрийский композитор. 33. Часть конской упряжи. 35. Единица измерения освещенности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали:

3. Орион. 5. Брасс. 7. Виноградов. 9. Капабланка. 10. Снеток. 11. Тятин. 12. Низами. 15. «Локомотив». 18. «Аврора». 19. Спектр. 20. Дикуша. 21. Отдача. 25. «Живописец». 28. Аполог. 29. Декан. 30. Барбюс. 32. Полишинель. 33. Антарктида. 34. Анива. 35. Сукно.

По вертикали:

1. Гипотенуза. 2. Мадагаскар. 3. Оникс. 4. Нартов. 5. Бублик. 6. Сакаи. 8. Взяток. 9. Клинок. 13. Боярышник. 14. Диспетчер. 16. Кроки. 17. Шквал. 20. Диапозитив. 22. Акробатика. 23. Модель. 24. Гитара. 26. Долина. 27. Матрос. 28. Анона. 31. «Садко».

На последней странице обложки: На колхозной пасеке.

Фото С. Раскина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление И. Уразова.

Рукописи не возвращаются.

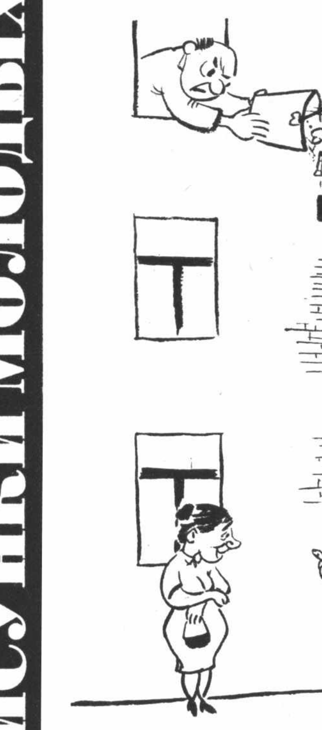
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61: Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

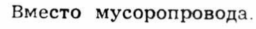
А 07137. Подписано к печати 3/VIII.1960 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 700 000. Изд. № 1160. Заказ 2122.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ОХОТА С ФОТОАППАРАТОМ

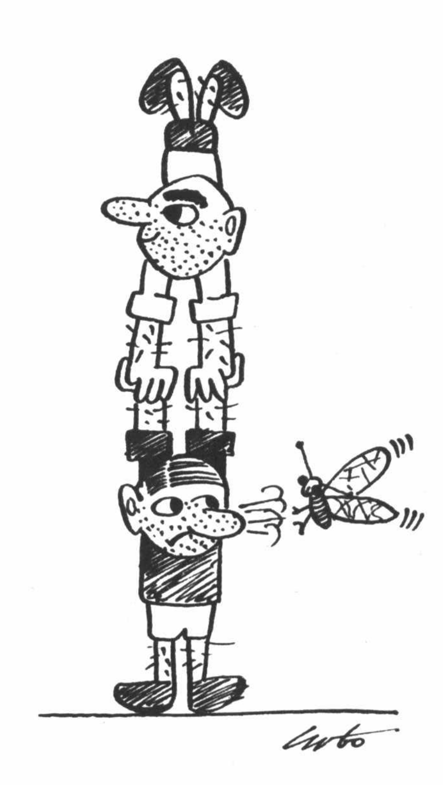
РИСУНКИ МОЛОДЫХ





Вместо мусоропровода.

Рисунок В. Воеводина.



Без слов.

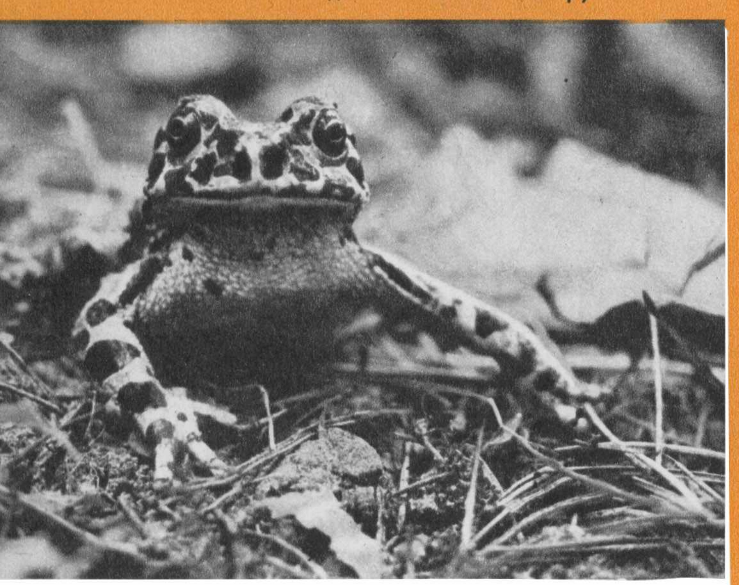
Рисунок В. Сигачева.



Вдохновенно поет зяблик!

Сова — символ мудрости. В глубоком раздумье проводит она дни. А может быть, просто отсыпается? Ведь ночью не поспишь: надо охотиться!

А эта красавица? Она довольно охотно позирует.



Человеку, который охотится с фотоаппаратом, некуда спешить. Пусть сегодня не удастся сделать снимок лисы, зайца или, скажем, бекаса. Если он возвращается из лесу с удачными кадрами ежа, жабы, зарянки, он удовлетворен, он возвращается «с полем». Но бывают моменты, напоминающие обычную охоту: в твоем распоряжении доли секунды, чтобы прицелиться и сделать «выстрел».

Раз мне повезло: метрах в тридцати я увидел поющего зяблика, прекрасно освещенного и сидящего совершенно открыто. Низко пригнувшись, почти касаясь руками земли, я добежал до большого куста. Как можно медленнее и незаметнее высунул из-за веток объектив. Далековато, но ближе не подойти: птица, заметив подозрительное движение в кустах, насторожилась. Но вот зяблик запрокинул голову, розовые перышки на его горле взъерошились, затрепетали в такт песне. Щелкнул затвор аппарата, и птица исчезла.

Хочется привести слова одного из замечательнейших охотников нашего времени, Джима Корбетта, который посвятил жизнь уничтожению зверей-людоедов: «снимок представляет интерес для всех любителей природы, а охотничий трофей — только для его владельца».

Е. ПАНОВ



Легко и грациозно с цветка на цветок порхает бабочка. И кажется, что цветы тянутся к ней...



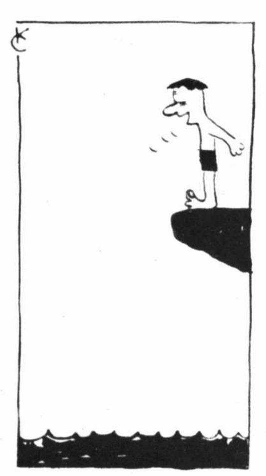
Увлекся.

Рисунок А. Семенова.



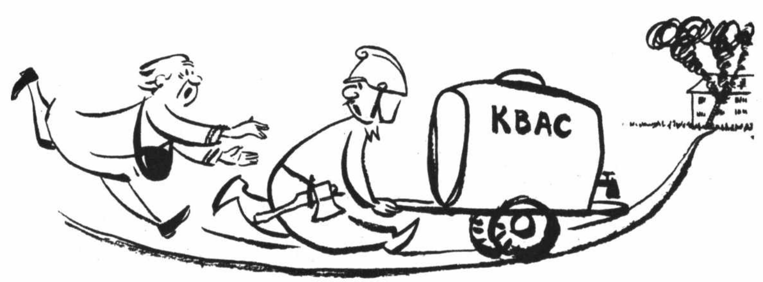
— Я придумал новое упражнение для гимнастики йогов...

Рисунок И. Оффенгендена.



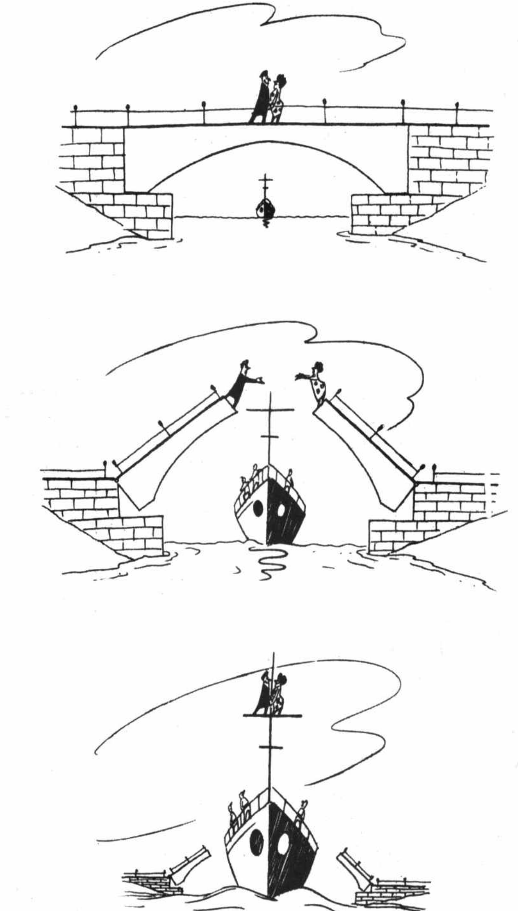
—1230, 1231...

Рисунок С. Крылова.

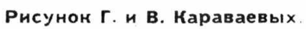


Воды не хватило.

Рисунок В. Воеводина.




Сила любви.


Рисунок Г. и В. Караваевых.

Цена номера 3 руб.

